

Тейло НИСАНОВА

ЛАБИРИНТЫ СУДЕБ

*Книга посвящается светлой памяти
Шимриля и Тури Цидкиловых-Писаховых –
моих дорогих деда и бабушки*

Тейло НИСАНОВА

**ЛАБИРИНТЫ
СУДЕБ**

Рассказы и повесть

Иерусалим
2016

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Н69

Нисанова Т.

Н69 Лабиринты судеб : рассказы, повесть / Тейло Нисанова. – Иерусалим, 2016. – 208 с. : ил.

Включенные в сборник произведения основаны на подлинных историях из жизни маленького еврейского народа, который в незапамятные времена волею обстоятельств оказался на Кавказе. Долгие столетия пришельцы жили среди горцев-иноверцев, и позднее их стали называть горскими евреями. Несмотря на все невзгоды и скитания, они всегда бережно хранили веру и традиции предков.

В книге, пронизанной нежной любовью к своему народу, простота изложения сочетается с доверительной искренностью. Следуя по лабиринтам человеческих судеб, автор подводит читателя к раздумьям о жизни, о его корнях, об истоках еврейской семьи. Например, в основном произведении сборника с безграничной теплотой рассказывается о чистоте и любви горско-еврейской женщины, противостоящей жестокостям судьбы, о ее преданности и самопожертвовании ради семьи и детей.

Пройдя через сердце автора, повествования о простых людях превращаются в яркое и масштабное историческое полотно, связывающее разные поколения и времена. Эти рассказы и повесть без преувеличения можно назвать летописью жизни и быта горских евреев. Оттого они и побуждают читателя сопереживать каждому из героев, в жизни которых как в зеркале отразилась непростая судьба всего горско-еврейского народа...

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Нисанова Т., 2016
© Шалумов Ш., иллюстрации в тексте, 2013
© Оформление. Сашина Е., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рабби Адам Давидов «По лабиринтам судеб людских»</i> (предисловие)	7
Чудеса у фонтана	11
Колыбельная	27
Свет уходящей звезды	46
Шумшун-гармонист, или Усатая голова	62
Старое фото, или Солдаты Родины	71
Встреча	82
Попутчики	87
Память сделал Он чудесам Своим	93
Здравствуй, Родина!	96
Насмешка судьбы, или Взаимы у счастья	100
Хая – это жизнь, или Вечно жив еврейский народ	113
Дождь из детства	121
Мирвори	137
Остров Свободы	151
Компотная сказка, или Фруктовая любовь	163
Лабиринты судьбы (повесть)	169
<i>Послесловие автора</i>	206

ПО ЛАБИРИНТАМ СУДЕБ ЛЮДСКИХ

Жизнь каждого человека – событие в судьбе всего человечества. Знакомясь с судьбами других людей, мы невольно применяем их к себе. Тейло Нисанова ведет нас по лабиринтам судеб своего народа, где мы неожиданно ощущаем себя не наблюдателями, а участниками событий, влияющих на наше мировоззрение и поведение в обществе. Вместе с автором мы проходим путями жизни других людей – но сопереживаем им так, будто знаем их лично.

Горские евреи по необходимости пользовались языком и некоторыми доступными обычаями соседствующих народов – кумыков, азербайджанцев, лезгин, аварцев, кабардинцев, русских, но во все времена, даже когда им грозило уничтожение, сохраняли свои вековые традиции. Иноплеменников удивляет, а иногда и устрашает умение горских евреев отстаивать свои честь и достоинство, но они с удивлением убеждаются, что евреи Кавказа и в изгнании смогли сохранить к ним доброжелательность.

Еврейская женщина из Азербайджана открывает миссионеру-христианину секрет духовного могущества своего народа («Хая – это жизнь»): «Мы хранили свою веру от войн и врагов, пытавшихся уничтожить нас, мы не впускали в нее чужих – те народы, с которыми жили рядом. Мы трепетно хранили ее для себя, для своих детей. Мы, как масло, растекаемся среди всех, но ни с кем не смешиваемся. Вот поэтому вечно жив еврейский народ!»

Пока сохраняются семейные традиции горских евреев, каждый мужчина или женщина в этой сравнительно небольшой общине, насчитывающей немногим более 100 000 человек, может чувствовать себя защищенным от разрушительного влияния иных народов. Этика горских евреев включает уважение

к старшим, почитание умерших, чистоту половых отношений. У каждого члена семьи своя, чрезвычайно важная роль – у женщины и мужчины, жены и мужа, отца и матери, у старшего поколения, бабушек и дедушек, у детей и внуков, у других родственников и даже соседей, которых часто воспринимают как членов семьи.

Окончился праздник в доме богатого купца. Ночью его сын Иосиф вышел из душевной комнаты во двор к фонтану, подобному огромному малахитовому цветку («Чудеса у фонтана»). «В задумчивости он трижды обошел фонтан, и тут блестящие струи, танцуя, устремились прямо к нему. Вращавшиеся вокруг малахитового цветка потоки воды подхватили его» – и нас с вами, и мы оказались в его водовороте. Мы смотрим его глазами, мы видим, какими горские евреи могут стать в будущем. Неужели мы потеряем одно из главных своих достоинств – скромность? Смогут ли горские евреи сохранить семейные устои, если женщины утратят стыд, а мужчины – страх перед грехом? Душа не принимает новую форму существования.

И автор возвращает нас к жизни («Мирвори»). Мы знакомимся со студенткой университета, вполне современной девушкой. Ее свадебный обряд возвращает нас к истокам еврейского народа – с белым платьем невесты, с народной музыкой, с благословениями, с радостью, что в мир вошла новая семья.

«Продолжение рода было одной из высших ценностей еврейской семьи...» – и, чтобы не обмелела река жизни («Лабиринты судьбы»), бездетная Шунамит приводит своему мужу молодую жену. Это подвиг – стать матерью своей сопернице, стать матерью ее детей. По сути, она стала матерью своего народа. Эта праведница Шунамит – пример для многих женщин и укор тем, кто позарился на вольную жизнь, свободную от требований морали.

Любовь к детям – отличительная черта нашего народа. Древнеримский историк и писатель Тацит с возмущением писал, что евреи дикий народ, поскольку так любят своих детей, что, когда рождается слабый ребенок, они выхаживают, а не убивают его. Мы с улыбкой принимаем такое обвинение. Любовь – наша созидательная сила, и именно поэтому

духовное строительство мира возложено на плечи еврейского народа.

Еврейский народ дал миру великих учителей человечества – не только в ушедшие времена, но и сегодня они направляют духовную жизнь, науку, искусство на благо людей. Такой потенциал проявился с раннего возраста у сына Хивит («Насмешка судьбы»). Давид относился к людям с трогательной заботой и часто говорил ей: «Мама, каждый человек должен стремиться делать добро другим и помогать людям...» Известно, что мы живем не в духовном вакууме, все судьбы взаимосвязаны, и если бы Хивит не нарушила свой недер¹ – свое обещание Творцу, ее сын Давид остался бы жив, а народ наш обрел бы защитника.

Что ж, Давида мы потеряли, и это больно, – но, чтобы не потерять себя, необходимо исследовать все закоулки своей души и освободиться от вожделения к отравленным плодам современной цивилизации. Еврейский закон, еврейская традиция требуют от человека не возврата к старине, а возврата к святости, ибо сказано в Торе: «Святыми будьте!» Чтобы наши действия, наши слова и даже одежда наша подтвердили нашу миссию быть духовным ориентиром человечества.

Рабби Адам Давидов

¹ Недер – обещание (на иврите и языке горских евреев – джуури).

ЧУДЕСА У ФОНТАНА

ПОПЫТКА СОЗДАТЬ ПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ НАШЕГО И СЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

*По деянию земли Мицраима, на которой вы проживали,
не совершайте, и по деянию земли Кенаан, куда Я веду вас,
не совершайте, и по законам их не поступайте.
И соблюдайте законы Мои и правопорядки Мои,
которые будет исполнять человек,
и жизнь обретет ими.*

Ваикра, 18:3,5

*И смешались они с народами,
и научились делам их.*

Теилим, 106:35

Невероятная эта история произошла давным-давно в небольшом городке – может, лет сто назад, а может, и раньше, точно теперь уже никто не скажет. Известно лишь, будто время описываемых событий примерно совпало с тем периодом, когда мир благополучно перешагнул порог нового столетия, но каким он будет, этот новый XX век, вряд ли тогда кто-то отчетливо представлял...

Городок находился далеко в горах, и дорога к нему шла через перевал среди крутых склонов гор. Жарким летним днем фаэтон с трудом взбирался по извилистому серпантину. Развалившись на сиденье коляски, крепко сложенный смуглый брюнет созерцал фантастическую красоту горных пейзажей.

Три года назад молодой Иосиф, распростившись с родным горным краем, отправился в столицу, в Санкт-Петербург, чтобы получить достойное образование. Закончив там коммерческое училище, стал финансистом и теперь счастливый возвращался в родные края, на Кавказ. Радость возвращения домой переполняла душу горца.

– Какая же здесь красивая природа! – восторженно воскликнул Иосиф. Глубоко вдохнув дурманящий свежестью горный воздух, он крикнул кучеру: – Гони ее, Шоул, быстрее гони!

– По дому, должно быть, соскучились, хозяин? – спросил тот, погоняя лошадь.

– Ну конечно! – ответил молодой человек, продолжая восхищаться дорогой. – Ты не представляешь, Шоул, как тосковал я по родным местам... Поверь, там, где я был, нет ни таких высоких скал, ни дивных гор. Таких звонких родников с живой водицей и такой вкусной айвы и горного кизила, как в наших краях...

– Долго же вас не было! Все ждут с нетерпением, даже варенье кизилковое с прошлого года сберегли к чаю, – поддержал разговор кучер, который был почти его сверстником.

– Расскажи, Шоул, как жилось и что изменилось за это время?

– Приедете и свой дом не узнаете... Отец ваш ремонт затеял. Громадное помещение отстроили, а в середине, как теперь модно, соорудили чудесный фонтан... – неторопливо рассказывал Шоул, а затем загадочно добавил: – Домочадцы к празднику готовятся...

– К какому такому празднику? – вскинул бровь Иосиф.

– ...И гостей уже созвали. Родители готовятся к помолвке, сосватали для вас Хагило – дальнюю родственницу вашей матери, и невеста с родственниками на завтра приглашена, – продолжил кучер.

На следующий день по-праздничному украшенный зал в доме Иосифа был полон гостей. А в центре его возвышалось массивное каменное сооружение, словно огромный малахитовый цветок. Бьющая вверх прозрачная вода, сверкая в огнях многочисленных свечей, затем тонкими нитями струилась из каменного цветка и падала в неглубокий зеленый бассейн,

отделанный лепниной. С двух сторон от фонтана отходила перегородка из резных деревянных рам, обтянутых полупрозрачной светло-зеленой тканью, она делила помещение на две половины, женскую и мужскую.

Приветливая бабушка Иосифа, Гюльсурх, радушно встречала женщин у входа в женскую часть зала. С одной стороны рядом с ней стояла Истыр – мама Иосифа, а с другой – Болбике, полноватая женщина средних лет, сестра Истыр и тетя Иосифа. Одеты все трое были в одинакового фасона долгополые шелковые платья и столь же длинные парчовые халаты. Мода начала XX столетия не баловала женщин страны гор. Женский наряд был довольно прост: поверх длинного, до пят платья, прикрывавшего всё тело, надевался декорированный по краям халат-габалай с длинными рукавами и ажурным серебряным поясом. Женщины полностью закрывали волосы нижним головным убором – чутху с нашитыми на него бисером и монетами, а сверху покрывали голову еще и большим шелковым платком – гюльбэнды. Бабушка Гюльсурх, величаво приподнимая руку, то и дело поправляла на переносице очки – подарок Иосифа, привезенный из Петербурга. Делала она это с подсознательным стремлением продемонстрировать окружающим диковинную в этих краях вещицу, которая удивляла их не меньше, чем украшавшие женщин большие кольца и нагрудные подвески из золотых монет, жемчугов и самоцветов.

Собравшиеся на праздничный вечер нетерпеливо ждали появления главной виновницы торжества – невесты. В зале играла музыка. Трое музыкантов, расположившись недалеко от фонтана на мужской половине, развлекали гостей, изо всех сил стараясь продемонстрировать свое мастерство. Один из них, Арон, для воодушевления слушателей надрывно-громко пел народные песни. Гости на мужской половине важно прохаживались по залу в длиннополых черкесках с серебряными кинжалами на поясах и казались очень похожими друг на друга, почти все – с усами и все как один в каракулевых папахах. Иосиф выделялся среди них своей светлой, дорогого сукна черкеской – прекрасно пошитая и сидевшая на нем как влитая, она подчеркивала атлетичность хозяина. На его поясе сверкал кинжал в инкрустированных золотом ножнах. На Кавказе все

мужчины того времени носили черкеску и кинжал – будучи неотъемлемой принадлежностью национального костюма, он завершал образ достойного и храброго воина, готового умереть за свою честь. Даже русский император Николай II в дни своего пребывания на Кавказе надевал черкеску; впрочем, он частенько носил ее и просто как повседневную или парадную форму Собственного Его Императорского Величества конвоя.

Иосиф, окруженный родственниками и друзьями, держался со спокойным достоинством. С радушной улыбкой приветствуя гостей, он украдкой поглядывал в сторону фонтана, пытаясь рассмотреть невесту. Сквозь струйки воды он увидел, как Хагило появилась в сопровождении женщин, неторопливо прошла по залу, а затем села за стол рядом с родственницей Мозолту из Дербента, которая принялась о чем-то весело ей рассказывать. Хагило слушала соседку, скромно опустив глаза. Из-под белого шелкового платка едва виднелся прямой пробор, симметрично разделявший гладко зачесанные пряди черных волос. Среди сверстниц девушка выделялась редкой, благородной красотой, и Иосиф не мог это не отметить. Никогда еще он не видел таких больших красивых глаз, над которыми разлетались тонкие ровные брови, придававшие глазам особую выразительность. Не замечая суеты вокруг и скрывая волнение, жених, пользуясь любой удобной минутой, снова и снова пытался взглянуть на прелестное личико девушки.

Гости рассаживались за столами, шутили и смеялись, а вокруг сновали слуги с огромными подносами, разносившие вина, овощи, зелень, вареных кур и благоухающие голубцы с мясом. Но главным угощением были шашлык из баранины и плов – отварной рис лежал на блюдах горами, верхушку которых украшали аккуратные ромбики золотистой корочки рисовой запеканки.

Женщины скромно веселились на своей половине, а на мужской части зала звучали тосты и поздравительные речи, адресованные гостеприимным хозяевам и виновникам торжества. Рядом с музыкантами, на площадке для танцев, двое парней вместе с женихом, раскинув руки, кружились в танце. Они описывали круги в ритм искрометной мелодии, то поднимаясь на носки, то подпрыгивая, будто собираясь взлететь.

Помолвку праздновали до полуночи. Затем гости разошлись, и невесту с подарками в окружении родственников проводили к крытой карете, которая направилась к дому ее родителей.

– Надеюсь, ты доволен невестой, сынок? – спросила бабушка Гюльсурх, когда попрощались с последними гостями.

– Да... приятная она, – покраснев, скромно кивнул Иосиф и, пожелав ей спокойной ночи, хотел было удалиться.

– Не торопись, – позвала его старушка. – Хочу, чтоб ты знал, как долго мы искали для тебя хорошую девушку, пока ты учился в столице. И когда нашли Хагило, то по обычаю послали сватов. Ведь девушки в наших краях на улицах не знакомятся, а дожидаются дома, пока придут к ее родителям просить выдать ее замуж, – строго добавила бабушка. А потом с необычайной гордостью сказала: – Договорившись с ними, мы отвезли твоей невесте кольцо и подарки. Горские евреи живут здесь по своим законам, сынок. Веками так жили наши предки. Когда я вышла замуж, в нашем городке даже синагоги не было. С тех пор уже ровно полвека прошло. Смотри-ка, какое здание община отстроила, оно стоит в нашем квартале, и ешива рядом. Вот в этой синагоге, с Божьей помощью, и проведем вашу хупу¹. – Гюльсурх всплеснула руками, улыбнулась и, распрощавшись, ушла в свои покои.

Домочадцы разбрелись по комнатам, затем, управившись с уборкой, удалилась и прислуга. Настала блаженная ночная тишина, все давно уже спали, и, казалось, дом опустел.

Иосиф долго ворочался с боку на бок, и, решительно настроившись уснуть, закрыл глаза, но сон так и не шел. Необъяснимое волнение заставило парня встать. Одевшись, он решил прогуляться по дому и, тихо ступая, отправился по коридору, в конце которого широкая лестница вела в зал, где только что отшумел праздник.

Заглядывавшая в окна луна заполнила помещение необычайным призрачным светом. Иосиф долго смотрел, как капли воды неслись вниз, рассыпаясь сверкающими брызгами, и как

¹ Хупа – прикрепленный к четырем шестам изукрашенный балдахин, под которым проводится торжественная церемония бракосочетания на еврейской свадьбе.

огромный каменный цветок в малахитовой чаше бассейна переливался изумрудом в серебре лунных лучей. В задумчивости он трижды обошел фонтан, и тут блестящие струи, танцую, устремились прямо к нему. Вращавшиеся вокруг малахитового цветка потоки воды подхватили его и понесли куда-то...

...Как долго он пробыл в странном водовороте, Иосиф не помнил. Успокоился – и удивленно обнаружил, что оказался всё на том же месте, сухой и невредимый. В глаза били разноцветные огни, освещая неизвестно откуда возникшую возле фонтана сцену. А на сцене танцевал невиданно чернокожий парень в клетчатой шляпе, двигаясь то влево, то вправо вокруг девицы в коротком платьице. Девушка исполняла какую-то песню, синхронно повторяя те же движения. Взлохмаченные каштановые волосы спадали ей на плечи, и Иосиф с удивлением узнал в ней ту самую Мозолту из Дербента, совсем недавно скромно сидевшую рядышком с его невестой. В центре танцевальной площадки он увидел пожилую блондинку с ярко накрашенным ртом и таким же румянцем. Короткая стрижка каре была гладко зачесана, а узкий парчовый сарафан едва прикрывал грудь, колени и рыхлое тело. Блондинка весело отплясывала под музыку, знакомым жестом манерно поправляя очки, сползавшие с носа.

– Это же моя бабушка Гюльсурх! – вдруг узнав ее, с ужасом воскликнул Иосиф.

Зрелище было поразительным: празднично разодетые женщины в открытых платьях без стеснения выставляли напоказ обнаженные части тела. У некоторых волосы были коротко подстрижены или распущены, другие выделялись взбитой на голове копной – полные тщеславия, они соперничали в экстравагантности нарядов и украшений. Что до мужчин, то они щеголяли в кургузых пиджачках с галстуками, без традиционных папах и даже без шапок. Под громкую музыку женщины в танце скользили по кругу, а мужчины лихо отплясывали возле них – к явному восторгу окружающих.

Иосифа повлекли к столу, ломившемуся от яств и напитков. Он ошарашенно таращил глаза, не понимая – отчего на еврейской свадьбе рядом с тушеным мясом стоит блюдо с говяжьим языком, смачно политым сырной массой, а возле аппетитно

прожаренных на тонкой косточке кусков баранины стоит тарелка с блинами и сливочным маслом. Почему посреди стола – большая ваза с креветками, а на десерт подан кофейный коктейль с пышной молочной пенкой...

Лица сидевшей напротив пары тоже показались знакомыми. Иосиф узнал своего друга Рувина с женой. Белокурая Ципа с распущенными кудрявыми волосами сосредоточенно раздвигала огромную креветку, кокетливо поправляя соскальзывавшую с голого плеча узкую бретельку платья. Ее ничуть не смущало ни мужское общество рядом, ни что ее округлые женские прелести, словно две сочные дыньки, шаловливо дразнили соседей-гостей, покачиваясь так, будто вот-вот спрыгнут в тарелку.

Иосиф покраснел, не скрывая растерянности и отчаяния. После всего увиденного он старался лишь не потерять сознание, абсолютно не понимая, откуда взялись все эти люди.

– Всё это так странно... – растерянно шептал Иосиф себе под нос. – Не могли же все они явиться оттуда? Или могли? Да что здесь вообще происходит? И где я? Ведь это же наш дом?!

Он поднялся из-за стола, окинул взглядом ставший непривычным интерьер и подошел к фонтану. На стенках бассейна он увидел знакомые лепные узоры – виноградная лоза вилась вокруг каменной чаши, сделанной по заказу отца. Бесконечно падающие струи воды переливались всеми цветами радуги, огоньки на музыкальной установке в углу надоедливо мигали под громкую музыку. И тут на сцену вышел вчерашний музыкант Арон, певший на его помолвке еврейские песни. В таком же костюме, как и у всех мужчин, он, важно расхаживая с микрофоном, звучно спел песню на совершенно незнакомом Иосифу языке. Затем, спустившись со сцены, Арон пригласил на танец сидевшую за одним из столов женщину. Явно перешагнув рубеж в пятьдесят лет, дама выглядела значительно моложе, была хорошо причесана, аккуратно подкрашена и со вкусом одета в вечернее лавандовое платье с вырезом, открывающим высокую грудь. Благосклонно приняв приглашение, она закружилась с певцом в танце, а тот, тесно прижавшись к ней и сделав два-три круга, подвел ее к фонтану.

– Бэса... Бэсаме му-чо-о... (Целуй меня...), – затянул Арон, эффектно утвердив правую ногу на каменной стенке малахитового

бассейна. Заметив, что певец не отрывается от ее декольте, дама бросила на него игривый взгляд и улыбнулась, тонкие ноздри ее орлиного носа затрепетали. Наслаждаясь мелодией, женщина словно не заметила, как ее бедро оказалось в плену между фонтаном и согнутой в колене ногой певца. Иосиф, не переставая удивляться, смотрел на стоящую у фонтана пару и вдруг с ужасом понял, что эта дама – не кто иная, как его мать Истыр. Дальше произошло неожиданное.

– Я сейчас убью его, – с презрением процедил Иосиф, потянув из ножен кинжал.

– Да ты что, очумел?! – Стоявший рядом парень, очень похожий на кучера Шоула, крепко схватил его за руку, в которой сверкнул клинок.

– Как ты смеешь, холоп? Забыл, с кем разговариваешь? – вспыхнул Иосиф.

– Чего раскричался? Иди лезгинку танцуй, джигит, раз уж в черкеску нарядился! – ухмыльнулся тот, насмешливо оглядывая Иосифа с головы до пят.

– Что-о? Мой гьулугъчи² указывает мне, что делать?! – округлив глаза, протянул Иосиф. Обуреваемый гневом, он махнул рукой в сторону дверей: – Ступай вон! Вон отсюда! На улицу! Я с тобой там разберусь!!!

В зале было слишком многолюдно. Иосиф пытался пробиться к выходу, но быстро добраться до дверей у него не получилось. Перед ним туда же, к выходу, направлялась средних лет женщина в обтягивающих черных брюках, одной рукой тащившая за собой ребенка. Ее полное тело облегал кофта из цветного полиэстера с овальными деталями из той же ткани, очень похожими на крылья пчелки, – «крылья» свисали от пояса по бокам и едва прикрывали массивные бедра. Дама вперевалочку шествовала на высоких каблуках, и выпуклости ее непропорциональной фигуры вибрировали при каждом движении. Со стороны она выглядела смешно, но Иосифу было не до смеха, он хотел поскорее сбежать, чтобы не видеть всего этого кошмара. Наконец женщина свернула, освободив ему путь, и он увидел ее знакомый профиль... да это же тетя Болбике!

² Гьулугъчи – прислуга (на джуури – языке горских евреев).

Иосиф буквально помчался к распахнутым настежь дверям – но перед самым выходом остановился. С той стороны, на улице, он заметил молодую парочку. Вычурно покрашенная девушка в коротеньком платьице, скрестив ноги и опершись на плечо незнакомого парня, что-то увлеченно ему рассказывала. Длинные прямые волосы спадали на спину, прозрачное платье плотно обтягивало фигуру, и сквозь тонкую ткань можно было легко рассмотреть всё, что обычно скрывается от посторонних глаз. Поймав удрученный взгляд Иосифа, она состроила парню в черкеске невинное личико. Иосиф, конечно, узнал девушку, в первую очередь по прямому пробору на ее голове, симметрично разделявшему гладкие черные волосы. Он в ужасе ахнул, сердце неприятно защемило – ведь это была его Хагило! Выйдя на улицу, Иосиф, не проронив ни слова, направился в темноту.

– Эй, да постой ты! – нагнал его тот самый парень, похожий на кучера Шоула. Негромкая песня из плоской черной коробочки, которую тот достал из кармана, заставила Иосифа остановиться. Из коробочки доносились чьи-то надрывные слова: «Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души, спешите к нам!»

Иосиф еще больше удивился, когда парень, открыв коробочку, принялся что-то в нее говорить. Когда тот закончил, Иосиф испуганно спросил:

– Откуда это?

– Да это я Высоцкого на мобильник записал, – небрежно ответил парень.

– Ты не понял, я спрашиваю, что это за коробочка, с которой ты только что разговаривал?

– Эта что ли? Да мобильник же! – Он изумленно уставился на Иосифа и хотел еще что-то добавить, но сзади его неожиданно обняла женская рука.

– Ну что ты тут стоишь, идем! – возмутилась, подбежав, еще одна девушка, повиснув у него на шее.

– Подожди, Томор! – Шоул попытался вырваться из цепких объятий, но не смог и, покраснев, процедил: – Это моя приятельница Томор со своей подружкой Хавой...

Девушки явно подвыпили. Хава затягивалась длинной сигареткой и в упор рассматривала Иосифа, пуская в ход весь свой

шарм, улыбка не сходила с ее лица. А Томор, хотя Шоул всячески пытался высвободиться, теребила его ухо и шептала что-то ласково-неразборчивое. Наконец, чмокнув его в щеку, она отошла к подруге и прикурила сигаретку. Заметив, что парни не собираются расходиться, она требовательно потянула Шоула за рукав:

– Пойдем потанцуем! Да пойдем же! Сейчас и невесту на танец выведут!

– Не приставай! Я догоню, идите в зал! – Отдернув руку, Шоул повернулся к Иосифу, с удивлением за ними наблюдавшему.

– Ну-ну! Смотри не опоздай! – язвительно хмыкнула Хава отходя. А Томор, вытянув губы трубочкой, без стеснения пустила несколько колечек дыма в их сторону. Затем подружки развернулись и, повиливая бедрами, направились обратно в зал.

Иосиф вздрогнул, у него словно вулкан внутри взорвался:

– Что за чудеса такие?! Не знал я до сих пор, что наши еврейские девушки курят!..

В воздухе повисло молчание. Чуть успокоившись, он пожал плечами и спросил:

– Что тут происходит, Шоул?

– А ты кто? И вообще откуда мое имя знаешь? – не выдержал тот.

– Кто я? – ткнул пальцем себя в грудь Иосиф. – Я твой хозяин, Иосиф! А это мой дом!

Иосиф не понимал, почему публика, среди которой он находился всё больше знакомых лиц, не узнавала его. «Что такое произошло за краткое мгновение, минувшее со вчерашнего вечера?» – внутренне недоумевал он.

– Какой еще хозяин? Какой такой твой дом? Ресторан это! Сегодня мы здесь празднуем свадьбу моего старшего брата Йонатана. А ты что вообразил? Ха-ха-ха... Тоже мне хозяин! – засмеялся Шоул. – Да ты откуда такой взялся? Мы думали, ты артист из танцевального шоу...

– Безобразие! С меня хватит! – злобно буркнул Иосиф, доставая из нагрудного кармана золотые часы с цепочкой, ярко блеснувшие в свете уличного фонаря.

– Ну-ка покажи! Ох ты, что это такое? – Шоул потянулся, чтобы рассмотреть манящий предмет поближе.

Его внимание привлекло выпуклое изображение русского герба на крышке часов. Двуглавый орел с широко распахнутыми крыльями, казалось, вот-вот взлетит, покидая своего хозяина и весь этот нелепый хаос.

– «Павель Буре поставщикъ Двора Его Величества», – Шоул прочитал вслух надпись, выбитую на крышке. На минуту задумавшись, поинтересовался: – Откуда у тебя такая старинная вещичка?

– Какая же старинная? Это новые часы! – Иосиф зло дернул бровью.

– Хм... да, блестят как новые... А может, это подделка? – съехидничал любопытный собеседник, обратив наконец внимание на сжатые кулаки парня в черкеске.

– Ты что говоришь-то? – вспыхнул Иосиф. – Ты же сам видел, как отец вчера встречался с поставщиком фабрик Буре и купил мне эти часы в подарок.

– Кого видел?! Каких таких фабрик Буре?.. Очнись, старик! Что с тобой? Уже давно XXI век на дворе! Может, ты вообще из прошлого сюда залетел, а? Тоже мне барин выискался! Ха-ха-ха! – расхохотался Шоул и, насмешливо поклонившись, удалился.

Иосиф задумался. Он проводил Шоула оценивающим взглядом, пытаясь разгадать загадку этой ночи. Странные слова заинтриговали его настолько, что он повернулся и поспешил обратно в дом, к фонтану...

– А ведь отсюда всё и началось... да-да, именно отсюда, – твердил он сам себе. Вспоминая по минутам события вчерашнего вечера, молодой человек обошел бассейн три раза по часовой стрелке, как и вчера, но ничего необычного не случилось.

В это время на сцене вновь возник экстравагантный конференсье и бодро объявил в микрофон:

– Для вас поет звезда российской эстрады – Мозолитта!

И конференсье напомнил, что Мозолитта и шоу-группа «Мимоза» специально прибыли на этот праздничный вечер из Москвы.

Зазвучала громкая музыка. На сцену вышла та самая девушка, которая в начале вечера пела с молодым чернокожим парнем в клетчатой шляпе. Сейчас она запела явно хорошо знакомую публике песню:

– Авейну шолом алейхем...

На танцевальную площадку потянулись гости и, взявшись за руки, стали двигаться по кругу в такт музыке. Одна мелодия сменяла другую. Вдруг зазвучала зурна, с азартом застучали барабанные палочки, заиграла гармонь, заполняя праздничное пространство зала живыми звуками... Иосиф тут же почувствовал прилив сил и бодрости, узнав знакомую мелодию любимой лезгинки!

Люди расступились, освобождая дорогу плавно движущейся к центру паре. Невеста, накрытая прозрачной фатой, плыла по кругу, словно белая лебедь, а следом, высоко вскидывая руки и приподнявшись на носках, непринужденно-легко двигался жених. Через минуту танцующих окружили мужчины – родственники и друзья жениха, образовали замкнутый круг, стояли и хлопали, дожидаясь очереди потанцевать с невестой. Иосиф любовался весельем, как и все, хлопая в ладоши. Внезапно кто-то толкнул его сзади. Две девушки, раздвигая толпу, направлялись к танцующим. Пробив локтями проход, они влетели в круг и, раскинув руки, начали порхать вокруг невесты, как две бабочки. Девушек ничуть не смущало, что их сногшибательные мини-наряды привлекают окружающих.

– Боже! Это же Томор с подругой! – догадался Иосиф.

Сквозь шум музыки до Иосифа доносились звуки льющей воды, будоражили душу, заполняя ее ни с чем не сравнимой тоской. Отступив из толпы, он вернулся к фонтану. Почти все гости уже поднялись из-за столов и, окружив танцующую невесту, дружно хлопали в такт искрометной лезгинке. И никого не интересовало, что же происходит за их спинами с задумчивым джигитом...

Поразмыслив, Иосиф решил, что теперь следует трижды обойти малахитовую чашу в обратную сторону, против часовой стрелки. И лишь только он закончил третий круг, струи воды неожиданно устремились параллельно паркетному полу, легко

подхватили его и понесли, закружив в вихре, как и в первый раз. Смертельно испугавшись, парень чувствовал вокруг бурное движение воды, в глазах потемнело, и он понял, что теряется в пространстве...

...Иосиф очнулся от нестерпимой головной боли. Он лежал на полу рядом с каменным цветком-бассейном. В доме было тихо, в зал врывались первые лучи утреннего солнца.

– Это вы, хозяин? Что так рано проснулись? – донесся до него голос кучера.

Сердце Иосифа бешено стучало в груди, голова кружилась, а с ней крутился-вертелся и весь мир. Невероятным усилием он поднялся на ноги и застыл, словно разглядев в глубине зала нечто невидимое.

Наконец, немного придя в себя, спросил:

– Шоул, это ты? Скажи, дружище, где брат твой, Йонатан? Я был на его свадьбе?

– Да что вы? Вас, конечно, не было... свадьбу месяц назад устроили, а вы только вот приехали, – сбивчиво объяснил кучер, дивясь странному поведению хозяина. – А после свадьбы брат с молодой женой уехали жить в Кизляр, я сам их туда и отвез...

Шоул улыбнулся и добавил:

– ...А скоро, через месяц, до праздника Рош ха-Шана, мы будем праздновать и вашу свадьбу. Верно?!

В ответ не раздалось ни звука.

– Что-то не так с вами? – переспросил кучер, озабоченно посмотрев на бледное лицо парня.

– Да-да, всё правильно говоришь... Я же не сошел с ума, правда? – растерянно отозвался Иосиф и тут же добавил, заметив удивленные глаза Шоула: – Всё в порядке, всё уже хорошо, не волнуйся...

Иосиф сел на пол у фонтана, обхватил руками голову и, пытаясь успокоиться, слушал умиротворяющее журчание воды.

«Что же произошло со мной на самом деле? Кто объяснит мне? Что это было? Ведь евреи тысячелетиями жили здесь, в горах, своей обособленной жизнью, – рассуждал Иосиф. – Скитаясь среди других народов, чужаков в свой круг не принимали и сами с ними не смешивались, ценой крови они сохранили на

века свои традиции и веру. Неужто придет время, когда в будущем все позабудут об этом?»

В ушах еще звенела песня из коробочки паренька, так сильно похожего на Шоула: «Спасите наши души! Наш SOS всё глуше, глуше, и ужас режет души... напополам!..» Слова песни из того призрачного будущего сверлили мозг, и сознание растворялось в неопределенности.

– Я, кажется, побывал в будущем, – осенила вдруг Иосифа догадка. – Разве не могло такого случиться?! Может, ангел-хранитель отцовского дома вовремя вернул меня назад?

...Когда настал день свадьбы, с утра моросил осенний дождь. В празднично убранном зале у свадебного балдахина собрались родственники жениха и невесты, которые были не только их гостями, но и свидетелями. Невесту завели под хупу, где ждал жених. Церемонию бракосочетания старенький седобородый раввин начал с чтения семи благословений «Шева брахот» – низкий голос раввина разносился по залу, приводя собравшихся в трепет.

Жених после благословения на вино разбил стакан о лежащий у его ног большой камень, один осколок ударился о малахитовую чашу фонтана – и ярко заблестел, когда раввин зачитывал благословение: «Да будет воля Его на то, чтобы это потомство произошло от тебя...» Стеклышко сияло изумительным волшебным светом до самого конца хупы, будто напоминая Иосифу о той странной ночи. «Конечно же, я побывал в будущем! Случайно оказался на перекрестке миров, где произошло невероятное столкновение двух разных эпох!» – вновь и вновь убеждал он себя.

В душе творилось что-то непонятное. Иосифу показалось, что время на мгновение остановилось, и он с ужасом подумал: «Боже! Как не хотел бы я вновь оказаться в том кошмарном мире! Что станет с моими детьми, внуками? Что если они вдруг перестанут уважать друг друга, забудут о славе и величии, милосердии и героизме, о мудрости наших законов и вечности традиций? Кто же будет хранить наше наследие? Неужели угаснет факел веры, который мой маленький народ гордо пронес сквозь суровые годы вековых скитаний? Может, в прошлом и кроется тайна ближайшего будущего?.. Самое

страшное, если всё, что я там увидел, когда-нибудь действительно случится с моими потомками...»

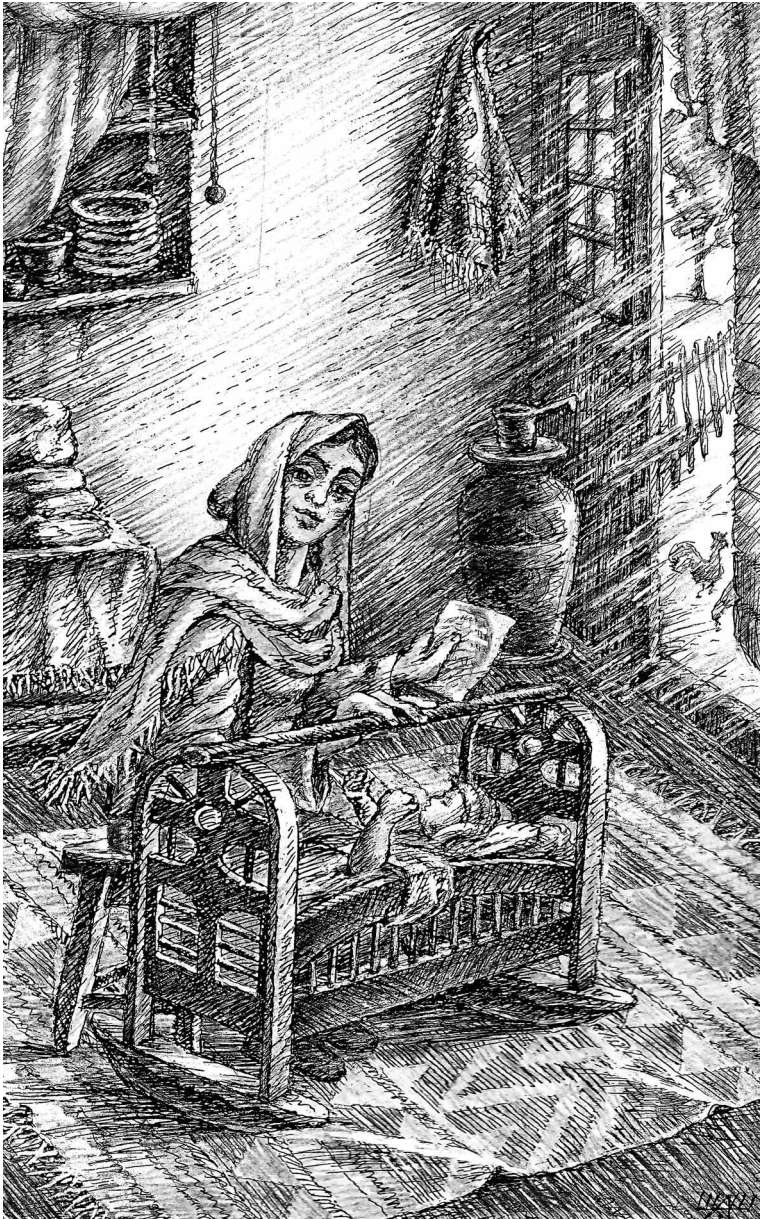
Чуть слышным шепотом Иосиф взмолился:

– Взор Господа обращен к боящимся Его, к тем, кто полагается на Его милость. Милости Всевышнего неисповедимы...

Мысли Иосифа прервали громкие крики «Мазал тов!»³ и аплодисменты, доносившиеся со всех сторон. Гости и родственники наперебой радостно поздравляли молодоженов. Церемония обряда заканчивалась.

2011–2012 гг.

³ «Мазал тов!» – восклицание поздравления и пожелания удачи на иврите. Эта фраза состоит из двух слов: «мазал» – везение, удача и «тов» – хороший, добрый.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сказал Он им: «Идите и выясните, каков правильный путь, которого должен придерживаться человек...»

Сказал Он им: «Идите и выясните, каков плохой путь, от которого должен человек отдаляться...»

Трактат Авот, глава 2:10

– Нэnum-нэнуи, ширинэ айль-ле бала-лей мэ (Баю-баюшки, мой сладкий малыш), – пела Бике колыбельную внуку. Она сидела на маленьких подушках, раскиданных по покрывавшему пол большой комнаты многоцветному ковру, и в такт мелодии покачивала деревянную люльку, где посапывал младенец. В доме не было никого. Она пела маленькому Ахмеду колыбельную на родном языке, которого малыш пока не знал, да и вряд ли когда-нибудь узнает.

Десять лет прошло с тех пор, как Советский Союз отпраздновал победу над Германией. Бике была уже немолодой женщиной, но в свои 60 лет выглядела моложе сверстниц – может, оттого, что черты ее лица хранили неизгладимый след аристократизма и былой красоты, которой она была одарена свыше. Этот дар стал испытанием всей ее долгой жизни и причиной всех несчастий. Всякий раз, сидя у колыбели, Бике напевала «Нэnum-нэнуи», вплетая в песню слова, рассказывающие ее историю... На глаза невольно наворачивались слезы, а жалобное пение разносилось по комнатам, разрывая тишину огромного дома. Не замечая, что ребенок давно уснул, женщина продолжала петь, и воспоминания переносили ее в далекую юность.

...Она родилась последним, восьмым ребенком и единственной дочерью в семье Менешира, известного в Дербенте своим богатством. Мать ее умерла во время родов, и заботилась о девочке Ахсе – жена старшего брата Бике.

– Томум, Томум! Где же ты? – раздался звонкий женский голос, привлекая, как обычно, внимание прислуги.

– Здесь я, уже здесь, госпожа, – откликнулась служанка, торопливо поднимаясь по роскошной инкрустированной лестнице, украшавшей прихожую двухэтажного дома.

На втором этаже лестница переходила в широкий балкон, галереей тянувшийся по периметру просторного вестибюля. На балконе стояла Ахсе – высокая статная женщина лет 25. Поверх длинного платья из лилового шелка на ней был темно-синий атласный халат с серебряным поясом филигранной работы – излюбленным украшением горянок. Крупные, в три ряда бусы из белого жемчуга мягким перламутром переливались на шее, подчеркивая привлекательность округлого лица.

– Собралась ли Бике? Утро на дворе, девочке в гимназию давно пора! Присмотри, чтобы она к занятиям не опоздала, – напомнила Ахсе пожилой няньке, застывшей на ступеньках.

– Да, госпожа, кучер Одом повез ее в гимназию, – покорно ответила Томум и, спускаясь по лестнице, привычно заворчала: – И зачем молодой девушке эта школа нужна? Ей замуж выходить, семью заводить. Где это видано, чтобы еврейские девушки в школах учились?!

– Что ты всё ворчишь, Томум?! Ты же знаешь, что Эсеф, муж мой, образованный человек, и он хочет, чтобы его любимица Бике тоже получила хорошее образование. Она способная девочка, пусть учится. Теперь все учатся... это тебе не то что раньше! – многозначительно заметила Ахсе.

Служанка пожала плечами и, вздохнув, направилась на кухню.

– За прислугой присмотри, чтобы еду к обеду вовремя приготовили, – не меняя тона, приказала хозяйка.

Выпрямив спину и подняв подбородок, она величественно закинула за плечо уголок воздушной шали, покрывавшей голову, и перевела взгляд на свою пухленькую холеную руку. Полюбовалась блеском драгоценных камней на золотых

перстнях, игриво сверкавших в лучах утреннего солнца, которые били в окна огромной гостиной. Привыкшая просыпаться рано, Ахсе каждое утро приходила на это удобное для обзора место на балконе и следила сверху за работой прислуги. Она любила в доме порядок и не только была строга со слугами, но и от детей требовала беспрекословного послушания.

Ахсе считала себя примерной женой и хозяйкой многолюдного дома. Раздавая слугам поручения, она особенно старалась перед тем, как муж и его родня собирались к вечерней трапезе. Она не только испытывала к мужу глубокое уважение, но и необычайно высоко ценила его за ум и предприимчивость, за беспредельную преданность семье и делу, которым тот занимался.

Эсеф получил хорошее образование в Санкт-Петербурге. В те времена мало кто из горских евреев имел такую возможность – но он был человеком больших дарований и отличался от шестерых младших братьев непреклонной волей и живым характером. Успешно реализуя любые смелые замыслы, Эсеф радовал старика-отца, который в свое время был благополучным предпринимателем, зажиточным владельцем крупного помещичьего хозяйства. В начале XX века по Российской империи гулял призрак невиданных социальных изменений, но всё это пока не коснулось далекой кавказской глубинки, и до февральской и октябрьской революций 1917-го оставалось еще несколько лет. Множеством виноградников и старым винодельческим заводом Менешир управлял вместе со старшим сыном, всегда убеждаясь, что его состояние и семейное дело перешли в надежные руки.

Собираясь с сыновьями по вечерам в большой гостиной, Менешир частенько рассказывал детям о своих предках.

– Когда именно евреи попали на Кавказ, точно уже никто не помнит, но все хорошо знают, что предки наши были представителями одного из двенадцати колен Израилевых и, живя в окружении иноверцев, веками ревностно хранили свои обычаи и веру. Соседи-горцы постоянно совершали опустошительные набеги на еврейские поселения, страшные дни бедствий пережили наши предки. А когда мусульманство пустило на Кавказе прочные корни, евреев насильственно обращали в ислам...

Менешир всякий раз говорил с таким трепетом и чувством высочайшей любви и благодарности к прародителям, будто пытался навечно запечатлеть их историю в памяти потомства. Он не раз слышал от деда, как многие евреи, спасаясь от гибели или плена, бежали из горных селений в Дербент, а те, кому не удалось скрыться, были покорены и насильственно ассимилированы горцами. Полные горечи воспоминания переносили старика в канувшие в вечность времена. Он рассказывал детям, как Дербент постепенно становился прибежищем спустившихся с гор евреев, которые потом заселяли окрестности города, постепенно обживаясь на новом месте. Жизнь беженцев была нелегка. Люди денно и нощно трудились не покладая рук, сажали фруктовые сады и виноградники, производили вкусное вино и строили дома, вливаясь в ритм времени. Предки Менешира обосновались на окраине города вместе с теми переселенцами. На новых землях дед Менешира занялся виноградарством, и его вина скоро обрели славу лучших в округе. Он слыл знатоком, бережно хранил свои секреты и завещал их наследникам.

Получив во владение богатства предков, Менешир развивал семейное предприятие. Особенно хорошо дела его пошли в последние годы, когда старший сын Эсеф вернулся из Петербурга. Прикупив участки земли, Эсеф расширил и без того огромное отцовское хозяйство, развернул виноградарство на юге Дагестана и построил новую большую винодельню на базе старой, воздвигнутой еще прадедом. Успех не заставил себя ждать, и деньги потекли рекой. Кто бы мог тогда подумать, что торговля вином станет приносить хорошие барыши?! Он стал одним из крупнейших в округе поставщиков вина. Продукция его завода пользовалась спросом не только на Кавказе, но и далеко за его пределами. За вином приезжали в Дербент не только из русских городов, но и из Виленской губернии (нынешняя Литва), из Турции и прочих мест.

Менешир был доволен, что семейное его дело процветает – виноградники приносили обильные урожаи, и доходы от производства вина постоянно росли. Грех было жаловаться! Но в те дни старик еще не знал, какие сюрпризы приготовила

судьба и что жизнь скоро удивит его совершенно неожиданными переменами...

И вот однажды Менешир получил срочную депешу из Темир-Хан-Шуры¹, в которой сообщалось, что Его Императорское Величество Николай II, совершая поездку по Северному Кавказу, остановился в доме военного губернатора Дагестанской области и желает встретиться с представителями дагестанской знати. Взволнованный Менешир признался детям, что столь высокой чести удостоивались немногие, и срочно приказал готовить на утро лошадей.

На рассвете Эсеф с отцом, сопровождаемые слугой, выехали из дома на лучших скакунах. Впереди был долгий путь в Темир-Хан-Шуру. Лошади почти без передышки мчались по каменистым извилистым горным дорогам. Странное беспокойство не отступало, Менешир подстегивал скакуна. Чувствуя настроение хозяина, породистый жеребец, обогнав попутчиков, галопом домчал до города. И тут, не в силах отдышаться, бедное животное замертво упало на землю. Отдав слуге распоряжение заняться испустившим дух животным, Менешир с сыном направились к дому военного губернатора, где уже собрались помещики и купцы со всех концов Дагестана. Приглашенные с замиранием сердца ожидали личной встречи с императором. Прием шел в кабинете губернатора, но не все приглашенные удостоились царской аудиенции. Перед встречей с Менеширом государю был представлен краткий отчет о деятельности дербентских помещиков-евреев, немалые средства вложивших в благоустройство родного города. Царю доложили и о том, что, добираясь до столицы, Менешир загнал лучшего своего коня, чтобы успеть на встречу. С тех пор Николай II не раз ставил в пример придворным поступок дербентского помещика, гордясь таким проявлением преданности своего поданного. Кроме того, императору стало известно, что купцы – горские евреи из Дербента снабжали Русскую армию продовольствием, и это тоже стало причиной милости царя к дербентским евреям.

¹ Темир-Хан-Шура – с 1866 по 1921 год столица Дагестанской области, ныне город Буйнакск.

После встречи Менешир сообщил о желании государя побывать со свитой в Дербенте. По такому случаю в Дербенте было устроено большое торжество. Менешир готовился достойно встретить в своем доме дорогого гостя. Хорошо понимая, что случай удостоиться царской милости и добиться его расположения мог больше и не представиться, Менешир стремился окружить императора и его свиту должным вниманием. В честь 300-летия дома Романовых, празднование которого намечалось в следующем, 1913 году, императору был преподнесен щедрый дар от семьи Менешира – несколько городских зданий. Находясь в хорошем настроении после приветственных церемоний, император объявил, что поедет отдыхать только к Менешире, назвав его своим приятелем. Оказывая великую честь дербентскому помещику, Николай II подчеркнул свое уважение не только к Менешире, но и ко всем евреям города. Этот случай неожиданно вознес Менешира на пик благополучия, и благодарные жители еще долго вспоминали о визите царя и что царь ночевал в его доме.

Другое волнующее событие, которое осчастливило старого дербентского помещика, было посвящено празднику открытия новой синагоги. Неподдалеку от роскошного менешировского дома, примечательной архитектурой и красивейшим фасадом вызывавшего восторг у городских жителей, Эсеф и его братья развернули строительство здания большой синагоги. Менешир не только не пожалел средств на возведение храма, но и сам иногда работал на строительстве – как и каждый еврей Дербента, стремясь внести в это дело долю личного своего участия. Работу старались закончить до начала весеннего праздника Песах. Скоро были поставлены и облицованы стены, завершены почти все внутренние работы, а главный молитвенный зал украсили великолепные колонны и лепной карниз. Синагога была готова к сроку.

– С Божьей помощью мы такой праздник устроим в честь открытия нашей синагоги, что жители города надолго запомнят этот день, – с гордостью говорил Менешир, когда строительство подходило к концу.

Открытие синагоги действительно стало незабываемым событием в жизни евреев города. В тот день по улицам

Дербента двигалось впечатляющее шествие с музыкой, которую играл шедший впереди военный оркестр. За оркестром следовали равнины и Менешир с сыновьями в окружении мужчин дербентской общины, а в середине шествия несколько солдат-евреев несли под балдахинем свиток Торы. По бокам шли факельщики. Когда процессия остановилась у входа в синагогу, крепкие руки Менешира бережно подняли свиток, покрытый бархатной тканью, и под заглушавшие музыку аплодисменты он вошел в здание, еще пахнувшее свежей краской. Не в силах сдержать эмоции, старик густо покраснел и, чуть прищурившись, чтобы скрыть наворачивающиеся слезы, оглядел собравшихся людей. Радостные возгласы благословений доносились со всех сторон. Менешир чувствовал глубочайшее внутреннее удовлетворение и ни с чем не сравнимую радость, ведь вся его семья присутствовала на церемонии и была совершенно счастлива, что сбылась давняя мечта его предков!

Вслед за праздничной процессией шли женщины, среди которых нельзя было не заметить Бике – любимую хозяйскую дочку, стройную большеглазую девушку. Из-под ее шелкового платка спускались две черные косы, выющиеся почти до щиколоток, касаясь подола шитого золотом длинного голубого платья. Природа наградила Бике необычной внешностью, красота ее приковывала внимание любого, кто с ней встречался. Выразительные серые глаза зачаровывали, и когда девушка оживлялась, они лучились светом, а на губах возникала застенчивая милая улыбка, придававшая нежному личику необъяснимое обаяние. Она шла под руки с подругами, и девушки о чем-то увлеченно шептались.

За всем происходящим на улице в тот день с интересом наблюдал и Гаджибек, приехавший из соседнего селенья сын хана Теймура. На поясе темной черкески, пошитой из добротного сукна и плотно облегавшей стройный стан молодого горца, сверкал большой кинжал, а на его лицо спадали ключья белой шерсти огромной папахи, которую он носил с таким величайшим достоинством, что даже в жару с ней не расставался. Густая рыжая борода и столь же пышные усы завершали его мужественный и гордый облик. С любопытством разглядывая

движущуюся толпу, он вдруг заметил идущих в конце девушек. Тонкие светлые брови мгновенно сдвинулись к переносице, и в глазах горца заискрилась решимость.

– Эй, друг, стой! Поди-ка сюда, – окликнул он пожилого мужчину, который плелся, прихрамывая, позади всех. – Ты кто, как тебя зовут?

– Севи, – ответил тот, приблизившись маленькими шажками, и нехотя пояснил: – Я прислуживаю в доме Эсефа, сына Менешира, которые и построили эту синагогу.

– А это кто? – указывая на Бике, спросил Гаджибек.

– Дочь Менешира, – ответил Севи и, отвесив легкий поклон, поспешил догонять уходящих...

По всей округе ходили легенды о красоте дочери Менешира. Она была поразительно хороша собой. Сваты обивали пороги дома обладательницы богатого состояния, но отец и ее братья неизменно отвергали женихов, не подозревая, что такая разборчивость обернется для семьи большой драмой.

Гаджибек решил подождать в сторонке окончания праздничной службы, а когда народ начал медленно расходиться по домам, перешел на другую сторону улицы и встал под деревом. Нервно поглаживая усы, он наблюдал за женщинами, выходящими из синагоги, и за Бике, направившейся вместе с ними к дому. Затем Гаджибек увидел того самого еврея, с которым уже удалось пообщаться, и поманил его пальцем.

Севи подошел:

– Слушаю вас, господин.

– Дружок, расскажи-ка мне о них, – горец кивнул в сторону женщин.

– Прошу прощения, господин, я тороплюсь. У меня много незаконченной работы, и я должен всё завершить, чтобы не рассердить хозяина, – начал объяснять Севи.

– Не торопись! – схватил его за руку Гаджибек и, засовывая ему в карман серебряный рубль, сказал: – Зачем спешишь, успеешь наработаться!..

Севи понял, что отвертеться от навязчивого парня будет непросто, и сбивчиво рассказал ему о семье, о братьях Эсефа и его младшей сестре Бике, учившейся в гимназии для господских детей.

Разузнав всё, что нужно, Гаджибек вернулся на постоянный двор. Оседлав оставленного там коня, он лихо промчался по городским улицам, выехал на горную дорогу – но голову не покидали мысли о недавней встрече с девушкой, с первого взгляда покоровшей его сердце...

– Где хан? – вбегая в дом, спросил Гаджибек.

– Что случилось, что ты хочешь мне сказать, сын мой? – вышел навстречу Теймур-хан.

– Мне надо поговорить с тобой, отец. Сегодня в Дербенте я увидел дочь Менешира. Я хочу жениться на ней, – сообщил Гаджибек, ни секунды не сомневаясь, что его слова будут одобрены.

– О чем ты говоришь, безумец! Опомнись, неужто совсем разум потерял! – в гнев вскричал хан.

Сообразив, что ни к чему хорошему разговор не приведет, Гаджибек все-таки попытался объяснить:

– Нет-нет, всё не так! Эта девушка мне очень понравилась, жизнь без нее для меня теперь не имеет смысла. Это не заблуждение... пойми же, отец...

– Тебе следовало бы помнить, что она родилась в семье неверных, врагов нашему Аллаху. Одумайся! – Хан от злости был мрачнее тучи.

– Хочешь, чтобы слова твои задели меня?! Но пусть все знают, что никто и ничто в этой жизни не заставит меня отказаться от возлюбленной. Отправь сватов в дом Менешира, прошу тебя! – взмолился Гаджибек, не желая подчиниться отцу.

– О, Аллах, да ты бредишь! Не бывать этому, слышишь меня, наглец? Никогда не бывать! – грозно закричал Теймур-хан. Его необузданная ругань и вопли сотрясали воздух подобно раскатам грома, он тяжелыми шагами мерил комнату. Наконец повисла мучительная пауза, хан остановился перед сыном, смерил его гневным взглядом с головы до ног и процедил: – Запомни, я не намерен унижать ханское достоинство перед твоими евреями!

Парень невольно опустил голову. Судорожно сжимая кулаки, втянул носом воздух и сделал глубокий резкий вдох. Теперь лишь глаза его выдавали страшное внутреннее напряжение.

Понимая, что перечить отцу бесполезно, он покорно внимал неласковым словам.

– Послушай, сын мой, – вновь заговорил хан, сдерживая гнев. – Ты можешь со мной не соглашаться, но вот что я тебе скажу: евреи не отдают замуж своих дочерей в нееврейские семьи. Где ты видел, чтобы еврейки выходили замуж за неевреев? Я вижу, ты сейчас ослеп от любви. Но не торопись, не делай поспешного выбора... Сколько хороших девушек в моих аулах! Выбирай, и я женю тебя на любой!..

Не сказав ни слова в ответ на отцовские уговоры, Гаджибек ушел к себе. Но отныне он утратил покой. Ему вспоминалась их мимолетная встреча, и перед глазами непрестанно вставал образ юной незнакомки. Он стал часто наезжать в Дербент, чтобы разыскать и снова увидеть ее. Как-то раз, узнав, на какой улице находится гимназия, Гаджибек устроился неподалеку от входа, наконец-то дождался Бике и увидел, как она прошла несколько метров от ворот до места, где ее ожидал кучер Одом с легкой каретой. Девушка села в карету и уехала домой.

Влюбленный юноша признался своему другу Махмуду:

– Красота ее пленила меня. Она прекрасна, как весенний цветок, сердце мое сжимается от тоски по ней!..

– Друг мой, да ты совсем извел себя! Стоит ли так мучиться?.. Давай просто увезем ее в горы, – посоветовал Махмуд.

– Это невозможно. Она неприступна, ее повсюду сопровождает прислуга, – махнув безнадежно рукой, сказал Гаджибек, но было видно, что он готов на всё.

– Даю слово джигита, я помогу тебе! – пообещал друг, ни на мгновение не задумавшись, к какой трагедии может привести его коварный план.

На следующий день друзья поскакали в Дербент. На окраине города Гаджибек придержал коня, и дальше отправился один Махмуд. Дождавшись перерыва между уроками, горец сунул какой-то женщине немного денег и послал ее в гимназию за Бике. Женщина, обманом выманив девушку на улицу, тут же исчезла. Не успела Бике выйти из подъезда, как крепкая мужская рука схватила ее, бросила через седло... Накрыв похищенную девушку буркой, Махмуд тут же направился прочь из города.

— ❦ —

Два всадника во всю прыть своих коней понесли по узкой дороге, причудливым серпантином вившейся по склонам гор. Путь до поселка, где жил Махмуд, занял несколько часов.

Бедная девушка в момент похищения так испугалась, что сперва даже не поняла, что с ней произошло. Тело ее висело на спине коня и нещадно тряслось при каждом движении животного. Когда взмыленные кони остановились у дома Махмуда, Гаджибек, завернув похищенную в бурку, на руках внес ее в дом и усадил на тахту, покрытую толстым ковром.

— Где я? — с недоумением спросила Бике. После тяжелой дороги голова ее кружилась, всё плыло перед глазами.

— Теперь ты моя! — страстно сказал Гаджибек. — Это я украд тебя. Я завоюю твое сердце... постепенно, но навсегда. Ты станешь моей женой, и мы начнем с тобой новую жизнь!

Услышав это, девушка упала в обморок. А когда пришла в себя, увидела старушку, которая суетилась возле нее и прикладывала к голове мокрые тряпочки, что-то ласково приговаривая на непонятном языке.

Черные косы девушки растрепались, светлое атласное платье было в пыли. Бике осторожно приподнялась, огляделась. Она была в небольшой комнате без мебели, пол покрывал ковер-сумах, а на ковре стоял металлический поднос со свежее испеченными душистыми чуреками² и едой. Аромат хлеба заполнил всю комнату, но есть ей совершенно не хотелось. Старушка, жестами указав на поднос, удалилась, оставив Бике одну. Девушка в ту же минуту бросилась к окну, распахнула его — и была потрясена красотой величественных гор, свежим дыханием горных цветов и трав. Дом стоял на краю бездонной пропасти.

Бике хотелось обернуться птицей и улететь, но она поняла, что бежать отсюда не удастся. Девушка всхлипнула, слезы покатались по щекам. Вернувшись на место, она устроилась поудобней на тахте, прижала колени к груди, крепко обхватила их руками и опустила голову — и так, в отчаянии, провела всю ночь. Дурные предчувствия не давали заснуть.

² Чурек — домашний хлеб.

Наутро в комнату вошла молоденькая девушка в традиционном платье и чарыках³, укутанная в большой платок. Она несла тазик, кувшин с водой и полотенце.

– Ханум⁴, доброе утро, меня зовут Айшат. Я буду прислуживать вам и учить вас кумыкскому языку. Молодой хозяин, Гаджибек, тоже говорит на вашем языке, хоть и плохо. Наверное, вы успели заметить, – слегка поклонившись, зашептала Айшат на языке горских евреев с заметным акцентом.

– Я хочу домой, меня дома ждут! – горько ответила Бике.

Голос ее разносился эхом; в доме стояла тишина, будто там никто не жил.

В полдень к ней вошли Гаджибек с отцом. Бике забилась в угол комнаты и со страхом отвернулась к стене, натягивая спадавший с головы шелковый платок.

– Так это и есть та еврейка, которая покорила твое сердце, джигит? – усмехнулся хан. – Хороша-а! – медленно протянул он, соглашаясь с необычайной красотой девушки, и покачал головой: – Правду говорят, красота это страшная сила! Что ж, женись, коль решил! Но предупреждаю тебя, ее евреи еще придут за ней! Не забудь!

Проводив отца, Гаджибек вернулся в комнату. Он ликовал. Отец одобрил его выбор. Услышав скрип двери, девушка снова метнулась в угол.

– Я полюбил тебя, Бике, ты очень дорога мне, – сказал сын хана. – Можешь не верить, но тебе будет хорошо со мной! Ты будешь моей! Я не могу не жениться на такой девушке, как ты. У меня закончились все силы, терпение и самолюбие, иначе я не довел бы до изнеможения своего прекрасного скакуна, похищая тебя...

– Не-е-ет! Отвези меня домой! – в слезах взмолилась девушка, дрожа от страха. Чуть успокоившись, она с печальной укоризной произнесла: – Это невозможно! Я еврейка, а наш адат⁵ не позволяет мне выйти замуж за нееврея. Ты не сможешь сделать это без согласия моих отца и братьев, а согласия

³ Чарыки – обувь ручной работы.

⁴ Ханум – госпожа.

⁵ Адат – обычай.

они не дадут никогда. Родственники будут меня разыскивать, отпусти меня!

– Даже не думай об этом! Здесь, в доме моего друга Махмуда, тебя никому не найти! – сверкнул глазами Гаджибек. – Ты будешь жить как принцесса!

– Немедленно отвези меня домой! – Бике плакала и умоляла, просила и требовала.

– Айшат, присмотри за госпожой, – наконец позвал Гаджибек служанку, резко развернулся и вышел.

Нестерпимая тоска по дому угнетала девушку.

– Каждый человек должен уметь справляться со своим горем, – успокаивал ее тихий голос служанки, – ну а вообще, если очень хочется, поплачьте, ханум, помогает...

Между тем в Дербенте жизнь текла своим чередом. В день похищения Одом, как всегда, к концу занятий подождал карету к гимназии. Сидя на облучке, он смотрел на выходивших из дверей гимназисток. Вскоре вышли все девушки, но Бике так и не появилась. Забеспокоившись, Одом пошел к дверям, но попавшийся навстречу швейцар сообщил, что в гимназии уже никого нет. Одом вернулся и погнал карету к дому. Запыхавшись, вбежал в прихожую и потребовал у служанки срочно позвать Ахсе. Хозяйка, неторопливо спустившись по лестнице, спросила:

– В чем дело, Одом? Где Бике?

– Простите, ханум, за неприятную весть, но Бике в гимназии нет, и где она, я не знаю... – Опустив глаза и запинаясь, кучер рассказал, что произошло.

– Где же она может быть до сих пор? Что-то нехорошее с девочкой случилось, чуется мое сердце... – запричитала стоявшая в дверях служанка Томум. Она растила Бике с самого рождения и относилась к ней как к родной дочери. В этот день предчувствие несчастья преследовало ее с самого утра, она просила Всевышнего сохранить девушку от беды и сейчас, страдальчески всплеснув руками, воскликнула: – Боже, спаси и сохрани девочку мою, Бике!

– Прекрати, Томум, паниковать раньше времени. Лучше побыстрее хозяина найди, – строго сказала Ахсе.

Приехав с Одомом в гимназию, Эсеф узнал, что его сестра после перемены на последний урок не вернулась, а по какой

причине, учительница не знала. Целая неделя поисков исчезнувшей Бике не дала никаких результатов.

– Боже мой, помоги! Сжался над моим невинным дитём! Что может быть горше, чем молить Всевышнего об этом? За что, Господь благословенный, Ты поступил с нами так? Почему меня постигло испытание праотца нашего Яакова и дочери его Дины? – причитал Менешир, взывая к небесам.

Переполненный горем, он рвал на себе одежду. В воспаленном сознании возникли картины из библейской легенды о том, как по дороге в Ханаан Яаков с семьей остановились в Шхеме, и Дина незаметно выскользнула из шатра, чтобы посмотреть на проходившее в городе представление, пока отец и двенадцать ее братьев были заняты изучением Торы. Дину похитил сын правителя города. История закончилась печально – сыновья Яакова, Шимон и Леви, решив освободить сестру, расправились с жителями Шхема. Вдруг вспомнил Менешир слова мудреца⁶: «Вся эта печальная история приключилась из-за того, что они пренебрегли охраной Дины».

– Это я виноват, что не приставил охрану к дочери, – корил себя Менешир, полагая, что наказание Всевышнего обрушилось на него именно по этой причине.

Прошел еще месяц, а вестей о Бике так и не было. Молва об ее исчезновении давно облетела весь город. С тех пор как семью Менешира постигло ужасное несчастье, служанка Томум постоянно пребывала в скорбном унынии. Она ходила в город и сама расспрашивала людей, не слышал ли кто-нибудь хоть что-то о пропавшей девушке.

Всё это время Бике жила в заточении далеко в горах, охраняемая слугами Теймур-хана. Целыми днями она сидела на ковре, свернувшись в комочек. Ее большие глаза, в глубине которых застыла печаль, были устремлены к окну с неизменным горным пейзажем. Оттуда смотрели на нее голубые облака, выплывавшие из-за скалистых вершин. Казалось, облака несли в себе тайну мироздания, и девушка часами могла наблюдать, как они двигались по небу, меняя форму и цвет. Бике вспоминала, как вместе с женой Эсефа они выезжали

⁶ Слова мудреца – слова рабейну Авраама, сына Рамбама.

за город, к загону ее отца, где разводили лучших породистых скакунов. Там, на большой поляне, в такие же солнечные дни Ахсе обучала Бике верховой езде, ведь жена ее старшего брата слыла лучшей наездницей и хорошо владела оружием. Вспоминая прежние беззаботные деньки, девушка не знала, как же справиться с невыносимыми испытаниями. Бике любила свою семью и догадывалась, что родственники искали ее, но не могли найти здесь, на краю этой глубокой пропасти. Она понимала, что обрекла любимых людей на страдания, и считала себя виноватой во всем. Ночами ей снились отец и любимая нянька Томум, а утром приходила Айшат и говорила с ней на чужом языке – так приказал ее новоявленный жених.

– Собирайтесь, ханум, нужно примерить наряды, их специально для вас из Персии привезли, – попросила Айшат, раскинув на тахте разноцветные платья. – Завтра ваша свадьба, и мы едем в дом вашего жениха. Хан много гостей пригласил!

Теймур-хан устроил сыну свадьбу пышную, по горским обычаям. Барабан и зурна⁷ звучали на всю округу. Жених встречал гостей. Невеста оставалась в отведенной для женщин комнате вместе с его родственницами. Ее нарядили в яркое парчовое платье с большим нарядным платком. Лица невесты почти не было видно, потому что лоб закрывала подвеска с множеством золотых монет.

И вот в комнату за невестой вошел Гаджибек – он сиял, предвкушая радость уединения с возлюбленной.

Бике старалась не смотреть на него. Ей хотелось плакать, слезы стояли в глазах сплошной пеленой, и она видела лишь размытые силуэты. Всё вокруг было ей безразлично. Красавица Бике против своей воли должна была стать женой ненавистного ей ханского сына. В те времена в Дагестане царили варварство и беззаконие, на что, по большому счету, и рассчитывал Гаджибек.

Примерно в то же время Томум неустанно продолжала поиски. Встречая знакомых и незнакомых, она расспрашивала их

⁷ Зурна – деревянный духовой музыкальный инструмент (буквально – праздничная флейта).

о похищенной дочке Менешира. Однажды Одом повез ее на базар за покупками. Рядом с тем местом, где шла торговля мёдом и орехами, она разговорилась со своей приятельницей, которая спросила:

– Есть ли новости о похищенной дочери твоего хозяина?

– Бедная моя Бике, бедная моя девочка, – запричитала Томум, – кто знает, жива ли она до сих пор... одному только Всевышнему всё известно!

Торговец сухими фруктами, невольно услышав их беседу, вдруг встрепенулся при имени хозяина служанки.

– Кто твой хозяин? – спросил он женщину.

– Помещик Менешир – владелец винного завода, – ответила Томум.

– Пойдемте, побеседуем там, – он отвел ее в сторону и рассказал: – На той неделе я отвозил свой товар во двор к Теймурхану, на свадьбу. Я слышал там это имя, говорили, что на его, Менешира, дочери собирался жениться сын хана.

Томум попыталась что-то ответить, но из глаз потекли слезы. Она выдала торговцу вознаграждение и, поблагодарив его, вернулась к телеге, где ждал ее Одом.

Приехав домой, служанка передала хозяйке всё, что услышала от торговца. Ахсе недолго думая побежала к конюшне, вывела из стойла любимого коня и, ловко вскочив на него, помчалась в горы.

– Я приехала забрать Бике, – заявила она, прискакав во двор хана.

Гаджибек стоял на крыльце.

– Но она – моя жена. Бике никуда не поедет!

– Ты выкрал девушку и без согласия ее отца женился на ней?! Как ты посмел? Ты опозорил ее! Побойся Бога! Верни ее! – надрывно кричала Ахсе. Она нервничала, и волнение хозяйки передалось коню, который метался по огромному ханскому двору.

– А то – что?! Уезжай, женщина, ха-ха-ха... – расхохотался в ответ Гаджибек.

Ахсе вернулась домой к вечеру, когда вся семья была уже в сборе. Она рассказала, что Бике наконец-то нашлась и что украл ее сын Теймур-хана, который насильно женил ее на себе.

Ошеломляющая новость о свадьбе Бике повергла отца в шок. От одной мысли, что ужасное происшествие с дочерью может уронить его честь и авторитет в глазах местного общества, он впал в ярость.

– Всё кончено! – вскрикнул он и запричитал: – Как я теперь выйду на улицу, как людям в глаза посмотрю...

– Успокойтесь, папа. Не терзайте себя так. Думаю, надо предложить Гаджибеку деньги, большие деньги, и выкупить сестру, – пытался утешить отца Эсеф.

– Ты прав, я отправлю к нему своего брата Хаима, – дрожащим голосом согласился Менешир. Зародившаяся надежда пронзила его, словно стрела. Понимая, что не может позволить своим сыновьям повторить историю библейских братьев Дины, в отместку за похищение сестры перерезавших жителей Шхема, он размышлял: «Кинжалы должны остаться в ножах...» И, глубоко вздохнув, сказал:

– Попрошу раввина пойти с Хаимом. Надеюсь, они смогут уладить дело миром.

На следующий день люди Менешира отправились в дом хана. Сам Теймур-хан на встречу с ними не вышел. Непрошенных гостей в дом не пустили, и они остались в беседке в саду, куда их проводил слуга. Очень долго никто к ним не выходил, томительное ожидание не предвещало ничего хорошего. Наконец-то к беседке подошли трое мужчин. Все как один они были в лохматых папахах и в черкесках, подпоясанных узкими поясами, на которых висели кинжалы.

– Салам алейкум!⁸ – поздоровался с ними Гаджибек, первым входя в беседку.

С уважением ответив на приветствие, раввин спокойным голосом начал нелегкий разговор:

– Я хотел бы донести до вас просьбу Менешира...

Попытавшись объяснить горцам строгость законов, по которым живет еврейская община, он попросил:

– Девочку надо вернуть отцу.

– Но она моя жена! – удивленно посмотрел на него ханский сын.

⁸ Салам алейкум! – Мир вам!

– Мы предлагаем выкуп за нее, большой выкуп! Подумай! Верни нашу девочку, Гаджибек, – вмешался в разговор Хаим.

Гаджибек резко изменился. Его глаза вспыхнули гневом, на лбу появились капельки пота, а лицо покрылось багровыми пятнами, сливаясь с рыжей бородой. Рука судорожно сжала рукоять кинжала на поясе.

– Не бывать такому никогда, слышите?! – злобно выдавил он сквозь зубы, резко встал со стула и быстрыми шагами удалился. Следом ушли сопровождавшие его горцы.

Узнав, что договориться с Гаджибеком не удалось, Менешир пришел в неистовую ярость.

– Это конец, мы все обречены! Наш род опозорен! Я опозорен! – Гнев бурлил в нем, он бегал из угла в угол, как раненый зверь.

– Отец, пожалейте себя, присядьте же, вы так заболеть можете, – успокаивал его Эсеф.

– Это уже не имеет значения, – внезапно успокоившись, холодно отрезал старик. Лицо его обратилось в камень.

Похищение Бике отозвалось грустным эхом в сердцах близких людей. Опорочившее честь несчастной девушки событие потрясло семью, дом погрузился в траур, будто дочь Менешира умерла в тяжких муках физической смерти. Больше всего отца и братьев Бике беспокоило, что история с похищением угрожает их доброму имени. Печаль терзала душу старика. Он питал к Бике безграничную любовь и понимал, что потерял единственную свою дочь навсегда. Ничто не в силах было исцелить его боль... Сорок дней Менешир проводил шиву⁹, ни разу не выйдя из дома. И чем дальше, тем больше он страдал. Полтора года вся семья продолжала скорбеть об исчезнувшей девушке.

И саму Бике еще долго после свадьбы преследовало безрадостное настроение. Похищенной девушке казалось, что вся жизнь ее летит в пропасть, сердце ныло от безысходности. А затем Айшат принесла из Дербента неутешительные новости – торговец с рынка рассказал, что отец отрекся от нее навсегда. Удары судьбы, повлекшие самые горькие и тяжелые

⁹ Шива – дни траура по умершему, поминки.

испытания, Бике пришлось переносить в одиночестве. Шаг за шагом она приспособилась к новой обстановке, но изменить что-либо не могла. Ей пришлось научиться жить новой жизнью.

...Эти времена безвозвратно ушли в прошлое. Бике прожила в мусульманской семье многие годы, рожала детей, и всю жизнь ей приходилось скрывать от детей свое еврейское происхождение. Время тогда было такое. Один из ее сыновей при советской власти стал руководителем республики, но так и не узнал тайну, которую его мать носила в своем сердце.

Напевая мелодию, Бике тихонько покачивала колыбель внука и думала о нелегкой своей доле. Воспоминания неумолимо возвращали в отцовский дом, к тому, что было особенно дорого. Она вспомнила, как служанка Томум однажды сказала ей:

– Имя Бике, которое отец дал тебе при рождении, в переводе означает «красавица».

«Эта красота, к сожалению, не принесла мне счастья, – вздохнула Бике и, опустив веки, печально кивнула. – Наверное, суждена мне была такая жизнь...»

2010–2011 гг.

СВЕТ УХОДЯЩЕЙ ЗВЕЗДЫ

*Время разбрасывать камни, и время собирать камни;
время обнимать, и время отстраняться от объятий.*

Коэлет, 3:5

Огонек слабо мерцал за стеклом керосиновой лампы на столике у тахты, едва освещая свежeweбеленные стены комнатки. Восьмидесятилетний Мищикиин¹ лежал в углу на тахте, на душегчи², постеленном поверх расписного шерстяного коврика. Он не понимал, жарко ему или холодно; казалось, сердце сжимают грубые тиски. Погруженный в невеселые мысли, старик горько вздохнул.

В этот вечер со двора доносилась громкая музыка. Играла гармонь, звонко пела зурна, ритмично постукивали барабанные палочки. Звуки инструментов сливались в одну волшебную, чарующую мелодию. Доносились громкие разговоры и дурмящие запахи жареного мяса.

– Торопитесь, торопитесь! Несите блюда на стол, гости уже собрались, – чуть охрипшим голосом командовала сестрами Хибо, жена младшего сына Мищикиина.

В пестрых фартуках, пошитых из старого ситцевого платья, они помогали Хибо и носились с подносами по двору между крытыми клеенкой столами. Там шла свадьба его внучки – но Мищикиину было не до праздника. Он печально смотрел на

¹ Мищикиин – горско-еврейское произношение имени, произошедшего от слов «Моше» и «коэн».

² Душегчи – матрас, набитый овечьей шерстью.

освещенную мерцанием лампы полку с книгами возле окна. Обветшавшие, с пожелтевшими от времени страницами, святые книги прожили вместе с ним долгую нелегкую жизнь – и сейчас словно прислушивались к мыслям старого хозяина, пробуждая в нем воспоминания о далеком детстве...

Родное селение Мищикиина находилось высоко в горах. В незапамятные времена предки его поселились в краю, где снежные вершины Кавказских гор пронзали облака, уходя в поднебесье. Обживаясь здесь, люди таскали на себе корзинами землю, укрепляли камнями края участков, сеяли и собирали там свой хлеб. Бережно, словно детей, растили они фруктовые деревья, сады и виноградники, строили из камней крохотные дома, похожие друг на друга, – эти домики лепились на склонах гор, как птичьи гнезда, и крыша одного дома становилась двориком другого. В горном Дагестане такие дома назывались саклями. Узенькие улочки горного селения походили на лабиринт, в котором чужак легко заблудился бы.

Взгляд Мищикиина застыл, жизнь день за днем проходила перед его глазами. Вот они мальчишками носятся наперегонки по крышам, а мама стоит на пороге дома и зовет его к праздничному ужину. Шел праздник Асельте³, совпадающий с окончанием жатвы ячменя. Еще вчера мужчины собрались на вершине горы, принесли с собой собранную общиной десятину с первого урожая. Сойдясь, они читали отрывки из Торы и пели песни. Следующим вечером вся община встретилась в синагоге – там праздновали дарование Торы, а утром совершили омовение в микве и молились, повторяя весь день 613 заповедей.

После вечерней службы дед с отцом и его братьями вернулись из синагоги. Собралась вся семья: четыре брата и три сестры Мищикиина, бабушка с дедом Оширом, их сыновья – средний брат отца с семьей и его младший брат, еще не женатый Донииль. Мама испекла замешенный на молоке сладкий хлеб и приготовила традиционную еду к празднику: молочную

³ Асельте – так называется на джуури праздник Шавуот – праздник седмиц, он же Пятидесятница, выпадающий на 50-й день после первой субботы праздника Песах (от слова «асель» – мёд).

рисовую кашу и политые пахучим горным мёдом мучные лепешки – пелтеш⁴. Вкус тех лепешек из детства сохранился в его памяти навсегда.

В ту пору Мицкиину исполнилось всего лишь семь лет. Несколько дней спустя он вместе с отцом пас большое стадо овец на соседнем пастбище. Здесь стоял их шалаш, а вокруг вздымались горы.

Мицкиин лежал на траве и прислушивался к журчанию родника, серебряной змейкой скользившего меж деревьев и кустов. Мальчик смотрел на парящего в небе орла – тяжело взмахивая крыльями, огромная птица взмывала в небесную высь, превращаясь в крошечную точку. Вдруг, схватив кувшин, он босиком помчался вниз по траве.

– Ты куда? – крикнул отец вслед.

– Я сейчас... Вот только наберу воды и вернусь!

– Поторопись, хочу тебе что-то сообщить.

Наполнив кувшин холодной водой из чистого родника, мальчик вернулся к пастушьему шалашу.

– Хорошо, что принес воды, дай-ка напиток... – Отец с наслаждением сделал несколько больших глотков. – Какая же вкусная у нас вода, правда?!

– Ты мне что-то сказать хотел? – спросил Мицкиин нетерпеливо.

– Бабушка наша присмотрела невесту для Дониила. Через неделю сватать пойдём, – приглаживая намокшие усы, сказал неторопливо отец.

– Когда свадьба? А кто невеста? Она хорошая? – посыпались вопросы.

– Да. Бабушка говорит, что девушка хорошая и что она подходит нашей семье. Как же иначе, сама выбирала! – Отец взглянул исподлобья, улыбнулся. – И свадьба тоже скоро, может, до начала праздника Суруни⁵.

Вскоре, как и сказал отец, его младшему брату Дониилу со сватали красавицу Руспо из соседнего села. Родители Руспо

⁴ Пелтеш – лепешки со сладкой рисовой начинкой.

⁵ Суруни – скорбные недели перед 9 Ава. Горско-еврейское произношение слова связывают с ивритским корнем «сур» – «изгонять».

согласие дали сразу – кто же откажет сыну уважаемого человека?! Ведь дедушка Мищикиина, Ошир, был раввином той самой синагоги, которая возвышалась на перекрестке горных дорог, ведущих к трем деревенькам, разбросанным на соседних горках. Евреи этих деревень встречались в синагоге на праздниках и службах, которые ежедневно проводил рабби Ошир. Все в общине его уважали и любили – и не из-за того лишь, что дед был мудрым наставником и духовным лидером, но и потому, что знали его как творческого человека и умелого организатора. Это он возглавил строительство местного храма, а строить синагогу помогала вся община...

Долгие месяцы люди собирали подходящие камни для стен, точили их, с любовью оформляли фасад. В здании имелось 12 окон, что символизировало число колен Израилевых, и над ним возносился огромный купол. К входной двери вели широкие ступени из гладких каменных плит. А как красиво было внутри! На стенах висели чеканные подсвечники – и по вечерам свечи освещали стены, искусно отделанные штукатуркой и мозаикой из разноцветных камушков. Чувствовалась рука подлинного мастера, который вложил душу в эту непростую работу. У восточной стены стоял большой шкаф, арон а-кодеш⁶, где хранился свиток Торы. Неподалеку от шкафа с потолка свисала цепь, крепко державшая керосиновую лампаду в ажурной металлической корзинке. Огонь в лампе горел постоянно, а под ней на возвышении стоял стол, где развешивали и читали Тору.

Когда начиналось богослужение, по залу разливалось трепетное пение молитв, нараспев произносились тексты священных книг. Вера жила в сердцах людей: евреи ревностно относились к вере отцов – и даже там, на краю земли, несмотря на суровую жизнь в горах, сохраняли свой неповторимый облик и самобытные традиции. Синагога была средоточием их жизни, там они молились, учились, читали Тору, собирались в минуты радостей и горестей. Она служила им общим домом. В праздники туда приходили женщины и на время службы располагались во дворе синагоги, ибо

⁶ Арон а-кодеш – ковчег Завета.

обычай не позволяли им находиться в молельном зале вместе с мужчинами.

В назначенное время, за три дня до поста 17 Тамуза, во дворе синагоги праздновалась хупа Дониила и Руспо. Завороженные, взволнованные таинством обряда, сельчане слушали густой бас раввина, нараспев произносившего благословения. И вот после того как жених разбил стакан, за оградой внезапно грохнул ружейный выстрел, разнесся пронзительный громкий свист, земля задрожала от конского топота. Во двор ворвались воинственные всадники, всё в минуту смешалось. Люди ошеломленно и беспомощно переглядывались, никто ничего не понимал. Дети заплакали, закричали охваченные паникой женщины...

Видения из прошлого не покидали старика. Перед Мицкиином мелькали леденящие душу картины пережитого когда-то кошмара... На еврейское село напала банда, и пока во дворе синагоги проходила хупа, бандиты бесчинствовали, грабили дома и угоняли скот. Этот погром оказался полной неожиданностью. Давным-давно нашедшие приют в горах евреи жили с надеждой, что наконец-то обрели безопасное пристанище, но даже крутые склоны и неприступные ущелья не защитили их от набега горцев. Испуганный Мицкиин крепко вцепился в руку деда Ошира, который стоял рядом. Он увидел, как дед побледнел.

Вдруг люди разом стихли, толпа расступилась, и рабби Ошир, сжимая молитвенник, подошел к всадникам.

– Что вам нужно здесь? – спросил он непрошенных гостей.

Один из всадников, сдерживая коня, выдвинулся вперед и грозно произнес:

– Наш хан потребовал, чтобы вы навсегда покинули его земли. Он дает вам месяц срока. Убирайтесь!

Всадники развернулись и ускакали прочь так же молниеносно, как и явились. Обезумевшие от страха мужчины и женщины замерли. И дед Мицкиина, осознав, что только он один может успокоить растерянную толпу, обратился к людям со словами:

– Я понимаю, ваши сердца подавлены страшным известием, но мы должны уйти, следует найти себе другое место.

Толпа недовольно зашумела.

– А что вы предлагаете? – громко спросил раввин. – Если ослушаемся хана, бандиты вернутся и убьют нас. Или, может, кто знает какой-то другой выход?

Рабби Ошир был не меньше всех поражен происходящим, и лишь выдержка не позволила ему склонить голову и предаться отчаянию. Он жалел своих соплеменников и понимал, что нельзя подвергать общину опасности еще одного погрома.

Успокаивая толпу, он поднял указательный палец и многозначительно произнес:

– Э Тиро нувустэ оморэй: «Имид иму э кини? Имид иму э нум эн Худойму, эн Агай Илем!» (В Торе написано: «На кого можем мы положиться? На Бога нашего, на Владыку Вселенной!»)

Твердый голос раввина прокатился эхом в полнейшей тишине, и рабби продолжил:

– Послушайте меня, люди! Мы не можем тратить много времени. Идите, собирайтесь в дорогу!

Страх и тревога за завтрашний день подталкивали к простому решению – покинуть насиженные места и уйти в неизвестность. Почти месяц люди днем и ночью разбирали каменные стены синагоги. Женщины, сдерживая слезы, помогали мужчинам. Наступили траурные дни, община переживала глубокое горе и Таанит⁷ встретила на развалинах сооружения, еще совсем недавно величаво стоявшего среди горных вершин. Рабби со слезами на глазах читал плач Иеремии и Иова, а присутствующие повторяли за ним, плакали и били себя в грудь. После молитв он всю ночь рассказывал им о разрушении Храма и историю «греха разведчиков», случившуюся в те далекие времена на Святой земле.

– Когда Моисей по указаниям Всевышнего вывел евреев из Египта и привел к границам Земли обетованной, которую Он им обещал, – начал раввин, – евреи побоялись сразу войти туда и упростили Моисея сначала отправить разведчиков, чтобы те,

⁷ Таанит – пост Тиша бе-Ав (9 Ава – национальный день скорби и печали еврейского народа по тому, что утрачено; в этот день были разрушены Первый и Второй Иерусалимские храмы).

вернувшись, описали страну и жизнь в ней. Моисей знал, что не должен ставить под сомнение повеления Всевышнего, но всё же не устоял перед просьбами народа и согласился отправить представителей 12 колен на разведку.

Раввин рассказал, как разведчики вернулись через 40 дней и принесли страшную весть, что в стране той живут великаны, с которыми евреям никогда не справиться. Только лишь двое из разведчиков утверждали, что обещанная Богом земля прекрасна и что надо войти в нее. Но народ поверил большинству, они роптали и сожалели, что не умерли в пустыне. Выразив так свое недоверие к обещаниям Всевышнего, евреи плакали всю ночь с 8 на 9 Ава, обвиняя Бога, что Он привел их в эту страну из ненависти к ним...

Красноречие раввина потрясло слушателей. Затаив дыхание, мужчины и женщины внимали каждому его жесту, ловили каждое произнесенное слово.

– Тогда Бог разгневался и сказал, что в этот раз евреи плакали напрасно, но отныне у них появится множество поводов для плача в эту ночь. Таким будет их наказание за грех неверия. Первый Храм был разрушен, а евреи угнаны в плен, – тяжело вздохнув, закончил рассказ раввин.

Беспокойные мысли о том, что соплеменников ждут тяжелые испытания и пережить их предстоит в суровых условиях кочевой жизни, не покидали старого раввина. Гонимые, как и их предки, сельчане готовились в дальний путь. Вместе с пожитками люди несли с собой Тору, святые книги, бережно сложенные в мешки, и камни... камни своей синагоги, погруженные на телеги.

Невыносимые скитания продолжались несколько месяцев. Медленно, с большим трудом пробирались они по долинам и горным ущельям. Изнуренные долгой дорогой, многие умерли в пути. В поисках питьевой воды и пастбищ для скота люди переходили с одного места на другое, лишь бы спрятаться и затаиться, осесть подальше от недружелюбных соседей и перезимовать. К зиме они нашли безопасное место и решили там обжиться...

Мишикиин пытался уснуть, но горькие воспоминания не отпускали, вновь и вновь всплывая в памяти.

Прошло много лет, он женился, стал раввином, как его дед, рабби Ошир. В 1920-х Мицкиин переехал в город вместе со своей большой и крепкой семьей. Мицкиин пережил две войны. В Гражданскую он потерял трех старших сыновей, в начале войны с Германией погибли еще три сына, а вскоре, не пережив горя, умерла и жена. В жизни старца было множество трудностей, но невзгоды и мирская суета не убили в нем любовь к людям и доброту. Знания, когда-то полученные от деда Ошира, он усердно передавал детям и внукам, ученикам и всем, кто его окружал.

Мицкиин очень любил внуков, особенно самую младшую внучку – Шифро. Это была смуглая, внешне самая обыкновенная, неприметная девочка с двумя тоненькими светлокаштановыми косичками, которые, как кисточки, забавно торчали из-под клетчатого платка. Мицкиин баловал внучку игрушками, которые сам мастерил, и занимался ее воспитанием, когда родители задерживались на заводе до позднего вечера. Шифро нравилось, когда дед рассказывал ей всякие истории, она могла слушать их бесконечно. Иногда Мицкиин брал ее с собой в синагогу, и внучка играла с ребятами во дворе, пока шла служба. Шифро была доброй и отзывчивой, она охотно следила, чтобы дети вели себя хорошо, и по-детски умела решать свои проблемы со сверстниками. Она первой стремилась прийти на помощь товарищам, не рассчитывая на благодарность или награду. А когда подросла, Шифро с удовольствием заботилась о дедушке – прибирала его комнату, стирала одежду, приносила чай. Делала она это от всей души, и потому дедушка шутливо и ласково называл ее Догери (Наседка).

Она гордилась, что ее дедушка уважаемый раввин, что вокруг Мицкиина всегда собирались люди, приходившие разрешить спор или поделиться сокровенным. Каждому он давал хороший совет и дарил надежду. Родное умное лицо дедушки с длинной белой и шелковистой бородой было для нее по-мужски красивым, а благородная осанка и глаза, излучавшие теплоту и доброжелательность, привлекали внимание окружающих. Девушке казалось, он создан, чтобы говорить только добрые и разумные слова, и Шифро уважала деда.

За месяц до Песаха Мищикиин собирал свою родню в куругхунэ⁸, где стояла самодельная глиняная печь – куруг⁹, и маленькое помещение превращалось в цех для выпечки мацы. Рабби сам замешивал тесто, а женщины быстрыми движениями рук разминали его и скалками раскатывали лепешки в большие круглые листы. Шифро стояла за столом и водила по тонким лепешкам металлическим роликом. Зубчатое колесо, похожее на шестеренку от часов, чертило продольные линии, впиваясь в тонкие пласты раскатанного теста. Потом лепешки выпекались в куруге. И как всегда перед праздником, возглавляя производство мацы, дед говорил: «Все евреи ответственны друг за друга – и особенно за тех, кто нуждается в помощи». Он заботился о сиротах и вдовах, потерявших на войне кормильцев, и всякий раз, раздавая мацу нуждающимся семьям, радовался, что смог выполнить важную мицву¹⁰.

Шел 1946 год. Шифро уже исполнилось двадцать, она училась в педагогическом техникуме. Желая поскорее выдать дочь замуж, Хибо недовольно ворчала, что та засиделась в девках и что девушки в ее возрасте давно должны быть замужем и иметь семью. Мать сетовала, что война вызвала дефицит женихов и для Шифро не хватило кавалера, потому как погибло много парней...

Мищикиин знал неумный характер своей снохи и частенько защищал внучку.

– Хибо, оставь девочку в покое, Господь каждому человеку назначил свою половинку. Надо подождать, настанет день, и она тоже выйдет замуж, – уверял он невестку, пытаясь рассеять ее беспокойство.

День, который напророчил Мищикиин, все-таки настал. Шифро пришли сватать родственники Шомоила – сына дальних родственников Мищикиина. Шомоиль был среднего роста крепким, коренастым парнем, улыбчивым и добрым, курчавая шевелюра и пышные усы подчеркивали блеск его карих глаз. Он недавно вернулся с войны, на груди блестели боевые

⁸ Куругхунэ – отдельное помещение во дворе.

⁹ Куруг – круглая самодельная глиняная печь, где пекли хлеб и мацу.

¹⁰ Мицва – доброе дело или хороший поступок, заповедь.

ордена и медали. Никто не спрашивал Шифро, хочет ли она выйти замуж, и их обручение состоялось до праздника Пурим. Молодым позволили встречаться в доме Шифро и только в присутствии кого-то из ее родственников.

Шомоиль часто гостил в доме невесты, особенно ему нравилось проводить время в общении с дедом, когда Шифро задерживалась в техникуме. Он с почтением относился к Мицкиину, они вместе пили чай и беседовали о разном – о войне, о трудностях, которые пришлось пережить людям в военное время.

Интеллигентный и обаятельный молодой человек полюбился Шифро сразу, и она с нетерпением ждала его появления в доме. Жених был старше ее на 10 лет, но это нисколько ее не смущало, он казался сильным и надежным мужчиной, на которого можно положиться. Шифро очень им гордилась. Шомоилью тоже нравилась его избранница – небольшого роста, обычная застенчивая девушка, которая полностью посвятила себя учебе. Она не выделялась особой красотой, но Шомоиль разглядел в ней то, что покорило его сердце: тихий мягкий голос, плавная походка и теплый, ласковый, понимающий взгляд.

– Свадьбу сыграем сразу после того, как завершится праздник Песах, – объявил Мицкиин сватам.

Но плану деда не суждено было сбыться – свадьба весной не состоялась. Семью ожидало нелегкое испытание, которого никто не мог предвидеть.

Стоял теплый апрельский вечер. Шифро готовилась к выпускным экзаменам, когда раздался громкий стук в дверь. На пороге стояла запыхавшаяся Ёлто, младшая сестра ее матери.

– Где Хибо, где мать? – Она вихрем ворвалась в дом и нетерпеливо завертелась, оглядываясь по сторонам.

– Нет дома, а что случилось? – спросила Шифро.

– Рафик скончался на работе от сердечного приступа. Как только мать вернется, скажи ей, пусть бежит туда, к ним домой, – сообщила Ёлто и убежала.

Несколько минут спустя снова кто-то постучал, на этот раз Шомоиль. Шифро поздоровалась, пригласила войти.

– Ты что такая бледная? Что-то произошло? – спросил он.

– Неожиданно умер брат моей матери, – сообщила Шифро.

– Я пойду туда. Может, им нужна помощь, – решил Шомоиль.

Из-за смерти брата Хибо отложила свадьбу до следующего года. Шифро хотела учиться дальше, собиралась осенью поступать в педагогический институт. Их дом почти никогда не пустовал, часто приходили дети и внуки Хибо или ее сестры, чтобы посидеть, пообщаться с ней, но после смерти Рафика все родственники в течение семи дней находились на шиве в квартире покойного. В один из этих дней Шомоиль зашел навестить Шифро. Она жарила чуду¹¹ с луком и крапивой.

– Заходи, я только что закончила, сейчас поставлю чайник, выпьем чаю. Я люблю помогать маме, когда она что-то стряпает. Вот попробуй-ка, – предложила Шифро, поставив на стол блюдо с пирожками.

Пока гость пил чай и нахваливал горячие пирожки, она рассказывала о своем желании продолжить учебу. После чаепития Шомоиль собрался было уходить, но что-то удерживало его, мешало сделать шаг и отворить дверь. Минуту-другую они растерянно, в молчании смотрели друг на друга... Он сделал несколько неуверенных шагов к ней, нежно взял за руку, поцеловал. Шифро опустила глаза и побледнела, неопытное сердечко девушки застучало сильней. Шифро засмушалась, попыталась отстраниться. Наверное, она тоже ждала этого поцелуя, но не так и не сейчас! Тут неожиданно и произошло всё то, что должно было произойти в их свадебную ночь...

Когда волнующие минуты остались позади, Шифро вдруг прозрела, осознав, что совершила что-то непозволительное. Ее обдало жаром, нахлынула острая неловкость, стыд. Не зная, что сказать, она растерялась, возникло жуткое желание спрятаться, исчезнуть...

– Такой девушки, как ты, я никогда не встречал, Господь послал мне тебя! – пытаюсь объяснить, Шомоиль сделал ей первое признание.

Смущение, необъяснимое чувство утраты чего-то ценного переполняли ее... Шифро не могла понять, объяснить себе, как же она оказалась в его объятиях.

¹¹ Чуду – плоские пирожки из пресного теста.

– Не молчи, скажи хоть что-нибудь! – не унимался Шомоиль; казалось, он слышит биение ее сердца.

– Что же теперь будет? – со страхом спросила Шифро. – То, что произошло между нами, я чувствую... чувствую, теперь обернется против нас...

– Никто не разлучит тебя со мной, и никто на свете тебя не отнимет, слышишь! – пытался он успокоить девушку.

– Ты не представляешь себе, что теперь может быть, – не слушая, шептала она.

Они замолчали. Стараясь не встречаться с ним взглядом, Шифро отвернулась, но сразу услышала его уверенное:

– Я приду к тебе завтра!

Шомоиль попрощался, ушел. Как и раньше, почти каждый вечер он навещал ее – но возможности побыть наедине больше не представилось. Шомоиль мечтал начать семейную жизнь с ней, хотел всегда быть рядом, делить радости и невзгоды... но теперь нужно было ждать, ждать целый год!

Шло время, но всё складывалось непросто, правда рано или поздно должна была выплыть наружу. Так и случилось – последствия уединения молодой пары не заставили себя долго ждать.

Летний сезон был в разгаре. Каждое лето Шифро помогала матери заниматься излюбленным ее делом – заготовками на зиму. Они солили огурцы, варили компоты и варенье из вишни и айвы, которые росли в их огромном дворе. Хибо считала себя знатоком этого искусства и гордилась этим. Когда она варила на керосинке кизиловое варенье, аппетитная пенка накрывала таз пушистой шапкой, а душистый запах горной ягоды разносился по всему двору. Детишки бегали вокруг, дожидаясь, когда же она соберет розовую пенку в тарелку. Какое же это было счастье – попробовать воздушное сладкое лакомство!..

Тем временем Хибо расставляла стеклянные банки во дворе под навесом, а Шифро мыла и укладывала в них огурцы, заливая горячим рассолом. Через неделю огурцы просаливались, приобретая правильный вкус и острый аромат чеснока, укропа, лаврового листа и специй. Хибо заметила, что Шифро то и дело бегала в сарай, где хранились заготовки на зиму, и жадно ела малосольные огурцы.

– Что с тобой? – спросила она у дочери. – Огурцы еще не засолились, а ты уже съела почти целую банку!

Шифро, не ответив, убежала в дом.

– Что с тобой происходит? – подозрения Хибо не унимались, и она пошла следом.

– Да, происходит... я, кажется, беременна, – сдерживая слезы, шепотом выдавила Шифро.

– Что? Что ты сказала? Ты погубила нас! Что ж ты наделала! Когда это могло произойти? Какой позор, как мне людям в глаза смотреть?! – запричитала, бранясь, ошеломленная Хибо.

– Мамочка, прости! Так случилось... я не знала... – Голос девушки дрожал, она чувствовала себя раздавленной.

– Придет дед Мишкикин домой, разберемся! Иди в свою комнату!

После ужина Хибо решила поговорить со свёкром. Помолвившись, Мишкикин присел на диван.

– Неприятности произошли, отец. Я прожила в вашем доме больше 40 лет, вырастила семерых детей и внуков, тяжело работала, вела хозяйство как могла. Даже не знаю, как вам сказать... – Хибо запнулась.

– Эри, духтер мэ, расты... (Да, дочь моя, верно...), – начал Мишкикин, уважительно обращаясь к невестке. – Ты права, вот уже пять лет, как умер муж твой Оврум. Много всего пришлось перенести тебе после этого горя. Успокойся, не торопись, расскажи по порядку.

Хибо сбивчиво рассказала обо всём, что произошло, и в конце с сожалением добавила:

– Зря я не послушала вас, отец. Вы уверяли, что нельзя долго держать в доме засватанную девушку, нужно выдать ее замуж сразу после обручения. Ваши слова оказались пророческими, но ей ведь нужно было доучиться, – как бы оправдываясь, вымолвила Хибо.

Мишкикин весь побелел, тревога снедала душу. Он сурово сдвинул брови:

– Случилось так, как случилось, теперь ничего не вернуть. Я никого не хочу ни обвинять, ни оправдывать.

Шифро лежала, уткнувшись лицом в подушку, и слушала разговор взрослых в соседней комнате. Хотелось плакать,

заглушить боль и забыть обо всем. Она мучилась, а мысли уносились куда-то далеко... «Как же так, – думала Шифро, – поддалась минутной слабости, не подумала о матери, о бабушке? Бабушка самый мне близкий, самый мудрый, он прожил долгую праведную жизнь в служении вере. Он учил людей Торе и, как все мудрецы, всё предвидел, оберегал нас от всего дурного. Благодаря ему наша семья никогда не попадала в неприятные ситуации. Дед достойно воспитал детей и внуков, всегда учил нас быть честными и говорил: «Имей терпение, трудись и жди своего дня, он придет. В этом мире всё находится в поле зрения Всевышнего, Господь всему определил время, и слава приходит в свой час». Она всхлипнула, на душе лежал камень.

Из соседней комнаты снова донесся голос матери:

– Свадьбу назначим через месяц, как только пройдет пост, после Суруни.

– Нет, – возразил дед.

Хибо видела, что слова застревают у старика в горле. Взгляд его был удрученным, иногда он быстро поднимал глаза, и в них читалась откровенная боль.

– Ты же знаешь, что я тебе скажу... Пусть сначала родит! – решил он.

– Это невозможно, невозможно, невозможно! – затараторила сжигаемая отчаянием Хибо. Слова старика только распалили ее, и Хибо говорила быстро, возражая и объясняя. Ей было трудно, но в конце она твердо добавила: – Свадьба будет сразу после Суруни! Иначе позора мне не пережить!

– Хупу проводить я отказываюсь! – заключил рабби Мицикин и вышел из комнаты.

«Я подвела его, что же теперь будет?» – испугалась Шифро, услышав грозный голос деда. Терзая себя упреками, она беззвучно плакала: «Дед воспитывал нас и хотел, чтобы дети и внуки непременно стали лучше его самого. Он часто говорил мне, что каждому человеку надо иметь в жизни благородную цель, которая должна быть посвящена служению людям. Он был в моей жизни путеводной звездой. Как я теперь покажусь ему на глаза?!»

Теперь Шифро старалась не встречаться с дедом. Между тем время пролетело быстро, и наконец-то настал день свадьбы – сразу после поста, как и решила Хибо.

Почти неделю Мишкикин не появлялся на людях, он слег в постель. Утром перед свадьбой Шифро пришла навестить деда.

– Дедушка, дорогой мой, ты был моим наставником, пытался вырастить из меня хорошего человека. Знаю, ты верил мне. Прости! Я подвела тебя, совесть меня мучает, прости, пожалуйста... – давась слезами, она опустила голову.

Шифро чувствовала его холодный отстраненный взгляд. Старик кивнул, сопровождая безмолвный ответ слабым движением руки, на лице блеснула скупая слеза.

К вечеру двор заполнился гостями, приглашенными на свадьбу, а назавтра, перед проводами невесты в дом жениха, была назначена хупа.

Остро отозвалось в сердце старика скорбное расставание с внучкой. На мгновение он мысленно увидел ту сцену в дни таанит, которую он пережил в детстве и запомнил на всю жизнь.

– Только что тоже прошел строгий пост таанит, – сказал Мишкикин сам себе. Гнетущие мысли не уходили, и он подумал: «Человек – это удивительное творение Всевышнего. Он рождается в свое время и умирает, когда время истечет».

Не спалось, он смотрел в окошко, в усыпанное звездами ночное небо. Наблюдал за большой яркой звездой, замечая, как постепенно сужается ее свет, ускользая в бездну Вселенной. Видел, как звезда гаснет и падает в руки Вечности...

Свет керосиновой лампы слабел, стусились и заметались по стенам тени, последняя вспышка осветила книжную полку. Вместе с этим огоньком ушла и жизнь старца, он умер тихо и без мучений.

Хибо периодически заглядывала в его комнату. На следующее утро после свадьбы она, как обычно, понесла ему чай.

– Боже, помоги! – закричала она, увидев безжизненно лежавшего на кровати деда. – Что же делать теперь? Я ведь сказала гостям, что дед болен. Вот-вот народ соберется на хупу...

Хибо засуетилась, глаза ее лихорадочно блестели, шея и лоб покраснели. Привлекать внимание она боялась, поэтому заперла дверь, спрятала ключ в карман. Хибо решила скрыть от всех печальную новость.

Рабби похоронили на следующий день. Его доброе имя, праведно прожитая жизнь и благородные дела останутся в памяти не только его детей и внуков, но и тех, кому довелось встречаться с ним в жизни. В этом нет сомнений.

2010–2011 гг.

ШУМШУН-ГАРМОНИСТ, или УСАТАЯ ГОЛОВА

*Ибо у всякого дела – время и закон,
ибо зло человека тяготеет над ним.
Ибо не знает он, что еще будет,
а когда это будет – кто ему скажет?*

Коэлет, 8:6-7

– Но, но! Трогай, сивка! Вперед! – хлестнул лошадь Матвей. – Нам до вечера успеть в город надо!

Лошадь, взбодрившись от удара вожжами, понеслась вместе с телегой по лесной дороге, зигзагами спускавшейся и поднимающейся по склонам гор. Кроме Матвея в телеге были две женщины из их разъездной концертной бригады, возвращавшейся в Грозный. Следом подпрыгивала на ухабах вторая телега, где, развалившись на мешках с театральными костюмами и реквизитом, четверо мужчин бойко обсуждали вчерашнее выступление в селении Шатой. Этими жаркими июльскими днями, в самый разгар лета, театральный коллектив разъезжал по горным аулам с концертами, и артистам всякий раз приходилось нелегко.

Горы в Чечне покрыты густыми лесами, буковыми и сосновыми рощами, зарослями кустарников и диких фруктовых деревьев. Время было военное, шел 1942-й, и птицы и звери потеряли покой в этих лесах. Конечно, уже десятилетия минули с тех пор, как отгремели последние выстрелы Кавказской войны, но в горах всё еще из уст в уста передавались предания о подвигах

Шамиля, о кровопролитных сражениях и царских генералах, которые подавляли восстания непокорных горцев, боровшихся за независимость. Сменилось несколько поколений, и вот затишье после тех памятных времен вновь нарушено...

– Матвей, давай привал сделаем, а потом дальше двинемся, – предложили женщины.

Артисты расположились под раскидистым орехом, прикрывавшим от палящего солнца. Женщины хлопотали над устройством трапезы, одновременно наслаждаясь летней красотой величественных гор и медовым ароматом цветов.

– Мой прадед рассказывал мне много историй о Кавказской войне. Чеченцы дрались не на жизнь, а на смерть, не желая входить в состав царской России... – начал Матвей, глядя на притихших попутчиков.

Несколько месяцев назад Матвея назначили политработником в разъездную бригаду артистов. Молодой русский парень был прирожденным оратором, умел общаться с окружающими и полюбился молодежному коллективу. Он мог часами рассказывать о своем героическом предке, который служил в царской армии, а после службы остался жить в Чечне.

– Но в конце концов горцы оказались бессильны перед натиском русской армии и были покорены, – продолжал он повествование о давно минувших временах.

Вдруг Матвей умолк, всматриваясь в чашку...

– Что замолчал-то? – окликнула его одна из женщин. – Столько ездим, а нам так и не удастся тебя в клубе послушать. Хорошо говоришь, не зря политработником стал. Ну так и что там дальше?

– Ты в лесу что-то увидел? – перебила ее другая.

– Да нет, ничего... Показалось, будто за деревьями человек пробежал, – настороженно отозвался рассказчик и продолжил, растягивая слова: – На смену царизму пришла Октябрьская революция...

И снова прервался, рассматривая что-то между деревьями.

– ...После победы красных, – пришел ему на помощь композитор Сеня, не раз слышавший эти истории на политзанятиях, – Чечня вошла в состав Горской АССР, а затем получила собственную автономию...

С волнением и интересом люди слушали историю своего края. Матвей снова принялся рассказывать сам – теперь о том, как в годы коллективизации чеченцы боролись против советской власти за национальное освобождение.

– Вот и теперь у нас имеются отдельные сложности с набором добровольцев на фронт. Многие дезертируют, от призыва уклоняются, скрываются в горах и лесах, шайки организуют. Контрреволюционные и бандповстанческие элементы активизировались, поэтому здесь сейчас небезопасно! – с сожалением заключил молодой политработник.

Передохнув в лесу, артисты разбрелись по телегам и тронулись в путь. Матвей, сидя на передке повозки, лихо управлялся с работой кучера, порывы теплого ветра игриво теребили длинный чуб его светлых волос. Но проехав только несколько десятков метров, Матвей резко натянул вожжи – за поворотом путь им перегородило упавшее поперек дороги большое дерево. Матвей обернулся к мужчинам, ехавшим следом, успел крикнуть: «Дерево убрать с дороги нужно!» И тут из леса внезапно появилось семеро вооруженных бандитов. Направив винтовки и ружья на путешественников, они окружили их со всех сторон.

– А ну-ка, вы, все! Быстро слезли с телеги! Руки вверх! Кто шелохнется, умрет сразу! – скомандовал самый молодой из абреков.

Женщины при виде разбойников испуганно закричали.

Матвей потянулся к кобуре на боку, но рядом уже возник другой бандит, постарше, и ткнул дулом винтовки прямо ему в лицо.

– Брось пистолет, – зло скомандовал он. – А теперь все за мной!

– Мы тоже чеченцы... – обращаясь к бандиту на чеченском, боязливо взмолилась одна из женщин.

– Да какие вы чеченцы?! Вы – твари продажные! Советам продались! Заткнись! – рывкнул старший на рыдавшую женщину.

Пыль, топот лошадей, крики – всё смешалось. Двое бандитов кинулись к мешкам на телегах, принялись рыться в них, расшвыривая костюмы и концертный реквизит.

– Молчите, я кому сказал – руки вверх! – снова прикрикнул старший на испуганных женщин, поводя оружием и буравя их взглядом исподлобья.

Пленников с поднятыми руками погнали по каменистой дороге. Под конвоем они прошли довольно приличное расстояние, а затем все свернули в густой лес. Ветки цеплялись за одежду, били по лицу и рукам, больно царапая кожу, но продолжалось это недолго. Они вышли на полянку, посреди которой на огромном пне сидел смуглый худощавый мужчина в кожаных сапогах до колен.

– Кто такие? – окинув пленников острым взглядом, он гордо покрутил длинные черные усы.

– Артисты это, из Шатоя едут, – ответил бандит, доставивший пленников.

Усатый оказался главарем банды, и звали его Рустам.

– Кто главный, ты? – указывая на Матвея, мрачно спросил кавказец.

– Он! Это он агитировал чеченцев идти на фронт, – выкрикнул один из бандитов, – я его перед концертом там, в селе, видел.

Неторопливо поднявшись, главарь банды приблизился к Матвею и прямо ему в лицо заорал:

– Кто? Кто звал вас? Что вам, русским гяурам, на нашей земле надо? Мы не хотим жить по законам неверных! – Лицо его горело гневом, глаза налились кровью. – Все знают, что ваш русский царь насильно включил Чечню в состав своей империи! Ну а теперь что делать будете?! Слава Аллаху, немцы пришли... Они с вами разберутся, а мы им поможем!

Женщины съезжились, замерли от ужаса, и неудивительно – глаза Рустама горели, как у зверя, он неистовствовал. Но Матвей молчал, не реагировал на оскорбления и был совершенно спокоен. «Это тот самый матерый бандит, которого давно разыскивает НКВД», – с досадой подумал Матвей.

Он знал, что чеченцы прекрасно ориентировались в своих родных местах, многие из них ушли в горы еще до войны с Германией и жили здесь вне власти и закона... Беглецы вели разбойничий образ жизни, объединившись в шайки и приняв обет быть неустрашимыми и избегать жизненных удовольствий.

На поляне, куда пригнали артистов, недалеко от пня, где сидел главарь банды, находилось низкое глинобитное сооружение, там бандиты ночевали. Для маскировки оно было покрыто множеством веток с листвой, а рядом, в нескольких метрах, притулился сарайчик из ивовых прутьев.

– Всех раздеть и в сарае закрыть! – наконец успокоившись, скомандовал усатый. – А кто откажется, застрелите на месте!

– Ну, чего ждете? – прикрикнул конвоир.

Все обреченно начали раздеваться. Медленно раздевшись до белья, мужчины и женщины озирались по сторонам.

– Догола! Я сказал, чтобы разделесь догола! – снова заорал Рустам, его жидкая борода затряслась.

– Я не могу-у... я не буду-у... – плакала одна из женщин.

Плюнув в сторону бандита, она закричала на чеченском:

– Какой же ты мусульманин? Да будь ты проклят! Не мусульманин ты!

Чеченка упала на землю, закрывая лицо, тело ее задергалось в истерике, она начала рыдать и причитать. Матвей, не шевелясь, смотрел на Рустама в упор.

– Оставь их, – махнув на плачущих женщин, приказал главарь. Перехватил пристальный взгляд Матвея и направился к нему.

– А тебя, шайтан, – Рустам ткнул парню в грудь, – тебя я зарежу как барана и башку твою брошу на съедение волкам. Но не сейчас! Слышишь, урус? – прохрипел он свирепея.

Прячась друг за друга, мужчины забежали в сарай, где попытались как-то прикрыть интимные места валявшейся на полу соломой. Женщины, всхлипывая, пошли следом. Сгорая от стыда, они забились в угол, отвернувшись от мужчин и утирая слезы.

Наступил вечер, солнце клонилось к закату. Пленники сидели молча, а у входа их сторожил вооруженный бандит.

– Что-то не видно абреков, – прошептал Матвей, наблюдавший сквозь щели за поляной, – наверное, опять грабить пошли.

Молодежный коллектив концертной бригады, гастролировавший по селам, был интернациональным. В него входили две женщины – чеченка и адыгейка, участвовавшие в танцевальных номерах. В мужской части театральной труппы кроме

Матвея было еще пятеро парней-комсомольцев: чеченец, ингуш, один русский и два еврея – композитор и руководитель коллектива Сеня родом из Одессы и местный гармонист Шумшун из Грозного.

Шумшун играл на гармонии с детства. Музыкальные способности передалась ему от отца Хаскиля, который долгие годы преподавал в школе математику и очень любил играть на гармонии. Отец частенько устраивал дома маленькие концерты, приглашал соседей, и те с удовольствием собирались послушать музыку. Шумшун был последним ребенком в семье и единственным сыном. Шесть старших сестер с детства обожали и баловали брата. Чаще всего Шумшун проводил время с отцом, слушая его игру на гармонии и наблюдая, как отцовские пальцы с необычайной легкостью пробегали по клавишам. Постепенно он и сам научился играть, а повзрослев, стал популярным в городе музыкантом. О лучшем гармонисте по кличке Шума, которому только-только исполнилось восемнадцать, знал весь Грозный. И когда праздновали свадьбы, его услугами постоянно пользовались жители города – приглашали к себе не только горские евреи, но и чеченцы и ингуши, наслышанные о молодом музыканте. Шумшун владел гармонью в совершенстве и мог исполнить любую мелодию – русскую, чеченскую, азербайджанскую или еврейскую. К молодежной концертной бригаде он примкнул перед войной, и вот все они неожиданно оказались в плену у своих земляков...

Ближе к ночи вся шайка снова собралась на поляне. Мужчины разожгли костер, расселись на траве вокруг пня, ели, пили водку, о чем-то громко разговаривали на своем языке. Кто-то из абреков, узнавший Шумшуна, рассказал о нем главарю.

– Веди сюда гармониста, – приказал тот. – И еще, слышишь, верни парню трусы и носки.

На костре жарили барашка. Артисты сидели тихо, наблюдая за происходящим сквозь щели сарая. Запах жарившегося на вертеле мяса пробудил в уставших людях голод.

Шумшуна отвели к костру, сунули в руки гармонию.

– Как зовут тебя? – с презрением разглядывая его, спросил Рустам.

– Шума, – ответил тот, откинув с лица копну черных вьющихся волос.

– Что ж ты нам сыграешь, Шума-гармонист?

Шумшун молча раздвинул руки, растягивая и сжимая гармонь. Пальцы, набирая темп, прошлись по клавишам – и плавно полилась дивная чеченская мелодия. Рустам, полузакрыв глаза, погрузился в волшебное забытье. Щемящие завораживающие звуки будто излечивали старые раны, проникали в души притихших у костра слушателей. Некоторые из них даже прослезились.

Гармонист играл не переставая часа три, несколько раз повторив весь свой репертуар. Опьяневшие, утомленные за день абреки расслабились под знакомые мелодии и один за другим уснули вповалку прямо там, где сидели.

Убедившись, что горцы крепко спят, Шумшун поставил гармонь на траву и, стараясь не задеть спящих, пробрался к разложенной перед костром пище. Схватив несколько кусков хлеба и мяса, он бесшумно пошел к сараю, где его ждали оголодавшие товарищи. В ту ночь никто из них не сумел заснуть.

Наутро разбойничий лагерь оживился. Охранявший пленников горец заглянул в сарай и поставил у входа кувшин с водой. Артисты лежали на полу, отгоняя докучливых мух и комаров, круживших над голыми телами. Скоро всё вокруг затихло – все, кроме охранника, покинули лагерь. Но к вечеру бандиты вновь собрались на полянке, разожгли костер, и Шумшун опять забавлял разбойников, до глубокой ночи играя им чеченские мелодии.

...Так прошло 10 дней. Исчезнувших артистов искали, но для НКВД ликвидация мелких банд была крайне сложным делом. Дина, работавшая бухгалтером в Народном комиссариате внутренних дел Чечено-Ингушской АССР в городе Грозном, тяжело переживала внезапное исчезновение младшего брата. Каждый вечер, когда она приходила с работы, ее сестры и родители подбегали к ней с одним и тем же вопросом: «Какие новости? Нашли ли Шумшуна?»

Но Шумшуна и его товарищей найти не смогли и тогда, когда прошло уже полтора месяца. Жаркое лето заканчивалось. Пока артисты «гостили» в бандитском пристанище, бдительность

абреков совершенно притупились, в том числе и из-за уверенности, что без одежды пленники никуда не разбегутся.

И вот однажды, когда обитатели разбойничьей стоянки, как обычно, устроились на ночлег и почти все уснули, Сеня прошептал гармонисту:

– Послушай, Шума, снимай свой наряд... сегодня я его поношу...

– Ты что задумал?

– Я должен наконец добраться до наших, – прошептал Сеня ему на ухо.

Его большие печальные глаза были устремлены вдаль через распахнутые двери сарая. Мерцание звезд, причудливым узором рассыпанных по небу, подчеркивало сгустившуюся тьму. Всю ночь Сене не удавалось уснуть, он всё думал о ситуации, в которую они угодили.

Ночь была на исходе. Осторожно выбравшись из сарая, Сеня скользнул к лесу и пошел в полутьме, ориентируясь на ошупь. Только через пару часов, пробравшись сквозь лесные заросли, он оказался на вершине холма, покрытого травой и полевыми цветами. Сеня скатился вниз и снова долго бродил по лесу, пока не наткнулся на лагерь, где расположился один из летучих отрядов регулярных частей Красной армии. Его командиру Сеня и рассказал обо всех злоключениях концертной бригады.

Артисту дали поесть, переодеться и немного передохнуть. Командир в это время собирал своих бойцов, ведь его отряд славился удачными захватами разбойничьих группировок в этих горах. Композитор Сеня из Одессы проводил отряд к лагерю чеченских бандитов и посоветовал напасть на них ночью, когда вся шайка возвращалась в свое гнездо, занималась костром и готовилась к застолью. После того как стемнело, Сеня прокрался к сараю и шепотом передал артистам, в какую сторону надо уходить. В опустевшем сарае притаились трое красноармейцев, а остальные плотным кольцом окружили логово бандитов. Не ожидавшие нападения абреки были захвачены врасплох, их избили и связали.

...А на следующий день в бухгалтерию НКВД вошел лейтенант-секретарь.

– Нарком просит вас пройти в кабинет, Дина, – отчеканил он и улыбнулся.

Женщина, волнуясь, пошла в кабинет полковника госбезопасности Албогачиева, руководителя Народного комиссариата внутренних дел Чечено-Ингушской Республики.

– Дина, я обещал спасти вашего брата – и выполнил обещание. Но вас ждет еще один сюрприз! Посмотрите в тот угол! – указал нарком.

Дина оглянулась и вскрикнула. В углу кабинета на тумбочке на большом круглом подносе покоилась мужская голова с бесильно повисшими черными усами. Это была голова Рустама, предводителя той самой чеченской банды; широко раскрытые зеленые глаза безжизненно уставились на наркома.

От жуткого зрелища женщина оцепенела, всё вокруг закружилось, поплыло... Она упала.

– Идите домой и отдохните сегодня, – сочувственно бросил нарком, когда Дина очнулась от обморока.

Дверь дома ей открыла мать.

– Шумшун вернулся, – радостно сообщила она.

На тахте сидел ее брат, рядом были сестры и отец. Шумшун что-то оживленно рассказывал. «Брат повзрослел, борода у него выросла. Похудел, но живой вернулся!» – подумала Дина со слезами радости.

А через пару недель Шумшун ушел на фронт.

Обстановка в республике с каждым днем становилась всё более опасной. Ходили слухи, что, помогая немцам, чеченцы и ингуши собирали вооруженные банды для борьбы с советской властью в тылу Красной армии и занимались подрывной антисоветской деятельностью. И вот в январе 1944 года Государственный комитет обороны СССР принял постановление об упразднении Чечено-Ингушской АССР и депортации ее населения в Среднюю Азию и Казахстан с формулировкой «за пособничество фашистским захватчикам». Но на Северном Кавказе никогда не было мира, здесь вечно воевали, и полное спокойствие здесь так и не наступило...

СТАРОЕ ФОТО, или СОЛДАТЫ РОДИНЫ

*Моему дяде Ильясэфу Измайлову посвящается.
К 70-летию Сталинградской битвы.*

*И будет жизнь твоя висеть на волоске,
и будешь пребывать в страхе день и ночь,
и не будешь уверен, что выживешь.
Утром скажешь: «Настал бы уже вечер!»
А вечером скажешь: «Настало бы уже утро!» –
от страха в сердце твоём, которым ты будешь объят,
и от зрелища, которое увидят глаза твои...*

Дварим, Ки таво, 28:65-67

*Вспомни обо мне, Господи,
когда благоволишь к народу Своему,
вспомни обо мне помощью Твоей...*

Теилим, 106:4

В то необычное утро легкий ветерок лениво, с легким шелестом шевелил перистые листья пальмы. Ее ветки тянулись вверх аж до самого второго этажа высотного здания, пытаясь скрыть от ярких лучей южного солнца сидевшую на балконе худенькую старушку. Сжав в кулаки сухие руки, она суетливо оборачивалась в сторону открытой двери, прислушиваясь к звукам орущего в квартире телевизора. Не сдержавшись, Томор вошла в комнату и уселась на привычное место напротив

экрана, на драпированном узорным велюром горчичном диване.

Удобно прислонившись к спинке, она устремила взгляд на стену, где в скромной коричневой рамке висело старое черно-белое фото. Из-за стекла на нее смотрел молодой парнишка в солдатской пилотке – и весело улыбался, будто хотел подбодрить ее словами «Не волнуйся, сестренка! Ведь всё хорошо!». Она нетерпеливо посмотрела на будильник, стоявший в посудном шкафу у телевизора, и снова спросила внучку:

– Элина, скоро начнется?

Старушка, как и все израильтяне, в то утро находилась в напряжении, ожидая телетрансляции очень важного события.

– Скоро, скоро! – ответила та и, удивившись, спросила: – Что с тобой, ба? Ты что, плачешь?

– Это мой брат, Ильясэф Измайлов, – смахнув с лица слезу, тихо сказала женщина, указывая пальцем на стену, – мы звали его Илюшей.

– Бабушка, ты часто говорила, что за каждой фотографией скрываются судьбы людей, но никогда не рассказывала о своем брате. Может, расскажешь о нем? – придвинув кресло поближе, попросила Элина.

– Сейчас?! А мы успеем?

– Конечно успеем! До передачи еще со-рок ми-нут! – уверенно протянула девочка. Она уже приготовилась слушать интересную историю.

– Верно, внучка, – кивнула Томор, начиная свой рассказ. – Каждый снимок хранит собственную историю, каждая фотография имеет свое прошлое, а вот это фото пришло с фронта. В ту пору я была девочкой, такой же, как ты сейчас. Страшное началось время. Костер войны, который разожгли тогда нацисты, заставил вздрогнуть весь мир. Его пламя очень скоро перенеслось на восток и захлестнуло Россию. Известие о войне застало врасплох жителей огромной страны.

Илюша – первый, кто принес в наш дом эту страшную весть. В то воскресенье, 22 июня, он торопился домой после встречи с друзьями и по пути должен был пересечь бывшую Соборную площадь, где находился большой Андреевский военный собор. После революции собор был закрыт, а потом в его здании

разместили кинотеатр «Ударник» и площадь переименовали, назвали именем Сталина, так же как и нашу Темир-Хан-Шуру переименовали в город Буйнакск. Обычно на городской площади по вечерам гуляли горожане, и здесь почти всегда громко звучала музыка из двух огромных черных репродукторов. Они висели на высоких столбах, стоявших у здания кинотеатра и неподалеку от входа в парк.

Приближаясь к площади, Илюша услышал мужскую речь, гулким шипением исходившую из репродукторов и разносившуюся по окрестным улицам. Прохожие останавливались, прислушиваясь к диктору. Скоро площадь заполнилась людьми. Испуганные и настороженные лица были направлены в ту сторону, где находились громкоговорители. Напряженный голос Молотова сообщил жителям небольшого горного городка о вероломном нападении гитлеровской Германии на СССР и объявил о начале войны.

Брату шел 18-й год, в то лето он работал учеником в швейной мастерской. В ней же трудился наш отец, известный на весь город мастер по пошиву мужских костюмов, он руководил кройным цехом единственного в городе швейного ателье. Илюша раньше часто заходил в мастерскую после школы. Здесь всегда было оживленно и многолюдно. Он любил наблюдать за тем, как руки отца управлялись с огромными ножницами за раскройным столом. Ножницы двигались по расчерченным мелом контурам на добротной габардиновой ткани, ловко вырезая на ней рельефы и выкраивая детали для будущего изделия. Илюша видел, как потом на готовые выкройки ложились ровные строчки шумно стрекочущих швейных машин и шились новенькие, не знающие износа мужские костюмы. В ателье все уважали Илюшу за то, что он был хорошим помощником, аккуратен и скор в работе. Возможно, парень стал бы, как и отец, отличным кройщиком, если бы не эта проклятая война, которая всем изменила жизнь.

Война стучалась в каждый дом. Молодежь приходила в буйнакский военкомат с просьбой принять их добровольцами в ряды Красной армии. Попросился на фронт и мой брат. Мог ли он тогда знать, что жизнь повернет в другое русло?..

Старушка вдруг замолчала. Она всхлипнула, стараясь остановить слезы, но не выдержала и тихонько заплакала.

– Что же было потом, бабуля? – спросила Элина, обняв бабушку за плечи.

– Его направили в Бакинское военное пехотное училище, а потом на фронт. Всего три письма пришло с фронта, – сказала она и, осторожно достав одно из них, хранившееся за рамкой, добавила: – Это его последнее письмо. Вот что он написал: «Дорогие мои родители, любимые братья и сестра! Получил от вас несколько писем, которым был очень рад. Из них я узнал о том, что Белу забрали рыть окопы, и о том, что за ударный труд она получила благодарность от военкома. Она молодец! Незаметно пролетел год с тех пор, как началась война. За это время я прошел уже немало дорог. Наш полк стоит под Сталинградом. Мы освобождаем нашу землю от фашистов. Враг упорно сопротивляется, но мы его победим. Скоро наши разобьют немцев, закончится война, и все мы обязательно будем вместе. Пару слов я хотел написать о себе: жив и здоров, обо мне не беспокойтесь! Берегите себя. Посылаю вам свое фото. До свидания, мои дорогие. Целую вас много раз и с нетерпением буду ждать писем из дома. Ваш сын и брат Илюша».

Дочитав письмо, старушка бережно сложила пожелтевший от времени ветхий листок, придав ему обычную для фронтовых писем форму треугольника.

– До конца войны писем больше не было, – произнесла она, укоризненно покачивая головой. – Все думали, что он погиб на фронте или пропал без вести. Но Илюша вернулся спустя полгода после войны. Когда он вошел в дом, всех домочадцев охватил ужас – мы узнали его с трудом! Вместо улыбчивого крепкого, пышущего здоровьем парня перед нами стоял истощенный до крайности, исхудавший подросток весом около 40 килограмм, похожий на живой скелет, обтянутый кожей. Его бледное осунувшееся лицо не выражало никаких чувств, а глубоко запавшие глаза были задумчивы. Вот что он успел тогда рассказать:

«Под Сталинградом нас ожидали тяжелые бои. Был приказ – отстоять город. Падение Сталинграда открыло бы дорогу к южным нефтяным месторождениям страны – к Грозному

и Баку... а Гитлер мечтал захватить Кавказ. Для Сталина битва за город его имени была вопросом престижа. Сражение развернулось на тысячах километров. Солдаты показывали чудеса храбрости и героизма. Я был дважды награжден боевой медалью «За отвагу». Немцы обстреливали, бомбили нас днем и ночью. Город пылал в огне. Много народу полегло, много страшного я повидал там... Осенью после непрерывных ожесточенных боев началось отступление. Наш отряд пробирался лесом. Бойцы, не спавшие несколько суток, еле двигались. Мы сделали вынужденную остановку, разбив в лесу лагерь. Но внезапно ранним холодным утром раздались выстрелы, не умолкая била вражеская артиллерия. Меня оглушило и тяжело контузило, когда рядом разорвался снаряд. Сколько я там пролежал – не помню. Очнувшись от злобного собачьего лая, я не понимал, что делается вокруг. В воздухе висел дым, овчарки бегали по трупам, вблизи слышалась немецкая речь. С трудом приподняв веки, я увидел над собой собаку и рядом с ней солдата в немецкой форме. Он смотрел на меня с явным презрением, насмешливо тыча автоматом мне в лицо. Мое сердце дрогнуло, веки снова закрылись. Ударом сапога по груди фриц заставил меня встать и поднять руки вверх. В голове шумело, я попытался выполнить его приказ, но руки не слушались, опускались. Немец шел вслед за мной и, подталкивая стволом в спину, кричал: «Хенде хох! Шнель, шнель!» Он конвоировал меня до железнодорожной станции. Там у длинного состава толпились наши солдаты из пересыльного лагеря военнопленных, который располагался под Сталинградом. Немцы загнали всех в грязные товарные вагоны для скота, и набитый до отказа поезд тронулся на запад.

Состав прибыл в Польшу, и военнопленных из нескольких вагонов погнали в лагерь пешком. Моя жизнь в концлагере началась с нового имени – Ильяс Исмаилов. Немец-переводчик попросту ошибся, когда на слух заносил мое имя по-немецки в какие-то списки. Только по этой причине никто до конца войны так и не узнал о том, что я еврей. Сначала мне показалось, что я избежал той страшной участи, которая постигла многих несчастных узников, попавших под решение «еврейского вопроса».

Те дозы несчастья, которые пришлось пережить людям в аду немецких лагерей, нельзя назвать иначе, чем преступлением против человечества. Эсэсовцы клеймили нас несмыслаемыми номерами на левой руке. Они жестоко избивали заключенных за малейшую провинность, сажали в карцер и подвергали издевательствам и пыткам, лишали воды и пищи. За то, что я пытался сохранить наше семейное фото, лагерный надсмотрщик жестоко избил меня металлическими прутьями...»

Томор, не сдержавшись, жалобно хныкнула в носовой платок:

– Когда мать дала брату чистую одежду, он разделся до пояса и пошел к рукомойнику, чтобы помыться. Мы с ужасом увидели, что вся его спина покрыта чудовищными шрамами от кнута и следами побоев, а на левой руке стоял вытатуированный шестизначный номер.

– Что еще говорил твой брат? Ты помнишь? – не отставала девочка.

– Переодевшись и отдохнув немного, Илюша продолжил свой рассказ:

«В конце осени бригаду узников из нашего барака повезли на грузовой машине на каменоломню. Там грузовик остановился, и немцы-конвоиры приказали заключенным сойти на землю. Я должен был спрыгнуть последним, но эсэсовец, стоявший в кузове, дернул меня за рукав, подавая знак, чтобы я остался. Мы проехали еще несколько километров и прибыли в польский поселок к дому, где располагался немецкий штаб. Конвоир подвел меня к сараю и, ткнув винтовкой в сторону груды деревянных чурок, пробурчал что-то по-немецки. Я понял, что надо было наколоть дрова и сложить их в сарае. К вечеру, когда всё было сделано, я набрал охапку дров, принес их в дом и снова пошел к сараю. За мной следом бесшумно шла пожилая женщина-полька, которая прислуживала в доме.

– За дровами я спрятала сверток с хлебом. Возьми его. Мой сын, как и ты, где-то воюет и, может быть, тоже голодный, – тихо прошептала она мне в затылок.

Я подошел к указанному месту и, обнаружив сверток, быстро спрятал его за пазуху. Когда вернулся в барак, развернул льняную салфетку, в которую аккуратно были завернуты три

бутерброта с очень тоненькими ломтиками вкусно пахнущего голландского сыра. С приятелем мы разделили бутерброды на крохотные кусочки по числу обитателей барака и раздали всем. Получив свою порцию, каждый из них долго вдыхал дразнящий аромат неожиданного угощения, а потом, отправив кусочек в рот, неторопливо перемещал его из стороны в сторону, от одной щеки к другой, наслаждаясь давно забытым вкусом хорошего свежего продукта. Ежедневно в лагере по несколько сот человек умирало от голода и истощения, от болезней, тяжелой работы и побоев. Страшно вспомнить, сколько узников погибло в газовых камерах, которые нацисты использовали для массового умерщвления людей. Оттуда трупы отвозили в крематории для сжигания. Фашистские негодяи отделяли детей от родителей и живыми бросали их в печи. Дым, валивший из печей, и детские крики, разносившиеся из зоны смерти по всему лагерю, приводили заключенных в леденящий ужас. Каждый из нас знал, что следующим может быть он сам.

В конце 1944 года меня вместе с другими военнопленными перевезли в другой лагерь, в котором было много мастерских по изготовлению боеприпасов. Узники здесь страдали, мучились и умирали так же, как во многих других концентрационных лагерях. Но сами эсэсовцы уже явно почувствовали, что война вот-вот закончится. Германия терпела поражение, фронт быстро приближался. Боясь возмездия за совершенные злодеяния, нацисты спешно пытались замести следы своих преступлений. Газовые камеры и печи стали работать круглосуточно, чтобы уничтожить как можно больше людей.

До рассвета вооруженные эсэсовцы окружили наш барак и вывели группу узников на лагерьный двор. Объятые дурным предчувствием, мы молча глядели друг на друга. Я каждый день ждал смерти. Бежать было некуда. Лагерь, обнесенный колючей проволокой под током высокого напряжения, днем и ночью патрулировали эсэсовцы с собаками. Под конвоем мы пошли к тому месту, где стояли три закрытых невысоких здания без окон. Сообщив узникам, что они сейчас будут мыться, нас заставили раздеться и бросить одежду в тележку у стены. В темном помещении раздевалки я понял весь ужас безнадежного положения. На изнуренных лицах солагерников читался

страх. Это был конец! Забившись в угол, я хриплым шепотом молился, просил Всевышнего о спасении. Перед глазами живо проплыли знакомые лица друзей, любимой Дестэгюль, родителей, наша улица. Я вспомнил, как в Судный день меня, маленького шестилетнего мальчика, отец впервые вел за руку на соседнюю улицу, на которой стояла синагога. В битком набитом зале храма прихожане целый день были погружены в чтение молитв, они с исступлением, как и я сейчас, просили Всевышнего о спасении, просили сохранить жизнь!

Видение исчезло в тот миг, когда в полутьме со скрипом распахнулась тяжелая дверь, открывая вход в зловещую газовую камеру, которая, как пасть прожорливого чудовища, жадно заглатывала толпу голых полуживых людей. Я с трудом оторвался от стены и, еле передвигая ноги, пошел за сбившимися в кучу узниками навстречу дикой смерти. Один-единственный вопрос в ту минуту жег мой мозг: почему? Вдруг цепкие руки схватили мое почти безжизненное тело и быстрым движением бросили в тележку с одеждой заключенных. Чей-то голос почти беззвучно шепнул: «Живи!» На меня рухнула груда вонючей одежды, тачка с грязным бельем покатилась. Ее вывезли и оставили у дверей прачечной. Когда через несколько минут я прислушался, кругом было тихо. Убедившись, что за мной никто не следит, я кое-как оделся в лагерную робу и осторожно выполз. Озираясь по сторонам, мелкими перебежками я добрался до своего барака.

К счастью, смерть почему-то всегда обходила меня стороной, но забыть тот страшный день я не смогу никогда... Он стал самым черным днем в моей жизни... Выжив, я понял, что война – это самый страшный ад, какой только могли придумать люди», – закончил Илюша свой рассказ, печально опустив голову.

Из глаз старушки снова полились слезы.

– Не надо, бабушка, не плачь. Успокойся, прошу тебя, – просила Элина и, увеличивая звук телевизора, напомнила, что наступило время передачи.

Ведущая телепрограммы сообщала о возвращении домой из более чем пятилетнего плена израильского капрала Гилада Шалита, которого обменяли на 1027 палестинских заключенных.

Диктор напомнила о том, что обмен пленными солдатами практикуется в еврейском государстве многие годы, и сказала, что Израиль постоянно добивается обмена заключенных арабов на своих солдат – живых или мертвых.

– Ох, какой же он худенький, какой молоденький... – охала Томор, прищурившись, словно пытаясь получше рассмотреть мелькавшие на экране кадры, и потом, бросив быстрый взгляд на стену, где висел портрет брата, сказала: – Совсем парня замучили!

– ...На базу Тель-Ноф доставлено большое количество медицинского оборудования, включая стоматологическое и рентгеновское... Шалита доставят на военную базу Тель-Ноф, откуда он вместе с семьей будет направлен домой, в поселок Мицпехила, – звучал дальше голос диктора.

– Ты только посмотри, как пленника встречают! А он даже и не сын президента, – комментировала Томор.

– Бабуля, а при чем тут сын президента? – спросила Элина.

– Что ты, дочка, можешь об этом знать? – грустно усмехнулась она и жала губы. – Ведь вождь Советского Союза Иосиф Сталин пленного сына своего, Якова, не захотел на немецкого генерала обменять.

– Ну так это же Сталин... – возразила девочка, протестуяще сверкнув глазами, – а тут видишь, сам премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху прибыл на военную базу встречать Шалита.

– Всего за 54 года Израиль обменял около 12 500 заключенных палестинцев на 15 своих солдат, – снова удивленно повторила старушка слова диктора.

– Ты слышала, что сказал премьер-министр? – спросила внучка и сама ответила: – Он сказал, что «выполняет обязанность вернуть домой каждого солдата, который был послан защищать наших сограждан».

Томор, глубоко вздохнув, кивнула головой в знак одобрения.

– Бабушка, ты так и не закончила свою историю: кто такая Бела, о которой написал в письме твой брат? И почему ты сказала: «Вот что он успел тогда рассказать»? Почему «успел»? Что случилось с ним дома? – тараторила Элина, без остановки задавая ей самые разные вопросы.

– Мою старшую сестру звали Бела. Вместе с бригадой девушек ее мобилизовали в Ставропольский край на строительство оборонительных рубежей – рыть окопы. Домой Бела вернулась только в конце войны с медалями и благодарственными грамотами. – Томор сделала паузу и подчеркнула, глядя девочке прямо в глаза: – Верно, внучка, ты не ошиблась! Илюша успел всё рассказать, потому как через день к нам домой пришли из органов НКГБ, чтобы арестовать его. Брату предъявили обвинение в измене Родине и отправили в лагерь в Магадан.

– Как же так? Он выжил в концлагерях, воевал на фронте, должен был получить благодарности, а вместо этого – снова в лагерь? – удивилась девочка.

– Конечно, пройти войну и снова в лагерь – это как-то глупо! – согласилась старушка и заворчала: – Дождешься от них благодарности, как же... Сталин не мог простить своим солдатам возвращения из немецкого плена.

Она судорожно вздохнула и с едким сарказмом, адресованным Сталину, добавила:

– Рябой палач считал советских солдат, побывавших в немецком плену, врагами народа. После войны многих из этих несчастных ждали советские лагеря, которые как грибы росли в стране, строившей коммунизм. Разве ребята плохо воевали? Нет! Они мужественно сражались за Родину и защищали страну от фашистов, рискуя жизнью, но «Родина-мать» бессердечно предала своих сыновей.

– Что же было дальше? Кто такая Дестэгюль и где она теперь? – нетерпеливо наклонившись вперед, спросила Элина.

– Долгие 10 лет брат просидел в советском лагере. Когда энкэвэдэшники забрали его и стал известен срок тюремного заключения, родители голубоглазой красавицы Дестэгюль объявили нам о том, что помолвка расторгнута. Ведь до войны она была обручена с Илюшей. Через три года после тех событий Дестэгюль вышла замуж за Шабатая из нашего города, а мой брат, отсидев свой срок, в Дагестан больше не вернулся. Он уехал вместе с медсестрой Анной, лагерной подругой, в Ставропольский край, женился на ней и остался там жить. Сегодня ровно год, как Илюши не стало, он достойно закончил свой тяжелый земной путь. Наверно, совпадение, – тихонько

закончила Томор и, поднявшись с дивана, медленно направилась к балкону, за которым привычно шумели зеленые ветки пальмы, словно зовя посидеть рядом и насладиться теплым солнечным днем.

«Да-а, совпадение, – подумала Элина. – Вот сегодня у нас в Израиле освобождают Шалита, солдата встречают родные, врачи и даже сам премьер... И в этот же день ровно год назад, говорит бабушка, умер Илюша... А когда он возвратился из плена, Родина от него отвернулась...»

2013 г.

ВСТРЕЧА

*И возвеселятся все полагающиеся на Тебя,
вечно ликовать будут, и покровительствовать будешь им,
и радоваться будут Тебе любящие имя Твое.
Ибо Ты благословляешь праведника, Господи,
как щитом, благословением окружаешь его.*

Теилим, 5:12-13

Малыш бежал без оглядки по пыльной проселочной дороге, петлявшей вдоль невысоких и однообразных, чисто выбеленных известью глинобитных домов. Задыхаясь, он забежал в знакомый ему двор, юркнул в старенький сарай, присел на корточки и притаился. Двор был окружен деревянным забором. За домом находились небольшой огород и утопавший в зелени, очень ухоженный сад с фруктовыми деревьями, с веток которых, почти касаясь земли, свисали крупные спелые плоды. Немного успокоившись и засмотревшись на кур, бежавших по двору и что-то лениво клевавших, мальчик незаметно задремал.

Смеркалось. Солнце уже находилось за горизонтом, когда скрипнула калитка и во двор вошла худощавая высокая женщина, а с ней, шаркая ногами, толкая друг друга и шумно о чем-то споря, двое детей. От шума малыш проснулся. Он увидел, как все трое вошли в дом и за окном появился силуэт женщины, которая зажигала керосиновую лампу. Мальчишка вышел из засады и крадучись направился к дому.

– Это ты, Рафик? Что? Что случилось?– испуганно закричала женщина.

– Тетя Авшаг, у вас – двое, а я буду вашим третьим ребенком, – с ходу выпалил Рафик, – но я скоро вырасту и обязательно буду вам помогать!

Женщина подошла к мальчику, взяла его на руки и прижала к груди:

– Сиротинушка ты моя! Что же с тобой делать? Оставайся...

...Невозмутимым миром и спокойствием по-прежнему веяло от высоких горных хребтов, покрытых снежными шапками и окружавших маленький южный городок. Фруктовые сады, цветущие каждой весной крупными розовыми, лиловыми и белыми цветками, росли вдоль горной реки Гудиал-чай, стремительно несущей с вершин свои мутные воды. Река разделяла городок Куба, расположенный на северо-восточных склонах горы Шахдаг в Азербайджане, на две части. В одной из них, которая находилась на правом, более высоком берегу, располагался мусульманский город, собственно Куба, а на левом – предместье, издавна заселенное евреями и носившее до революции название Еврейская Слобода, а с 1926 года – Красная Слобода.

Волна разрухи и голода во времена коллективизации 1930-х прокатилась по всей огромной советской стране. Трудности тех лет жители Кубы переживали по-своему...

...Рафику было всего четыре года, когда в их дом постучалась беда. Его бедная мать, овдовев, заболела и умерла, не выдержав житейских трудностей, и оставила троих детей круглыми сиротами. Двум старшим братьям было пятнадцать и двенадцать лет. Родственникам жилось очень тяжело, и детей решили определить в детский дом. Когда работники органов опеки пришли забирать детей, Рафик спрятался за шкафом в коридоре, прислушиваясь к разговору взрослых. Своим детским умом он многого не мог понять, но почувствовал себя в ловушке и насторожился.

– Мы должны забрать детей в приют, – услышал Рафик строгий женский голос, и холод пробежал по спине мальчика.

Незаметно проскользнув, он осторожно приоткрыл входную дверь, выбежал, спрятался в соседском дворе, а потом, когда из дома все ушли, понесся изо всех сил по проселочной дороге...

...Рафик рос послушным и смышленным ребенком. В годы коллективизации всем было нелегко, и своей тете Авшаг, младшей маминной сестре, мальчик старался не создавать лишних хлопот и по-детски, как мог, помогал ей по хозяйству.

А тут новая беда – на страну напали немцы. Рафик в это время уже учился в школе. После уроков он трудился с пенсионером Пинхасом, к которому пристроился, чтобы помогать старику в малярной работе и радовать тетку редкими скудными заработками.

Прошли годы, закончилась война.

– Тетя Авшаг! Ты вырастила меня, спасибо тебе! Я тебя никогда не забуду! Но теперь я решил жить сам, – робко сказал он тете.

– Куда же ты пойдешь? Разве я гоню тебя? – озабоченно спросила Авшаг.

– Нет, но я уже повзрослел. Пора мне заботиться о себе самому, – сказал на прощание юноша и ушел.

На телеге он добрался до Хачмаса, а там, пересев на поезд, поехал в Дербент. Парнишка скитался в поисках работы и жилья, перебиваясь случайными заработками. Многое пришлось ему пережить. Несколько месяцев спустя, так ничего и не заработав, он решил уехать обратно.

На платформе при посадке на поезд, который направлялся в Азербайджан, столпилось много народа. В перронной суете и неразберихе Рафику удалось незамеченным пробраться в поезд. Он устроился на деревянном сиденье общего вагона, бросив на пол свои нехитрые пожитки.

Когда проехали две станции, в вагон вошли проводники для проверки билетов. Заметив издали людей в форме и больших черных фуражках, Рафик направился в противоположную сторону – к дверям, ведущим в следующий вагон. Так он прошагал почти через весь состав и, дойдя до конца поезда, остановился в тамбуре последнего вагона, где высокий здоровенный парень лет двадцати пяти молча глядел в окно и курил папиросу. Рафик в растерянности остановился и направился в другую сторону тамбура, но, потоптавшись на месте, подбежал к окну, у которого стоял парень. Попутчик, жадно затягиваясь и безразлично выпуская порциями сизый табачный дым,

недовольно посмотрел на мальчика, который то и дело перебегал из стороны в сторону.

– Ты что скачешь тут, как молодой козленок? – прикрикнул он на азербайджанском языке, недовольный тем, что нарушили его одиночество.

– Не ваше дело! – грубо ответил Рафик.

– Что ты сказал? А ну повтори! – разозлившись закричал парень и правой рукой схватил мальчика за шиворот.

– Отпусти, больно! Отпусти, я сказал! – разгоня ладонью густой табачный дым, потребовал тот.

– Посмотрите, какой наглец! – возмутился верзила, еще пуще разозлившись, открыл дверь тамбура и подтащил мальчика к выходу.

Он держал его за шкурку, как щенка, над стремительно убегающей дорогой. Мальчик замер от предчувствия беды, еще один вздох, и он с ужасом полетит вниз! Поняв, что шанса выжить у него не остается, Рафик жалобно запричитал на родном языке:

– Шма Исроэль, Аданой Элохейну! Э Худолей мэ, нэ бебенисты мерэ, нэ деде, кумек сох эри етым Ту!¹

Неожиданно верзила затащил его обратно в тамбур и удивленно спросил:

– Эй, ты кто? Еврей?

– Да-а-а, – испуганно протянул паренек, прижимаясь к стенке вагона, раскачивавшегося из стороны в сторону.

– Как зовут тебя? Откуда родом?

– Я Рафик, сын Шоула и Одоссо, из Кубы, – шмыгая носом, пролепетал мальчик.

– Что-о? Не может этого быть! – незнакомец так и застыл на месте.

Обливаясь потом от внезапно нахлынувшего волнения, он придвинул мальчика к себе, пристально вглядываясь в его лицо, будто отыскивая в нем что-то неуловимое, известное только ему одному. На бледном худеньком личике подростка незнакомец разглядел до безумия знакомые добрые и грустные

¹ Слушай, Израиль, Бог Вселенной! Боженка мой, нет у меня ни отца ни матери, заступись, помоги сироте Твоему! (на языке джуури)

глаза своей матери. Большой шумный верзила с уродливым шрамом на мрачном, слегка перекошенном лице вдруг обмяк. Его губы расплылись в безмолвной улыбке, он снова схватил мальчика за худенькие плечи и крепко прижал его к себе.

– Прости меня, если сможешь. Ты не узнаешь меня? Да это же я! Я твой старший брат, Ифраим. Помнишь, когда нас с Довидом забрали в детский дом? Помнишь? А ты куда-то в тот момент вдруг исчез. Ты ведь был еще совсем маленьким, – Ифраим обнимал мальчика сильными руками, а сердце его бешено колотилось. – Через несколько лет я сбежал из детдома. Жил сам, как мог. Как-то ввязался в драку с пацанами. После этого сидел в тюрьме. Сейчас еду домой... А Довида я потерял... Его тогда отправили в другое место. Где он теперь – не знаю. Наверно, трудно будет его разыскать, ведь в приюте нам давали разные азербайджанские фамилии. Вот так-то, брат...

Рафик весь съежился и, широко раскрыв глаза, молча смотрел на незнакомого человека. Он не мог поверить во всё то, что с ним произошло. Его страдающая душа была в те минуты переполнена великой радостью и с благодарностью воспринимала это случайное мгновение...

2010 г.

ПОПУТЧИКИ

*Рабан Гамлиэль, сын Раби, говорил:
«Всякий, кто милосерден к людям, –
милосердны к нему Небеса,
а всякий, кто немилосерден к людям, –
Небеса немилосердны к нему».*

Шабат, 15

Поезд с тяжелым скрипом, шумно постукивая колесами, отъезжал от станции в южном направлении. За окнами быстро набиравшего скорость вагона мелькали пейзажи уходящего августовского лета. Было многолюдно и душно, нещадно парило. Пассажиры неторопливо рассаживались, укладывая чемоданы в багажные отделения. Изик прошел к указанному на картонном билетике боковому месту, затолкал сумку под сиденье, приподнял раскладывающийся столик и дернул за ручку оконной рамы. Та медленно скользнула вниз, впуская в пространство душного плацкартного вагона порцию свежего закрутившегося вихрем воздуха.

Жадно вдохнув глоток прохлады, смешанной с легким лесным ароматом, Изик залюбовался живописным видом и захватывающими дух оранжевыми красками вечернего неба, на котором солнце не спеша клонилось к закату.

Проводница, собрав билеты и деньги на постель, удалилась. После этого пассажиры зашуршали сумками, доставая пакеты с едой. На столиках появились хлеб, вареные яйца, курица, зеленый лук, свежие овощи и соленые огурцы, запах которых тут же разошелся по всему составу. Разношерстная

публика, сидевшая в вагоне, принялась за ужин. Изик тоже пил горячий чай, который только что принесла проводница вместе с упаковочкой пиленого сахара. Четырехместное купе, расположенное рядом, пустовало. После ужина Изик опустил складной столик вниз и на образовавшейся полке расстелил матрас, готовясь ко сну.

Через час поезд сделал остановку. Ночные фонари освещали привокзальную площадь. Множество людей в военной форме и местных жителей толпилось на перроне. Вскоре послышались стук захлопывающихся дверей вагона, топот сапог. По проходу вагона шумно пробежала группа солдат, четверо из которых заняли пустующее рядом с Изиком купе, а остальные трое прошагали в конец вагона. Изику, как обычно бывает в дороге, не спалось, он мысленно вспоминал события прошедшей недели, фабрику, куда часто приходилось ездить в командировку по производственным делам. Солдаты не обращали никакого внимания на окружающих. Они, удобно разместившись, разложили на столе кое-какую закуску и, утоляя жажду, пили пиво, с удовольствием глотая теплую горькую влагу. Двое из них поочередно то и дело пробегали по узенькому коридору в вагон-ресторан и так же быстро возвращались обратно с очередной бутылкой спиртного.

Из обрывков долетавших фраз Изик понял, что ребята ехали домой после службы в армии. Сабантуй по поводу демобилизации длился до полуночи. Парни были уже изрядно пьяны. Они что-то громко и весело обсуждали, а потом горланили песни так, будто кроме них в вагоне никого не было. Изику, лежавшему рядом на боковом месте, эта пьяная компания вообще не давала покоя.

– А потише можно? – повернув к ним голову, строго попросил Изик. – Вы же мешаете спать всему вагону!

– Ты чё там орешь, мужик? – выкрикнул один из парней и, схватив пустую бутылку за горлышко, направился к нему. Изик успел среагировать и, уцепившись за подушку как за спасательный круг, отскочил в сторону, готовясь к обороне. Солдат, покачиваясь, сделал несколько шагов вперед, но боевые действия ему развить не удалось. В полутьме он зацепился ногой о чей-то вещевой мешок на полу и споткнулся. Бутылка

выскользнула из рук и разбилась, а солдат с размаху брякнулся на полку, на которой только что лежал Изик. Падая, он сильно ушибся головой об оконный выступ. Вопли, сопровождаемые жутким матом, разнеслись по всему вагону. На помощь Изикку пришли двое мужчин, которые ехали в соседнем купе и, наблюдая за происходящим, тоже не могли заснуть. Пытаясь урезонить солдат, они проводили пьяного на место и пресекли назревавший конфликт. Возвращение дембелей со срочной воинской службы чуть было не закончилось драмой. Солдаты еще громко матерились, но наконец силы у них иссякли, и они, пьяные и усталые, легли спать и сразу захрапели. Изик тоже прикрыл глаза, пытаясь заснуть, но сделать это ему долго не удавалось.

Всю ночь люди шастали по вагону туда-сюда то в туалет, то покурить, выходили или входили пассажиры на очередной станции. На следующее утро Изик проснулся от неприятных запахов недоеденной вчерашней пищи. Было около 11 часов, народ в вагоне оживился, и большинство уже завтракали за крохотными столиками. Обычно пассажиры плацкартных вагонов из экономии не ходили в вагон-ресторан.

Мало что изменилось в конце 1980-х в системе железных дорог на территориях бывшего СССР. Советский плацкартный вагон, не имеющий нигде в мире аналогов, можно было назвать феноменом советской цивилизации. В этих вагонах отсеки для пассажиров не разделялись перегородками, следовательно, все были на виду у всех, и это неудобство тоже никого нисколько не смущало. Удачно вписавшиеся в жизнь советского общества, плацкартные вагоны, по-видимому, были сконструированы по заранее задуманному замыслу для того, чтобы и в путешествии пассажиры не забывали о правилах коллективистского жизнеустройства. Было бы даже странно, если бы всё было как-нибудь по-другому. Может быть, из-за этого обитатели замкнутого пространства, путешествуя вместе несколько часов или суток, вынуждены были общаться друг с другом, становясь маленькими коллективами. В дороге люди вели душевные разговоры, делили друг с другом еду, часто совершали совместную трапезу, которая еще больше сближала их, тем самым превращая

плацкартный вагон в маленькую модель реального советского общества.

Тем временем состав трясло и раскачивало из стороны в сторону, рядом раздавались аккорды гитары, кто-то негромко запел. Разговоры, хохот и гомон пассажиров сливались в один общий гул, из-за чего в вагоне стоял шум. Изик собрал свою постель, снова приподнял раскладывающийся столик и высунулся в открытое окно. Поезд мчался вперед, яростно разрезая воздух, прохладные струи которого били прямо в лицо. Подышав немного, Изик пошел в вагон-ресторан, который для удобства пассажиров находился в середине состава, и скоро вернулся на свое место с завернутым в салфетку бутербродом на завтрак. Шедшая следом проводница, держа в каждой руке по три-четыре подстаканника, подала Изику стакан горячего чая и, получив 20 копеек, направилась к его соседям. Пятеро солдат с отекшими после ночного застолья лицами сидели на нижних полках, двое их товарищей наверху еще спали.

– Чай будем? – обратилась она к солдатам.

– Нет, спасибо, – помотал головой солдат, сидевший у окна.

Вглядываясь в проносящиеся за окном незнакомые пейзажи, Изик медленно развернул бутерброд и, поднеся его ко рту, почувствовал на себе пристальный взгляд солдата из глубины соседнего купе. Он быстро положил бутерброд на бумажную салфетку. «Наверное, пропили вчера все деньги», – мелькнуло у него голове. Аккуратно завернув еду обратно, Изик взял еще не тронутый стакан чая и сделал шаг в соседнее купе. Коренастый круглолицый паренек с крупным носом удивленно посмотрел на него, расширив и без того большие черные глаза. Едва он успел протянуть «спа-а-сибо...», как Изик резко повернул назад и исчез в проходе вагона.

Минут через двадцать Изик шел обратно, держа в одной руке большой фирменный пакет из вагона-ресторана, а в другой – подстаканник с горячим чаем. За ним шла проводница. Она поставила шесть стаканов с чаем на столик перед солдатами и удалилась.

– Угощайтесь, ребята! – доставая из пакета один из свертков с бутербродами для себя, он всё остальное протянул солдатам и, указывая на стаканы, пригласил их к чаю.

– Спасибо! Вы извините нас за вчерашнее. Я – Анвар, – виновато протягивая руку, подошел к Изикю коренастый солдат. – Вы на юг едете? Похоже, что вы тоже с Кавказа...

– Да, я из Дагестана, – представившись и протянув в ответ руку парню, произнес Изик.

– Земляки, значит, – сказал Анвар.

Пока сослуживцы пили чай, Анвар пересел поближе к нему и, представляя своих товарищей, рассказывал о службе и о том, что все они едут домой: кто в Грузию, кто в Армению, а кто на Ставрополье и в другие российские города.

– Мы вчера отмечали наш дембель. Вот теперь только заметили, что всё пропили. Денег у ребят не осталось даже на чай, – волнуясь, говорил Анвар и тут же перешел на «ты»: – Может, ты поможешь, займешь немного? Нам до дома надо как-то добраться. Я обязательно всё верну по почте...

Изик бросил на него сочувствующий взгляд. Парень, смущаясь, опустил голову и смотрел вниз. Они оба молчали. Насупив брови, Анвар украдкой пытался разглядеть своего попутчика. Курчавая шевелюра черных, с редкой проседью волос постоянно спадала на открытый высокий лоб немолодого, лет сорока пяти человека, и нос с небольшой горбинкой совершенно не портил его лицо.

– Хорошо, я дам тебе деньги, – с этими словами мужчина достал из кармана брюк несколько купюр.

– Я обязательно верну, – снова повторил Анвар.

– Здесь 200 рублей. Я думаю, вам хватит и на билеты домой, и на то, чтобы поесть в пути. Но смотри, если снова потратите на выпивку, то денег в дороге вы больше вряд ли у кого найдете, – сказал ему Изик предупреждающе, с внушительной ноткой в голосе. В глубине души он понимал солдат, ведь сам когда-то, так же как и эти ребята, на поезде возвращался домой после службы.

– Конечно, всё сделаем как надо, – уверял его Анвар, изумляясь щедрости попутчика, и, опять всматриваясь в лицо собеседника, словно изучая его благородный профиль, спросил:

– Ты, наверно, еврей?

– Ну какое это имеет значение? – тихо сказал Изик. – Сейчас это не главное.

Солдат с интересом посмотрел на попутчика, а тот, выдержав паузу, добавил:

– Как-то в детстве бабушка сказала мне: «Пожалей человека в трудный час, внучек, прояви милосердие. Зачтется это тебе, спасет в самый неожиданный миг и одарит безмерно, как ты даже не способен вообразить, – ибо Творец не спускает с тебя глаз». Представляешь, я запомнил эти слова на всю жизнь! И тебе, солдат, советую...

Поезд медленно приближался к станции назначения. По прибытии, расставаясь, Анвар крепко пожал руку новому знакомому:

– Спасибо, земляк! Я не забуду твое добро! Кто знает, может, еще встретимся...

Солдаты благополучно разъехались по домам, и Изик тоже скоро сошел на своей станции. Уставший с дороги, но в хорошем настроении он торопился домой, где его ждала семья.

С тех пор прошло много времени. Попутчиков своих он никогда больше не встречал.

Однажды он рассказал эту историю детям.

– Вернул ли тебе солдат деньги по почте, как обещал? – с любопытством спросил сын, внимательно выслушав отца.

– Куда же он вернет их? Адреса-то своего я ему специально не оставил... Ведь это была просто мицва...

2011 г.

ПАМЯТЬ СДЕЛАЛ ОН ЧУДЕСАМ СВОИМ

*Память сделал Он чудесам Своим;
милосерден и жалостлив Господь...*

Теилим, 111:4

Вот ведь как в жизни бывает: сотворит Бог чудо, а человек в спешке почти и не заметит это. Но чудо, а точнее – его последствия, уже живет своей собственной жизнью. Пройдут годы, порой и десятилетия, а память о чуде в мире не стирается, и оно обязательно напомнит человеку о давно забытом и заставит задуматься...

Стоял конец июня 1976-го. Лето в горном Дагестане выдалось очень жарким. Давид родился ночью, весом аж в 4.100! Все вокруг восторгалось рождением такого богатыря с черными длинными ресничками. Потом, как обычно это происходит в родильных домах, новорожденным занялся медицинский персонал, и ничто поначалу не предвещало беды, которая чуть было не погасила великую радость семьи, вызванную рождением долгожданного первого внука.

После пережитых мук уставшая мама заснула глубоким сном... Через пару часов она с трудом проснулась оттого, что кто-то сильно тряс ее за плечо. Стараясь не разбудить других рожениц в палате, медицинская сестра прошептала: «Ваш ребенок находится в критическом состоянии. Он захлебнулся околоплодными водами, и его срочно отвезли в больницу для младенцев. Вы сможете быть с ребенком не раньше чем через неделю...»

Узнав о случившемся, напуганные родственники поспешили в больницу, однако вход туда посетителям был воспрещен. Моментально сообразив, что надо делать, тетя младенца, которого уже решено было назвать Давидом, надела свой медицинский халат, под видом сотрудника пробралась внутрь и бросилась искать ребенка.

Она нашла его в палате на четвертом этаже. Малыш лежал под стеклянным колпаком, голенький и... посиневший... К колпаку были подсоединены трубки, но (о ужас!) кислород, видимо, уже какое-то время не поступал, а дежурная медсестра безмятежно спала.

Женщина в панике кинулась разыскивать дежурного врача, который, к счастью, тоже оказался евреем. «Вы молодец! – сказал он. – Мальчик в критическом состоянии. Еще час – и мы бы его потеряли. Идите домой. Я сделаю всё, чтобы жил еще один аид¹.

Всю ночь врач боролся за жизнь ребенка. Он сделал операцию на щиколотке, чтобы отыскать на крошечной ножке ребенка почти невидимую венку и восстановить дыхание.

А пока в детской больнице шла борьба за жизнь новорожденного, его мама всё еще находилась в родильном доме. Неделя показалась ей вечностью. Она считала дни и часы до встречи с первенцем, ведь в тот день, когда малыш появился на свет, ей не удалось даже посмотреть на него.

Дни мучительного ожидания наконец прошли. И вот она уже входит в детскую палату, где в своей кроватке безмятежно спит ее малыш. Он ровно дышит и даже изредка улыбается, будто бы и не было никакого кошмара. Но радость встречи вдруг сменилась ощущением тревоги – над кроваткой висела табличка: «Пейсахов Альберт».

– Почему Альберт? Кто сказал, что он Альберт? – бросилась мама к вошедшей медсестре.

– Не надо нервничать! Это я его так назвала, – ответила медсестра, армянка Каринэ. – Мне очень понравился этот мальчик, и я хотела его усыновить.

– Что-о-о? – недоумевая, закричала бедная мать. Сердце ее утешенно забилося. Ей показалось, что земля уходит из-под ног.

¹ Аид – еврей (на языке идиш).

– Ну и что такого?! У нас в больнице много детей, от которых отказались роженицы. И у этого в документах стояла пометка «отказной». Кто же мог знать, что вы появитесь?!

Сказано в великой книге молитв царя Давида: «Память сделал Он чудесам...» Хотя прошло уже больше 30 лет, до сих пор в напоминание об этих событиях у Давида остался шрам на ноге. Не стерлось из памяти семьи и имя детского врача Марка Черняка – их спасителя, вернувшего ребенка с того света. Кого пожалел Всевышний в ту роковую ночь: маленького Давида, врача, поклявшегося спасти ему жизнь, или беспомощную маму?! Наверное, всех сразу....

Действительно чудо! А сколько таких чудес делает для нас Всевышний! И как часто мы о них либо не знаем, либо не помним... А жаль...

2009 г.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА!

*И восходит солнце, и заходит солнце,
и к месту своему устремляется,
где восходит оно.*

*Что было, то будет, и что делалось,
то делаться будет,
и нет ничего нового под солнцем.*

Коэлет, 1:5,9

Черное такси с шашечками мчалось через город, и встречный осенний ветер сдувал барабанившие по стеклам капли дождя. Сквозь мокрые окна Соня задумчиво смотрела на разноцветье осенних листьев, ковром покрывавших влажный асфальт, на знакомые улочки, по которым люди спешили к метро, на вереницы автомобилей... Даже ненастная погода не в силах была изменить бешеный ритм обычного московского утра. Наконец выбравшись за город, машина понеслась в аэропорт. Дружелюбный водитель что-то весело рассказывал, но Соня не слышала его...

Тогда, в начале 1990-х, родители Сони, как и большинство их родственников, загорелись идеей выезда из страны и оформляли документы для отлёта на историческую родину. Соня заканчивала учебу в вузе. И вот сегодня она навсегда покидала Москву. Дорога до аэропорта превратилась для нее в прощание с родным городом.

– Вот и приехали, Шереметьево! – объявил водитель.

Знаменитый аэропорт обслуживал авиарейсы во все концы мира. Соню удивило огромное, залитое яркими огнями

пространство, бегущие с чемоданами люди, обилие магазинов и немолчный шум радио с постоянными объявлениями о посадке. В свои 25 лет Соня впервые отправлялась за границу – и сейчас, слегка взволнованная, стояла в очереди на посадку в самолет, с удивлением разглядывая толпу будущих соотечественников. Всем им тоже не терпелось попасть в маленькую чудесную страну, в которой есть всё.

Пережив массу эмоций во время взлета, дождавшись напитков и еды, довольные пассажиры заснули. Несколько часов полета прошли незаметно, и скоро лайнер приземлился на Святой земле. Незнакомый и многоликий Израиль встретил их доброжелательно.

Утром следующего дня Соня первым делом позвонила своей московской подруге, которая переехала сюда на постоянное место жительства тремя месяцами раньше.

– Рита, а я уже здесь, в Израиле, – радостно сообщила Соня.

– Сейчас заеду за тобой, и пойдем на море, купаться и загорать, – весело отозвалась Рита на другом конце провода.

Вскоре девушки уже гуляли вдвоем по песчаному пляжу и, не умолкая, охотно рассказывали о себе, как обычно бывает после долгой разлуки.

– Боже, какой же здесь рай! – восхищенно воскликнула Соня. – Какое чистое море, как тепло!

– Температура сегодня +28, – сказала Рита.

– А в Москве шел проливной дождь...

– Говорят, дождей здесь не бывает, и осени тоже. Нетания очень походит на один из курортных городов Кавказа, мне она сразу понравилась, – отозвалась подруга.

Каждый день подружки отправлялись на море. Прошла неделя. В один из дней Рита, как и раньше, заехала за Соней, но пригласила и своего друга. На пляж они пошли втроем. День был жаркий, и компания расположилась на песке поближе к прибою.

– Странно, почему сегодня на пляже никого, кроме нас? – оглядываясь по сторонам, спросила Соня.

– Ну и хорошо! Значит, сегодня нам мешать не будут. Всё море наше! – И Рита раскинула руки, будто обнимая морской простор.

Погревшись на солнышке, Соня стряхнула с себя песок и направилась к воде. Но лишь только она подошла, как докатившаяся до берега огромная волна ударила ее, оттолкнула назад...

– Что, холодно? – засмеялась Рита.

Соня поспешно кивнула и, минутку постояв, вернулась к друзьям.

– Погреюсь еще немного, – сказала она смущенно.

Присев на песок, девушка задумчиво всматривалась в сверкающую морскую даль. Через несколько минут к морю пошла Рита. Сделав несколько шагов в глубину, Рита буквально выскочила из воды, молча вернулась на место и, накрывшись полотенцем, легла на песок. Затем решил искупаться Лёва, друг Риты. С разбегу нырнув и сделав несколько гребков, он тут же развернулся к берегу. Он стоял на песке, переминаясь с ноги на ногу, будто вода в этот жаркий день оказалась ледяной.

– Вот так штука! Словно током ударило! – недоуменно фыркнул Лёва.

– Да-а? – протянула Рита. – И я тоже как удар тока почувствовала...

– Как это может быть? А я постеснялась вам сказать, думала, вы мне не поверите и засмеёте, – призналась Соня.

Некоторое время они сидели молча, каждый думал о чем-то своем. Потом, одевшись и собрав вещи, компания решила прогуляться по набережной. Но через несколько шагов ребята остановились.

– Что это они там делают? – Соня с изумлением разглядывала собравшихся на берегу людей, которые старательно встряхивали одежду и что-то при этом шептали.

Уже дома, от соседки, Соня узнала, что в этот день был большой праздник Рош ха-Шана – еврейский Новый год, день суда над всеми обитателями Вселенной. В Рош ха-Шана после полудня евреи спускаются к какому-либо водоему – реке, озеру, морю – туда, где живет рыба, и встряхивают над водой нижние края одежды, как бы сбрасывая грехи в воду. При этом они читают псалмы и пиюты, смысл которых можно выразить словами «пусть вода унесет все наши грехи».

– Это символ избавления от ошибок, церемония облегчения совести, – объясняла соседка Соне, – и называется она

«ташлих», что значит «выбрасывание». Это название взято из предсказаний пророка Михи: «И Ты сбросишь все наши грехи на дно самого глубокого моря».

– Иногда на самом деле всё оказывается совсем не таким, каким кажется, – размышляла Соня. – Значит, те люди на набережной сбрасывали в воду весь свой негатив, который трансформировался в энергию колоссальной силы и заряжал морскую волну. А в тот момент, когда мы подходили к морю, она отталкивала нас, будто удар током...

Потрясенная мистическими событиями прожитого дня, Соня поняла: «Мы пришли к морю одними людьми, а ушли совершенно другими».

Она чувствовала: что-то в ней изменилось – изменилось к лучшему, навсегда! Так началось ее возвращение в мир далеких предков.

2010 г.

НАСМЕШКА СУДЬБЫ, или ВЗАЙМЫ У СЧАСТЬЯ

*Всё, что ты видишь в этом мире,
всё, что есть в этом мире,
всё это – чтобы поставить тебя
перед выбором и испытать.*

Рабби Нахман из Брацлава

Растерянно всматриваясь вдаль, Хивит заметила в полумраке знакомый силуэт. Это был высокий, стройный молодой человек в белом костюме, из-под которого с четырех сторон свисали длинные нити цицит¹. Странное предчувствие заставило трепетать сердце. Она замороженно подошла, коснулась его плеч кончиками дрожащих пальцев, нежно окликнула по имени. Парень стоял к ней спиной и, не оборачиваясь, легко высвободился из-под ее рук, беззвучно шагнул вперед – и исчез. Хивит попыталась догнать юношу, но ноги не слушались. Всё же стряхнув оцепенение, она медленно и долго шла по мощенной белым камнем террасе, которая сменилась галереями. Вдоль стен ее тянулись мраморные колонны, увитые золотыми виноградными лозами. Сверху с колонн свисали золотые же виноградные гроздья и гранаты с темно-красными вкраплениями – зернами сочных плодов.

¹ Цицит – пучок нитей или кисть для украшения ткани на одежде еврея, выполняющая, согласно еврейскому закону, определенную ритуальную функцию.

Тенистая галерея вывела ее в четырехугольный внушительных размеров двор, заключенный в стены белого камня – невероятной, не менее чем трехметровой высоты. Снежная белизна стен прерывалась двенадцатью столь же исполинскими воротами из древесины кедра, инкрустированными драгоценными камнями и золотом, и над каждым были огнем начертаны имена: Рэувен, Шимон, Леви, Иехуда, Иссахар, Зевулун, Йосэф, Биньямин, Дан, Нафтали, Гад, Ашер.

Но Хивит всё сильнее влекло к громадному зданию у западной части стены, напоминавшему грандиозный корабль. Сложенное из тесаных каменных блоков, оно было облицовано белым мрамором и покрыто золотом. Заливавшее двор солнце, отражаясь в золоте, слепило глаза.

– Он там, не иначе, – решила Хивит и скоро оказалась у входа в здание.

Неспешно поднявшись по ступеням, она вошла и застыла, пораженная невероятным великолепием внутреннего убранства и размерами помещения. Но ошеломление прошло, и спустя несколько минут она уже прохаживалась по огромному залу строго прямоугольной формы. Стены его были украшены золотыми вогнутыми барельефами с изображением херувимов, пальм и раскрывшихся цветов. В свете десяти неугасимых семисвечных светильников из чистого золота мерцало и переливалось золото отделки стен, полов и разнообразной утвари. Волшебный блеск, преломленный огоньками свечей, кружил женщине голову, сердце ее рвалось из груди...

– Давид, покажись! Где же ты? – закричала Хивит.

Она заметалась, охваченная внезапной паникой, ее крики и дробь шагов отзывались в пустоте зала гулким эхом, рождая напряжение и страх.

– Мама, ты находишься в Храме, – наконец раскатисто прогремел откуда-то сверху его голос. – Уходи, прошу тебя. Скоро придут священнослужители и будут недовольны, увидев тебя бродящей здесь...

– Но где же, где ты? – снова вскричала Хивит и побежала обратно к выходу, оглядываясь – и не найдя взглядом никого...

– Мама, мамочка, что с тобой? – испуганно теребила ее Мозол, стоя возле кровати. – Опять тебе что-то приснилось? Ты снова кричала, мама...

Страхивая остатки сна, Хивит непонимающе смотрела на дочь. Что же происходит и где она сейчас?

– Тебе в школу пора, поторопись! – Хивит наконец выдавила из себя улыбку. – Иди, я закрою за тобой.

Заставив себя подняться, она щелкнула дверным замком, машинально включила телевизор в гостиной и опустилась в кресло. На учебно-познавательном канале шла какая-то передача по истории. «Давид прогуливался по кровле царского дома и увидел с кровли купающуюся женщину, и женщина та была очень красива... И сказали ему – это Вирсавия, жена Урии...» – доносилось из телевизора. Хивит пыталась взбодриться, но что-то не давало ей покоя. Она бездумно перещелкивала кнопки на пульте и, вернувшись на исторический канал, вновь услышала знакомое имя. «В письме царь написал так: «Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтобы он был поражен и умер...» – монотонно продолжал диктор. Хивит застыла.

– Что это, совпадение? И почему снова Урий?.. – только одна мысль билась в голове.

Сердце ее погрузилось в тоску, она уже не слышала, что дальше говорилось в передаче. Прошрое вновь напомнило о себе. Рядом с телевизором стояла в рамке пожелтевшая от времени фотография – и с нее смотрели юные сверстницы в летних, чуть ниже колен ситцевых платьях, позировавшие под раскинувшим ветви ореховым деревом на фоне старенькой церкви. Среди них выделялась высокая девушка с изящной фигуркой и большими зелеными глазами. Черные локоны непослушно спадали на плечи, нежные завитки обрамляли округлое лицо, придавая ему особое очарование. Это была она, Хивит.

С тех пор прошло больше 30 лет. Хивит вспомнила южный городок своей юности – там, в Азербайджане, в живописной местности в предгорьях Большого Кавказа. Бурная речка, на берегу которой стоял городок, брала начало на склонах Шахдага и впадала в Каспийское море. Протекая меж горных хребтов, она сбрасывала свои воды с изумрудных склонов, ее мощные

потоки падали вниз хрустальными водопадами. Летом покрытые роскошной зеленью горы утопали в предутренних туманах, зимой их вершины укрывались мохнатыми снежными папахами. Городок был уголком дивной кавказской старины – здесь издавна стояли мечеть и церковка, а синагога была закрыта еще в 1940-х, когда многие евреи уехали оттуда в Баку.

Окончив школу, Хивит покинула родной город, чтобы продолжить учебу в художественном училище, а вернувшись года через три домой, удачно вышла замуж. Минул год, жгучее желание иметь детей не давало ей покоя, но забеременеть она не могла. Хивит страдала. Оглядываясь на счастливых мам, проходивших мимо с колясками, и на чудесных ребятишек, копающихся в песочнице во дворе, она изо дня в день размышляла о материнстве и нетерпеливо ждала, когда же это случится и с ней, когда судьба преподнесет самый драгоценный дар... Ее преследовал страх, что сокровенному желанию сбыться не суждено никогда. Может, поэтому, проходя однажды мимо той старенькой церквушки, женщина взмолилась, будто прося взаимны у счастья.

– Боже, Боже! Если у меня родится сын и дочка, первого я отдам тебе... – беззвучно прошептали ее губы.

Могла ли Хивит в ту минуту знать о загадочном завтра своей судьбы или хотя бы предположить, что по прошествии лет она будет мучиться, бесконечно задавая себе один и тот же вопрос – и не умея на него ответить?! Почему, почему она не страшнута тогда посетившее ее наваждение?..

Девять месяцев спустя у нее родился Давид. Еще в колыбели Хивит заметила, что ребенок не похож на обычных малышей, от него исходило какое-то особое сияние. Кожа ребенка лучилась так, будто от нее струились невидимые нити света.

Сын рос сообразительным, к трем годам легко научился читать и понимать русский, азербайджанский и джуури, на котором говорили дома. Хивит вспомнила, как, придя в детский сад за своим мальчиком, увидела его одиноко сидящим в углу. Скучая, он безразлично катал по полу мячик и почти неслышно что-то бормотал, а в зале звучала задорная музыка, звенели детские голоса – в садике готовились к новогоднему утреннику. Воспитательница-азербайджанка, издали заметив

мать, побежала навстречу и сбивчиво принялась то ли объяснить, то ли жаловаться, что ребенок не хочет участвовать в музыкальных занятиях. Она недоумевала, почему мальчика не интересуют ни наряженная елочка, ни предпраздничное веселье, которым так довольны остальные дети.

– Давид, почему ты не хочешь петь с детишками у елочки, ведь скоро праздник, Новый год? – спросила Хивит по дороге домой.

– Знаю, но эти песни я петь не буду, они мне не нравятся, – опустив глаза, ответил мальчик. Он остановился и, сгребая ладошками пушистый снег, добавил: – Мама, здесь, на улице, мне лучше, чем в детском саду!

– И потом... – не отставала мать, – жалуются на тебя, что ты плохо ешь. Ведь ты еще маленький, а чтобы вырасти, дети должны хорошо кушать...

– Да, правда, – сморщив носик, кивнул головой малыш. – Но я не люблю есть колбасный бутерброд с сыром, который нам дают в детсаду. – И рассудительно, как взрослый, вдруг спросил: – Ты же сама знаешь, что это нехорошо, правда, мамочка?

– Откуда тебе известно, что это нехорошо? – смутилась Хивит.

– Я пока не знаю, но я... я так чувствую, – признался ребенок и пробурчал: – Поэтому я предпочитаю съесть просто яичко...

– Ах, вот почему тебя прозвали Давид-Жертэн²! – забыв про строгий тон, пожурила она мальчика и рассмеялась. А потом призадумалась: откуда такому крошке известно о законах кашрута, ведь кошер в доме Хивит не соблюдала? И тут же вспомнила, что и дома, и в гостях ребенок наотрез отказывался от мясной пищи, а вместо нее требовал только яйца.

Когда в начале 1990-х, как и многие другие кавказские евреи, Хивит с семьей репатриировалась в Израиль, сыну было уже 12 лет. Проявившиеся у ребенка духовные потребности и тяга к духовным знаниям заставили Хивит определить его в религиозную школу. С первых же дней переезда в страну мальчик погрузился в чтение религиозной литературы, мудрость которой вливалась в него, с каждым днем всё сильнее

² Жертэн – яичко (на азербайджанском языке).

воздействуя на его внутреннее состояние. Давид часто рассказывал матери истории из Танаха, словно пытаясь открыть ей тот маленький мир, где жила теперь его душа. Мать часто заставляла его за неотрывным чтением молитв и религиозных книг, видела, как тянулся он в синагогу на службы и на все проводимые там религиозные праздники. Семья Хивит никогда не была религиозной – как и многие еврейские семьи иммигрантов из СССР, окружавшие их в новой стране. Женщина не понимала, откуда у ее ребенка, воспитываемого в современной светской семье, такое необычайное религиозное рвение. Но и дальше некоторые поступки мальчика вызвали у нее недоумение.

Однажды Хивит вместе сестрой Симой, приехавшей к ней погостить из бывшего Союза, отправилась на экскурсию. Вернувшись домой, она застала сына у окна погруженным в свои мысли. На их приветствие тот не откликнулся.

– Что-то не так, Давидка? – насторожилась Хивит.

– Конечно не так! Почему ты водила Симу к гробнице Иисуса? Здесь, в Израиле, много замечательных мест, которые понравились бы нашей гостье. Зачем вы зажигали там свечи? Евреям нельзя оскорблять Его, но и верить в Него тоже запрещено, – не оборачиваясь, сухо сказал Давид.

– Кто тебе сообщил, что мы были там? – растерялась Хивит.

– Никто. Не могу пока тебе объяснить – как, но я знаю, что ты была там с Симой.

– Да мы просто гуляли по Иерусалиму, – шутливо оправдалась Хивит.

– Я всё знаю, мама, не пытайся себя обмануть, – тихо сказал мальчик.

На следующий день, вернувшись из ешивы, Давид с мольбой в голосе обратился к отцу:

– Нам нужно серьезно поговорить. Отвези меня к внуку Баба-Сали³, мне очень надо его увидеть, поговорить с ним!

³ Рабби Исраэль абу-Хацира (известный также как Ба́ба-Са́ли, что означает «молящийся отец»; 1889–1984) – духовный лидер марокканских евреев в Марокко и Израиле, каббалист, прославившийся и как чудотворец.

– Да кто это такой и откуда ты вообще его знаешь? – растерялся отец.

– Я всё потом расскажу, но сейчас мне необходимо встретиться с ним. Папа, я уже взрослый и, как все мужчины, ежедневно возлагаю тфилин. Разве ты не помнишь, что месяц назад мы отпраздновали в синагоге мою бар-мицву? Так ты отвезешь меня? – не по-детски настойчиво требовал Давид.

Уединение с раввином длилось больше двух часов. О чем они беседовали, отец так и не узнал, но после встречи рав сказал ему:

– У вас хороший сын, он попросил: «Благословите отца и мою маму», – а о благословении для себя даже не напомнил...

Хивит пыталась понять сына, но поступки Давида тревожили, вызывали недоумение. Войдя однажды к нему в комнату, Хивит ужаснулась. Целиком поглощенный молитвой, паренек в состоянии транса сотрясался всем телом, не замечая ничего. Всмотревшись в его лицо, женщина заметила, что глаза сына светились, а кожа излучала необыкновенное сияние. Попыталась заговорить с ним – но Давид не слышал, будто витая в облаках. «Не буду мешать», – решила она и ушла, но через несколько минут беспокойство за сына заставило ее вернуться. Мальчик был в обмороке.

Машина скорой помощи домчала их до больницы, и врач после обследования сказал, что сын ее абсолютно здоров.

– Так что же с ним было? – перепугалась мать.

– Непонятно... Может, переутомление сказывается, да и возраст переходный, – смутился врач. – Вы поезжайте домой, больше всего ему сейчас необходим отдых.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась Хивит, когда они оказались дома. – Тебе надо бы полежать.

– Я в порядке, не пойму только, как мы в больнице оказались, – недоумевал Давид.

– Врач сказал, что ты переутомился. Он прав? – взволнованно выясняла мать.

– Нет-нет, врач не знает ничего. А у меня было видение, мама, но ты же, как всегда, не поверишь мне...

– Сынок, кого ты видел? – На душе у Хивит было тяжело, впервые она всерьез задумалась, какое будущее ждет ее ребенка.

– Мама, если скажу, кого видел, мне никто не поверит. Люди не поймут, решат, что я сумасшедший, и отправят меня в больницу для душевнобольных. Я не в силах всё тебе объяснить, мое состояние не постичь только человеческими чувствами, – признался сын.

«Может, врач прав, что у него переходный возраст. В пятнадцать все дети выдумщики», – вспоминая слова врача, утешила себя Хивит.

Прошло несколько лет. Давид вырос и возмужал, двухметрового красавца парня было не узнать. Впрочем, он оставался застенчивым и робким, в нем уживались величие и скромность. Окружающие уважали его за доброе сердце, всегда рассчитывали на него и во всём ему доверяли. Хивит втайне гордилась сыном и с радостью выслушивала слова восхищения от соседей и знакомых. Особенно привязалась к нему соседская семья иммигрантов из Баку, с которыми ее сын много общался, терпеливо помогая в процессе прохождения тшувы⁴.

Давид относился к людям с трогательной заботой и часто говорил:

– Мама, каждый человек должен стремиться делать добро другим и помогать людям, постараться спуститься в мир этих людей, где всё перепутано, чтобы вытащить их к жизни – жизни с Торой и заповедями.

Хивит изо всех сил старалась наладить с сыном хорошие отношения, не раз пыталась вывести его на откровенный разговор, хотела быть с ним по-матерински нежной, но продолжавшиеся с ним странности настораживали, пугали – и ее, и мужа. Взаимопонимания, сближения не получалось. Они решили купить Давиду компьютер, чтобы отвлечь от жизни, в которую юноша уж слишком втянулся. Надеялись сделать его счастливым и всячески противостояли религиозной зависимости сына, уверившись, что только неустойчивая с детства психика ввела мальчика в этот странный для них мир.

Возможно, поэтому Давид скоро ушел из ешивы, радуя родителей постепенным возвращением к светской жизни. Но,

⁴ Тшува, или раскаяние (буквально «возвращение») – исправление поведения, являющееся условием Божественного прощения.

сменив привычное окружение, паренек часто уединялся, стал молчалив, мятущаяся душа его страдала. Он сомневался, правильно ли поступил, решив измениться и навсегда потерять обретенные ранее ценности...

В тот последний вечер по телевизору шли «Джентльмены удачи», один из его любимых фильмов, который он много раз пересматривал. Хивит подошла, ласково поцеловала, хотела обнять – но Давид отчужденно отстранился.

– Ты не хочешь, чтобы я обняла тебя, сынок?

– Не хочу, чтобы тебе было больно, когда меня здесь не будет.

– Как это?! – не поняла она.

– Мама, ты меня любишь? – тихо спросил сын.

– Ну конечно! – вскинула брови Хивит.

– Не люби меня.

– Но почему?

– Я должен уйти, но из-за тебя не могу, – помедлив, ясно произнес Давид.

– Да что ты такое говоришь, куда ты уходишь?

– Мне нужно уйти, но куда – не могу сказать. Не люби меня, когда я уйду... Не надо...

– Когда же ты собираешься уходить?

– Скоро, – без малейших эмоций ответил он.

– Ну и скатертью дорожка! – обиженно вспыхнула Хивит, махнув рукой.

– Не говори того, о чем будешь жалеть... – возразил Давид так же спокойно.

Они словно говорили на разных языках. Для Хивит непостижимой осталась загадочная душа ее сына – этого странного, не от мира сего юноши...

Давид ушел в свою комнату. Когда через полчаса Хивит открыла дверь, он стоял у стены и страстно молился. Потом обернулся, с непонятым выражением посмотрел на нее. От сына вновь исходило необычайное сияние, и сердце женщины дрогнуло.

– Я ухожу, – сказал вдруг Давид.

– Если придешь поздно, лучше вообще не приходи! – не сдержалась Хивит.

– Именно этого я от тебя и ждал, – ответил сын, будто прощаясь.

Домой Давид в ту ночь не вернулся. Он направился к другу Эфраиму, работавшему охранником на вокзале и снимавшему квартиру на окраине. Когда Давид постучался в дверь, Эфраим был не один – с ним на кухне за столом сидел их общий друг Урий и, размахивая руками, что-то весело рассказывал. Давид, обрадовавшись встрече, присоединился к друзьям.

После ужина, сославшись на усталость и даже не сняв форму охранника, Эфраим прилег на диван и тотчас заснул. Давид удобно устроился в кресле и слушал музыку. Заскучавший Урий посидел рядом, потом прошелся по квартире. Взгляд его остановился на кожаной кобуре, лежавшей на диване рядом с похрапывающим Эфраимом. Урий медленно расстегнул кобуру, вытащил из нее черный пистолет и вернулся на место. Он вертел пистолет в руках, словно игрушку, пальцы нервно ощупывали незнакомую вещицу и вдруг непроизвольно надавили на спусковой крючок. Раздался оглушительный звук, и Урий замер от страха. В ту секунду он ничего не соображал, ледяные мурашки ползли по спине.

– Что ты делаешь? Кто тебе разрешил? – заорал Эфраим, проснувшись от выстрела. Одним прыжком он оказался рядом с Урием, вырвал оружие. И заметил, что тот, тараща глаза, уставился туда, где сидел Давид – теперь недвижно свесивший голову на грудь.

– Ты убил его! – Эфраим отчаянно тряс Урия за рубашку. – Как ты мог?

Отпустив друга, Эфраим бросился к креслу, где застыл Давид. Склонился над ним, испуганно отшатнулся, но через секунду осторожно поднял парня и перенес его на диван, где только что лежал сам. Две крупные слезы скатились по его смуглым щекам.

Урий, шатаясь, побрел к дивану и с грохотом рухнул на колени. Опустив голову, он одной рукой уперся в пол и, безудержно рыдая, бил себя кулаком в грудь, причитая: «Виновен! Я виновен! Что же я наделал!» Потом вцепился в тело Давида и закричал:

– Очнись! Очнись, брат, открой глаза!

Но Давид лежал недвижимый, с тенью улыбки на приоткрытых губах.

...Наутро все родственники Давида были потрясены сообщением о трагедии. Хивит терзалась невыносимым чувством вины. В памяти вдруг четко всплыл тот далекий день в родном городке, когда она стояла у старой церквушки и молила Всевышнего о рождении ребенка. Хивит невольно корила себя за данный тогда обет.

Вспомнился и вчерашний спор с сыном... Лишь теперь поняла она пророческий смысл последних его слов. Отчаяние и скорбь рвали сердце на части, но Хивит знала, что не в ее силах что-либо изменить. Из-за обрушившегося горя казалось, что жизнь покидает ее...

Всё изменилось и у друзей Давида. Невыносимое напряжение из-за смерти друга вызвало у Урия помутнение рассудка, и его поместили в клинику для душевнобольных. А Эфраим был приговорен к тюремному заключению за нарушение правил хранения огнестрельного оружия.

...Хивит неподвижно сидела перед телевизором, на полусонном ее лице отражались отчаяние и усталость. Случайная телепередача вновь раскрыла перед ней страшные страницы ее жизни – и хотя с тех пор прошло уже несколько лет, все эти годы память кружила над нею раненой птицей. «Что же это было? Неужели просто чудовищная случайность?» – не шло из головы.

– Нет, конечно нет! – мысленно ответила она сама себе, решив, что десятки веков спустя душа Урии в новом обличье вернулась на землю, чтобы отомстить Давиду...

Но почему – ее Давиду???

– Это насмешка судьбы! – нечеловеческий крик сам вырвался из груди. – Лучше б он остался в своей ешиве и тогда, может, был бы жив!

Потом, на грани сна и яви, до нее донесся безмерно далекий голос: «Никому не избежать смерти, и люди умирают, но любовь и память о них остаются навечно».

Судьба безжалостна к некоторым людям. Как ветер гасит свечу, так в один краткий миг оборвалась жизнь парня.

И случилось это ровно через месяц после дня рождения Давида. Возвращаясь в небытие, страдающая его душа поднялась в небесную высь и соединилась с вечностью.

Человеку не суждено разгадать все загадки и тайны мироздания. Появляясь на свет, никто не ведает, что на дорогах жизни ему предстоят испытания, в коих заключены боль и страдания. Ведь человек приходит в этот мир с определенным предназначением – и, исполнив его, в положенный срок уходит назад, в небытие.

2013 г.

ХАЯ – ЭТО ЖИЗНЬ, или ВЕЧНО ЖИВ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД

*Остерегайся заключения союза с жителем
той земли, в которую ты войдешь,
а то станет он западнёю для среды твоей...
Ибо ты не должен поклоняться Богу иному,
потому что Господь – «ревнитель» имя Ему;
Бог-ревнитель Он.*

Тора, Шмот, 33:12,14

Солнечный луч, пробившись сквозь неплотно сдвинутые шторы, неслышно скользнул по стене и коснулся лица спящей женщины. Прячась от яркого света, она отвернулась, досматривая убегающий сон, но утреннюю тишину вдруг нарушил телефонный звонок. Она нехотя потянулась к тумбочке, нащупала телефон, с трудом приоткрыла глаза.

– Алло! – голос спросонья был хриплым.

– Здравствуйте! Могу ли я поговорить с Хаей? – осведомил-ся на английском бархатно-вежливый баритон.

Встрепенувшись, женщина тут же забыла о предутреннем странном сне. Звонили из агентства, приглашали на собеседование. Хая давно ждала этого звонка, ведь работу медсестры даже в таком большом городе найти было непросто. Экономический кризис середины 1990-х затронул и Канаду – больницы закрывались, медперсонал сокращали... Сердце колотилось

так, что пришлось старательно вслушиваться в доносившиеся из трубки слова. Она поспешно записала информацию, не упустив ничего.

Спать расхотелось. Шаркая тапочками, подошла к зеркалу. Вгляделась в отражение – так и есть, первые морщинки и несколько седых волос. Но хуже всего были мысли...

– Хм... и кто бы подумал, что под сорок я снова пойду учиться?! – невесело улыбнулась она. – Три месяца после колледжа тянулись нестерпимо долго, а уж сколько резюме было разослано... Но вот наконец-то и обо мне вспомнили, предложили поработать патронажной медсестрой. Что ж, с чего-то надо начинать...

В Торонто она приехала с семьей, сын и дочь учились в школе, муж нашел подработку. В первое время после иммиграции все люди стараются как-то пристроиться, адаптироваться к новой стране. Она сразу же решила пойти учиться, и это было правильным шагом. Теперь ее квалификацию медицинского работника подтверждал диплом канадского колледжа – он должен был стать пропуском для устройства на работу.

На встрече с агентом Хая не раздумывая приняла предложение, хотя работать надо было в ночную смену, причем далеко от дома, на другом конце города. Тем же вечером она поехала по назначенному адресу. Проводив взглядом автобус, постояла на остановке, прошла мимо церкви и, перейдя дорогу, оказалась у большого одноэтажного дома с мансардой. Похожая на индианку смуглая молодая женщина лет тридцати встретила ее у порога, провела наверх.

В комнатке в мансарде оказалось совсем немного мебели. Только три детские кроватки у стены, а напротив высокий стол с принадлежностями для пеленания младенцев и узкий, плетенный из прутьев старенький стул.

– Наши дочки, – утомленно произнесла смуглянка, показав на спящих малышей. – Мы с мужем долго их ждали, тройня родилась в результате искусственного оплодотворения. Девочки еще совсем слабенькие, а я просто невероятно устаю, так что надеюсь на вашу помощь в ночное время. Всё необходимое на столе. Доброй ночи! – И она тихонько вышла из комнаты.

Осмотревшись, Хая высоко, почти под потолком увидела динамик, откуда всё время доносился мужской голос, монотонно вещавший что-то на английском. Впрочем, она так увлеклась работой, что поначалу не обращала внимания на радио. Было уже за полночь, когда она перепеленала детей, приготовила детское питание, покормила их и, уверившись, что малышки заснули, присела на стул. Прислушалась к бубнившему сверху голосу – и заметила, что мужчина, читавший проповеди по христианской Библии, читает их уже как минимум по второму кругу.

«Зачем мне это? Да и детям наверняка мешает, надо бы выключить», – подумала Хая и взобралась на стул в поисках выключателя. Ощупав стену вокруг динамика, выключателя не нашла – но поняла, что радио намертво прикреплено к стене. «Странно, может, за дверью...» Но и выйдя из комнаты, она ничего не обнаружила. Задумчиво сделала несколько шагов вниз по коридору, надеясь найти кого-то из хозяев. И здесь никого не было. Ей подумалось, что в этой части дома она с детьми совсем одна. «Наверно, спать ушли», – решила Хая.

Детишки спали крепким младенческим сном. Дежурство прошло спокойно, если не считать нудного голоса проповедника, изрядно за ночь поднадоевшего...

А наутро явился такой же смуглый, как и хозяйка, молодой мужчина крепкого сложения. Пожелал ей доброго утра, представился.

– Меня зовут Сурендер, мы из Гайаны. Как у вас прошла ночь? – спросил хозяин и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Жена сказала, что вы работали медсестрой в СССР, потом переехали в Израиль...

– Всё так. Я родом с Кавказа, это на юге бывшего Советского Союза, два года назад приехала сюда из Израиля, где работала в известной больнице старшей медсестрой.

– Значит, вы еврейка и знаете иврит? – живо поинтересовался индиец.

– Конечно, и зовут меня Хая... – Но тут их разговор прервала трель телефона, и, сославшись на важный звонок, индиец извинился и исчез столь же незаметно, как и появился.

Сурендера она увидела снова, только когда заканчивалось ее четвертое дежурство.

– Как дела, как дежурство? – спросил хозяин.

– Дети почти до утра спали спокойно, всё с ними в порядке. Но я не смогла найти, как выключить радио, – ответила Хая.

– Зачем выключить?

– Что значит зачем? – удивилась сиделка. – Дети ведь ночью спят, а им вреден лишний шум...

– Шум? – Сурендер приподнял густые брови. – А разве вам самой не интересно было послушать выступление нашего почтенного пастора? Вы же еврейка!

– И что с того?! Зачем мне эту проповедь слушать? – возразила Хая, но индеец только отмахнулся и неожиданно перешел на другую тему:

– Вот вы говорили, что знаете иврит...

– Конечно знаю, – кивнула она.

– Я бы хотел узнать, что означает в иудаизме число 666. Всем ведь известно, что это знак Сатаны... А что эти цифры значат на вашем языке? Что в них закодировано? Можете расшифровать этот код? – Вопросы любопытного хозяина сыпались один за другим.

– Ну хорошо, – чуть смутилась Хая, – я расскажу. Каждая буква еврейского алфавита имеет свое цифровое обозначение согласно одному из разделов каббалы, который называется «Гематрия»¹. Цифрой 6 в алфавите обозначена буква «вав». Три шестерки – это три буквы «вав», которые в сумме равны 18, а число 18 означает «хай». Слово «хай» с иврита переводится как «жизнь». Вы помните, что меня зовут Хая? Ну так мое имя означает «жизнь»! Я понятно объясняю?

– О да, продолжайте, – кивнул Сурендер.

– Число 666 само по себе никакого отношения к каббале не имеет. Но почему-то христиане и мусульмане приписали

¹ Гематрия – один из способов раскрытия тайного смысла слова путем математического подсчета, который определяет числовое значение всего слова (каждая буква еврейского алфавита имеет свое числовое значение: числовое значение буквы א – один, числовое значение буквы ב – два и т.д.).

значение этого числа одному из главных ангелов, который у нас называется «мальхә һа-мавет» – ангел смерти. На иврите его имя ׀ַשׁׁוּׁוּ, то есть буква һей (ׁ) приравняется к цифре 5, шин (ׁ) – это 300, тет (ׁ) – 9, а нун (ׁ) – 50. Итого гематрия его имени – 364. Это Сатан, Обвинитель на Суде Всевышнего. Его имя обязательно должно быть с определенным артиклем һей, именно һей наделяет его необыкновенной силой, ведь буква эта дважды повторяется в Имени Всевышнего. Место пребывания Сатана – материальный мир, земля. Он подвергает человека испытанию на верность Творцу и на моральную стойкость². Он же направляет вожделение сердца³, которое побуждает человека совершать проступки и преступления⁴. Сатан не только обвиняет и раскрывает перед Судьей наши проступки и преступления, он еще и «сатан», создает всевозможные препятствия в нашей жизни. За это ему спасибо, иначе мы не трудились бы над своим эго и не стремились к духовному совершенству, – пыталась как можно подробнее объяснить женщина.

– Но ведь число 666 оказывает влияние на весь мир! Что на это скажете? – не унимался собеседник.

– Хорошо, попробую вам ответить, – не сдавалась и Хая. – Мальхәим – ангелы – это служители Творца, которые работают по Его желанию, поэтому они не могут быть плохими или хорошими, так как работа их необходима для существования всего нашего мира. Только представьте, что случилось бы с нами, если бы ангел смерти не выполнял свою работу! Сатан – прокурор на Суде, а что за суд без обвинителя? И вот христиане и мусульмане сами создали эту нелепую теорию, используя отрывочные сведения из нашей Книги, из Торы. В XVI столетии появилась Лурианская каббала, она стала доступна христианским монахам, и они создали на ее основе свою христианскую каббалу. Навыдумывали всяких нелепостей насчет таких чисел, как 666, навели страху на свою паству числом 13... А ведь все эти убеждения построены на суевериях, и только! В их псевдомудрости нет духовного стержня, и наш

² Раши.

³ Берешит, 8:21.

⁴ Рамбам, «Морэ невухим», 3:22.

еврейский мир их просто не замечает. У нас более важная задача – изучать законы Торы и исполнять заповеди. Чтобы мы жили по законам Бога, трудились ради хлеба насущного, создавали семьи, рожали детей, любили друг друга, праздновали наши праздники...

– Так-так... очень интересно! – Сурендер явно старался не пропустить ни слова.

– Вам, конечно, известно из библейских сказаний о Якове, сыне Исаака. Если прибавить гематрию имени Сатан к гематрии имени Яков, то получится Исраэль⁵. То есть в схватке с Сатаном Яков победил его и обрел недостающие качества, чтобы стать одним из трех столпов мира – праотцев еврейского народа. И это неопровержимо доказывает, что Сатан не только не представляет собой некое абсолютное зло, которое необходимо искоренить, он, напротив, является неотъемлемой частью духовной сущности нашего служения Богу, – трепетно объясняла Хая. – Ведь зло необходимо преодолеть, но вам, неевреям, этого не понять. Вы не рассматриваете цель жизни человека как борьбу с дурным началом и потому считаете, что раз человеку хочется плохого, то его надо пожалеть и дать ему удовлетворить свою похоть, чтобы никто при этом не пострадал. Вы считаете, что виноват не человек, а природа, наделившая его дурными наклонностями. Согласно вашим религиозным представлениям и идеалам, злое начало следует искоренять и бороться с ним бесполезно, а природа сильнее человека, который всего лишь ее жертва. Вы же именно так думаете, верно? Но на наш мир мы влияем сами, слышите! Сами, своими поступками...

– Хорошо, мы к этому разговору еще вернемся. И всё же... всё же, мадам, вам просто необходимо прослушать проповедь, прочувствовать ее! – Голос индийца стал тверд и настойчив. – Приглашаю вас на семинары. Мы проводим их здесь, – он показал в окне церковь по соседству с его домом.

– Не понимаю, для чего мне это? – усмехнулась Хая, а сама подумала: «Ага, в сети свои хочет заманить... Вот навязался! Ладно, посмотрим-посмотрим...»

⁵ Лев Симха.

– Евреи постятся в Йом-Киппур, правда? Но я хочу предостеречь: вам не следует этого делать. Иисус искупил за вас все грехи, и об этом необходимо знать! – убеждал ее Сурендер.

– Что-о? – возмутилась Хая. – Это вам необходимо знать, что Йом-Киппур – день духовного возвышения и святой праздник еврейского народа, и ко всему тому, что вы здесь говорите, он ни малейшего отношения не имеет! Как я уже сказала, гематрия имени Обвинителя приравнивается к числу 364. А Талмуд сообщает нам, что средняя продолжительность года составляет 365 дней. Разница в числах равна единице. Всевышний сделал так, намекая нам, что в этот единственный день в году, в Йом-Киппур, Обвинитель молчит. И пока он молчит, нам надо успеть признаться Всевышнему во всех своих поступках, отчитаться перед Ним. И если мы упомянем о своих плохих поступках и будем сожалеть о них, то Всевышний даст нам духовную терапию, очищение. А еще в Йом-Киппур выносятся приговор не только каждому человеку, но и каждой стране мира... Надеюсь, я сумела вам всё разъяснить, – произнесла Хая торжествуя и напоследок спросила: – Теперь-то, уважаемый, может, вы объясните мне, почему вас – христиан и мусульман – на планете так много, а нас, евреев, так мало?

– И почему же?

– Евреев на земле всего 15 миллионов, а иудаизм возник три с половиной тысячи лет назад. Это, как видите, намного раньше христианства, не говоря уже о совершенно молодом исламе. Верно?

– Верно, – вздохнув, нехотя согласился собеседник. – И что же?!

– Вы где-нибудь когда-нибудь видели, чтобы евреи заставляли другие народы против воли перенимать свою, еврейскую, религию и веру так, как это делаете сегодня вы? – не могла успокоиться женщина. – Вы заставляете меня делать то, чего я не хочу, заставляете меня слушать христианские проповеди. Но разве вы спросили, нужны ли они мне? Вы всё сами за меня решили, включили проповедь на всю ночь и ушли... а этот шум мешал мне работать.

Сурендер застыл в полнейшем недоумении, а глаза Хаи торжествуя заблестели:

– Сэр, вы поняли, почему нас так мало на этой земле? Нет?! Так знайте – более двух тысячелетий евреи разбросаны по миру и живут среди народов земли. Нас преследуют, убивают, изгоняют из разных стран, и даже в нашей стране нет нам покоя. Мы хранили свою веру от войн и врагов, пытавшихся уничтожить нас, мы не впускали в нее чужих – те народы, с которыми жили рядом. Мы трепетно хранили ее для себя, для своих детей. Мы, как масло, растекаемся среди всех, но ни с кем не смешиваемся. Вот поэтому вечно жив еврейский народ!

...Прощавшись, она ушла. Переполненный автобус медленно двигался по проспекту в утренней пробке. За окном мелькали дома и улицы незнакомого района, но Хая не замечала их, погруженная в свои мысли: «Еще несколько столетий назад христианство насаждалось огнем и мечом, но теперь они нашли другой путь. Сколько же народу им удалось переманить к себе, завлекая людей своими проповедями?!»

В агентстве по трудоустройству Хая сообщила, что больше не желает работать в семье индийца, и объяснила почему – из-за насильственного вовлечения работодателем в другую религию. А вскоре она устроилась в большую современную больницу и до сих пор работает там медсестрой, завоевав уважение пациентов и медицинского персонала не только своими профессиональными знаниями, но и мудростью.

2014 г.

ДОЖДЬ ИЗ ДЕТСТВА

*Старайтесь же поступать так,
как повелел вам Бог, Всесильный Ваш,
не уклоняйтесь ни вправо, ни влево.
По всем путям, которые указал вам
Бог, Всесильный Ваш, идите,
дабы вы были живы...
...и не кради...*

Дварим, 5:17,29-30

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. НЕОПРАВДАНОЕ ДОВЕРИЕ

Сколько времени прошло с тех пор, Сима и не помнит уже... Она давно покинула тот многоэтажный дом в новом поселке, куда въехала с семьей в позабытое весеннее воскресенье. До того она с мужем и двумя дочерьми долго жила с многолюдным семейством свекрови в частном домике, где и началась их счастливая семейная жизнь.

Сима работала в парикмахерской минутах в десяти ходьбы от дома. В семье у них всегда было весело – по вечерам все собирались за большим столом, постоянно заходили гости, все друзья и родственники тянулись к ней. Но девочки ее быстро подрастали, и Сима решила подать заявление на отдельную жилплощадь.

В славном советском прошлом получить квартиру в новостройке было неслыханным везением. Люди годами числились в списках на получение жилья, но очередь почему-то двигалась

совсем медленно, а то и не двигалась вовсе. В далеких 1980-х никто не знал правил распределения квартир. Чиновники на местах устанавливали свои законы, и заведенный этими «трудягами» механизм вымогания взяток с желающих получить жилье работал на удивление успешно. Кому получать долгожданные ключи от новой квартиры, решалось в горсовете в зависимости от кругленькой суммы, поднесенной чиновнику в конверте.

Сима понимала, что ее заветная мечта не сбудется без терпения и настойчивости, но всё когда-нибудь кончается... и в конце концов иссякает любое терпение.

– В очереди на квартиру мы стоим 10 лет, а она всё не движется! Сколько ж можно ждать? – в один прекрасный день возмутилась Сима, рассказав мужу, что ее подруга Зухра переезжает в новый дом и приглашает на новоселье.

– Ну и что ты предлагаешь? – вздохнул муж.

– Ты только послушай! – Глаза Симы загорелись, щеки покрылись румянцем. – Давай подумаем, где найти такого волшебника, который и нам поможет получить ключи от новой квартиры...

– Ну, ищи, ищи, – буркнул муж.

Целеустремленная и шустрая Сима на удивление быстро отыскала путь к сердцу чиновника, ответственного за распределение жилья. Горисполкомовский «волшебник», улыбаясь, принял конверт с увесистой пачкой сторублевых купюр – и через пару месяцев Сима с семьей переселилась в новый, только что отстроенный микрорайон на берегу моря.

Стоя на балконе, она любовалась чайками, летавшими над изумрудными волнами. Шум прибоя и птичьих крики мешались с голосами жильцов, тоже только что заселившихся и наслаждавшихся великолепным видом и напоённым морской свежестью весенним воздухом.

– Добрый вечер! – окликнула ее с соседнего балкона женщина лет шестидесяти. – Значит, мы соседи по этажу? Меня зовут Ида, а вас?

– Я Сима, а это мои дочери. Заходите в гости!

Охотно согласившись, женщина через несколько минут уже была у Симы – с коробкой шоколадных конфет.

– Поздравляю с новосельем! – Рассыпаясь в пожеланиях, Ида принялась осматривать квартиру, болтая о пустяках.

– А давайте чаю попьем, у меня и тортик вкусный припасён, – заканчивая экскурсию, предложила Сима.

– С удовольствием! – Иде явно не хотелось возвращаться к одиночеству в новой квартире. Много лет прожив с семьей сына, она мечтала съехать, чтобы наконец-то отдохнуть от забот, которые взвалили на нее сын с невесткой. И оказавшись в однокомнатной квартире, она поначалу наслаждалась чувством свободы – но уже через несколько дней пришла опустошенность, ей стало не хватать рядом родных людей, с которыми она жила столько времени...

– До моря рукой подать, воздух свеж и прозрачен, и мой Эдик обещал часто навещать бабушку, он будет оставаться у меня ночевать... – Ида улыбнулась, старшего внука – семиклассника Эдика – она любила больше, чем остальных пятерых внучат, и он с раннего детства тоже был очень к ней привязан.

После чаепития, когда женщины многое успели друг другу рассказать, гостя собралась уходить. Прощаясь с соседкой, Сима улыбнулась:

– Надеюсь, мы станем друзьями?

– Время покажет, время покажет, – задумчиво кивнула Ида.

...Несмотря на большую разницу в возрасте, женщины стали приятельницами, а затем и близкими подругами. Легкая по характеру, общительная Сима относилась к соседке как к родственнице, часто приглашая ее в гости. Она замечала, что та страдает от одиночества и чувствует себя забытой, никому не нужной.

После переезда муж Симы отправился на заработки в другие края, чтобы расплатиться с долгами, в которые они влезли в процессе обретения квартиры. Так минуло два года. Всё шло как обычно – дочки ходили в школу, муж посылал деньги, Сима тоже работала, и постепенно они рассчитывались с долгами. Вдруг от мужа пришла телеграмма, он просил ее срочно приехать. Тихая и спокойная жизнь сменилась полосой неудач.

Сима пригласила соседку на разговор.

– Тетя Ида, мне срочно надо уехать к мужу.

– А что случилось?

– Пока не знаю, но что-то неладное. Хорошо, что сейчас лето, поэтому девочек я заберу с собой. Но у меня к вам просьба... – взволнованно объясняла Сима. – Можете присмотреть за моей квартирой, пока нас не будет? Хочу оставить вам на хранение ключи и свои украшения и драгоценности, если вы не против...

– Конечно, конечно, мне нетрудно. Буду заходить, присматривать, а драгоценности в своей квартире спрячу, езжай спокойно, всё сохранию, – пообещала соседка.

Поездка Симы оказалась невеселой. Муж, неожиданно и тяжело заболев, получил инвалидность. Рассказать соседке о своей горе по телефону Сима не смогла по той простой причине, что в СССР личные телефоны считались непозволительной роскошью и редко были доступны обычным людям.

В Махачкалу Сима с семьей вернулась только через месяц, телеграммой известив Иду о дне приезда.

Двоюродный брат Симы Шмулик, таксист в городском таксопарке, встретил их вечером в аэропорту и довез до дома. Тетя Ида сидела у окна своей квартиры и, несмотря на сумерки, разглядела подъехавшее такси. Она заволновалась, а донесшиеся с лестницы знакомые голоса ввергли ее в панику.

Сима постучалась в дверь:

– Здравствуйте! Мы приехали и хотели бы забрать у вас...

Она хотела сказать «ключи от квартиры», но не договорила. Бледное лицо соседки вселяло тревожные предчувствия.

Тетя Ида стояла в прихожей и пугливо смотрела на Симу со Шмуликом. Вместо традиционного «С приездом!» она протянула: «Про-хо-ди-те...» И вдруг принялась хлестать себя по отвислым щекам, причитая:

– Ой, вой! Всё пропало, всё пропало, что же теперь делать!

– Успокойтесь, да что случилось-то? – переведа дух, спросила Сима.

– Сегодня меня весь день дома не было, я только что подошла. И посмотрите, люди добрые, что происходит! – Ида развела руками, показывая на раскиданные по квартире вещи. Одежда была вывалена из шкафов, постель перевернута, подушки и покрывала валялись на полу.

Сима обомлела. Дочки жались друг к дружке, а Шмулик, вытаращив глаза, ошарашенно озирался по сторонам.

– Воры ворвались, воры всё украли! – причитала Ида, пустив слезу. – И все драгоценности твои тоже унесли, даже не знаю, что тебе, деточка, сказать...

Повисла тишина.

– Что-о? Как украли? – выдавил наконец Шмулик. – А в милицию вы сообщили?

– Нет, не успела я! Только недавно пришла! – сбивчиво объясняла соседка, клятвенно заверяя, что всё именно так и произошло.

– Сима, возьми ключи от своей квартиры, а я пока твоему мужу помогу подняться и чемоданы занесу, – решил действовать Шмулик.

Измученная дорогой Сима так и осталась стоять, потерянно глядя на разбросанные по квартире вещи и на тетю Иду. Шмулик шустро перенес чемоданы, помог Симиному мужу добраться до их квартиры и исчез, пообещав скоро вернуться.

Почти бегом он направился к своему школьному другу Тагиру, который был милиционером и тоже, к счастью, жил в этом доме. Тагир только что вернулся с работы, снял милицкий китель и швырнул на полку в прихожей фуражку, за целый день изрядно ему надоевшую.

– Тагир, привет! Пойдем быстренько, поможешь. Не спрашивай... очень нужно, по дороге всё расскажу, – принялся объясняться запыхавшийся Шмулик, ворвавшись в квартиру друга. Тагир, вздохнув, торопливо надел фуражку и китель. В лифте Шмулик описал ситуацию. Они сели в такси Шмулика и поехали по единственной дороге, ведущей из нового поселка в город.

– Стой, тут остановись! – крикнул Тагир, как только они отъехали на несколько сотен метров. – Вон, смотри, он возле автобусной остановки стоит и что-то в руках держит!

– Кто стоит?

– Да, это точно он! Уж я-то его хорошо знаю, он всегда с моим сыном болтается в нашем дворе. Ну, этот, как его, бабкин внук... – милиционер пытался вспомнить имя мальчика.

– Эдик! Точно, Эдик – внук тети Иды! – разглядев в сумерках знакомую фигурку, воскликнул Шмулик.

– Поди сюда! – позвал мальчишку Тагир. – Ты что на остановке делаешь? Ведь уже поздно!

– Домой еду, – захлопал глазами Эдик.

– А что за сумку так крепко держишь? Она же женская?! – не унимался Тагир.

– Да бабушкина это, – беспечно ответил мальчик, подходя ближе. – Бабушка сказала, чтобы я отвез ее домой и спрятал хорошенько.

– Ты в машину садись, мы довезем, – усмехнулся Шмулик.

Эдик сел на заднее сиденье, и такси тут же развернулось обратно к новостройкам. Держа милиционера за руку и отдав ему сумку, Эдик покорно вошел в знакомый подъезд.

Как же изумилась Ида, увидев в дверях внука, Шмулика и знакомого милиционера с ее сумкой в руках! Застыв как громом пораженная, женщина попыталась было захлопнуть дверь у них перед носом, но Шмулик успел подставить ногу:

– И куда же вы теперь, тетя Ида? Тут у нас и сумка ваша!

– Шмулик, позови-ка Симу, – вдвигаясь в квартиру, решительно распорядился Тагир.

Когда через пару минут появилась Сима, он раскрыл сумку и вывалил ее на стол. Симины драгоценности рассыпались по скатерти, сверкая камушками и золотом.

– Ой, да ничего я не знаю, не знаю... клянусь... – содрогнулась Ида.

– Как же так? И как вам совести хватило втянуть ребенка в такое грязное дело?! – Тагир выпрямился во весь рост и гордо поправил фуражку. Милиционер был рассержен не на шутку.

– Что-то я совсем запуталась, уж простите меня, люди! – сбивчиво каялась тетя Ида.

Сима безумными глазами смотрела то на соседку, то на свои украшения на столе – и молчала. Да и что тут можно было сказать?..

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ЗОЛОТОЙ МЯЧИК

Дворик на улице Урицкого всегда был полон людей. В одноэтажных домах-квартирах с застекленными верандами, напоминающих поставленные друг за другом вагоны, жили 12 семей – русские, кумыки, даргинцы, армяне и горские евреи.

Каждая квартира имела общую с соседями стену, удобств не было никаких. Обогревалось такое жилье печкой в одной из комнат. Печки топили дровами и углем, хранившимися в сараях. Водопроводный кран и один на всех жильцов туалет находились у входа в длинный узкий двор, мощный бульжником. В конце улицы Урицкого стояло здание буйнакской синагоги, поэтому в ближайших домах проживали в основном евреи.

Тури с семьей жила в одной из квартир в центре двора. Муж Тури умер, оставив ее с четырьмя детьми. Через год после его смерти, в 1941-м, началась война с Германией, и вся жизнь пошла по-другому, от мирных забот и следа не осталось. Жилось семье трудно, не было керосина, соли и хлеба – лепешки пекли из кукурузной муки, а черный хлеб получали по карточкам, и за ним требовалось выстоять длинную очередь...

Младшему ребенку Тури было всего три годика. Старшую, 16-летнюю дочь, вместе с другими студентами отправили рыть окопы и строить оборонительные укрепления в южной прифронтальной полосе. Вторая дочка, 13-летняя, уже не училась и устроилась на швейную фабрику – работать там приходилось сутками, а нужно было еще и помогать матери растить братьев. Сын Илюша, которому шел 11-й год, тоже помогал семье – подрабатывал после школы. В то сложное время тяжелый груз забот лег на плечи 10–15-летних детей – вставая чуть свет, они помогали матерям, и детство их уходило с войной...

Двор оживал лишь по вечерам, когда все жильцы возвращались с работы. Женщины занимались стиркой и готовили еду, а детвора бегала по двору, играя в свои детские игры. В этот теплый летний вечер Илюша забавлялся с резиновым мячиком недалеко от своей квартиры. Он бросал мяч в стену и тут же его ловил. В азарте мальчик бросал всё сильнее и сильнее – и вдруг мяч, описав высокую дугу, перелетел через крышу в соседний двор. Илюша застыл, устремив взгляд поверх крыш и ожидая, что мячик вот-вот вернется. Спустя пару минут, потеряв надежду, он уже собрался уходить, как вдруг увидел, что мяч летит обратно. Поймав его, мальчик больно ушиб пальцы и понял, что держит странный круглый предмет – похожий на мячик, но необычайно твердый и увесистый, как бульжник.

Это был вовсе не игрушечный мяч, и теперь любопытство ребенка боролось с испугом. Любопытство победило, и, забежав в дом, Илюша спрятался под столом. Убедившись, что внимания на него не обращают, он наконец-то рассмотрел странную находку. Это оказался клубок из плотно замотанных тряпок. А когда все узлы были размотаны, на пол посыпались блестящие золотые кольца, серьги, бусы... Удивленно завернув всё обратно в тряпки, ребенок вылез из-под стола и закричал:

– Мама, мама, где ты?

– Ну что орешь! Мама заснула, не буди ее! – остановила мальчика сестра.

И спрятав свою находку в укромном местечке, Илюша отправился спать.

А в соседнем частном дворе в тот вечер разгорелся семейный скандал. Пожилой Гаджи ругался со своей женой Хадиджат и в порыве гнева даже не заметил, как замахнулся попавшимся под руку тряпичным клубком. Куда улетел клубок, в горячке скандала никто не заметил. И лишь чуть поостыв, муж с женой ужаснулись последствиям злополучной ссоры. Разыскивая семейные сокровища, супруги помирились, но заветный клубок с драгоценностями как сквозь землю провалился...

– Мам, поди сюда, я тебе что-то сказать хочу, – позвал мать Илюша на следующее утро.

– Что там еще? – откликнулась она, занимаясь чем-то своим на кухне.

– Я золотой мячик нашел!

– Да что ты болтаешь? – бросила Тури, особо не вслушиваясь.

– Мам, вот иди, посмотри, какие бусы я тебе принес, – снова позвал он.

– Бусы принес? – обеспокоенно переспросила мать, наконец-то поворачиваясь к мальчику.

– Видишь, какие красивые колечки с камушками! – Илюша протянул матери несколько явно дорогих вещей.

– Где ты это взял? – отпрянула та в испуге.

– Я не украл, я играл, и этот мяч сам мне в руки прилетел, – объяснил сынишка.

– Интересно, чей же он... – задумалась Тури.

Тут Илюша рассказал матери всё про вчерашнюю игру во дворе.

«Теперь понятно, откуда попал к нам «золотой мячик». Это добро, наверно, от соседей с другой улицы, которые живут за задней стеной дома», – мелькнуло у нее в голове.

– Собирайся, идем! – строго сказала Тури, складывая золото в тряпки.

– Куда? Что ты будешь делать? Это же для тебя, мам! – недоумевал мальчишка.

– Понимаешь, сынок, в жизни всё тайное когда-нибудь становится явным... – Тури положила клубок в сумку, и они вдвоем вышли из дома.

– Я не знаю, что ты говоришь. Что такое «явным»? – теребил он мать за рукав.

– Илюша, ты уже совсем взрослым стал... – Тури ласково пригладила темный чубчик сына, подыскивая понятный ребенку ответ. – ...И в доме ты теперь за отца. Но это золото не мое. Оно принадлежит другой женщине, которая сейчас, наверно, очень ищет его и плачет. Оно не принесет радости никому, поэтому «золотой мячик» надо вернуть хозяйке.

Так, за разговором, они дошли до следующей улицы. Постучавшись в ворота, Тури позвала Хадижат.

– Бар гъара, ким гельды? (Пойди, посмотри, кто там пришел?) – крикнула Хадижат мужу.

– Джухут гъатын Тури – хуншу сорай (Это еврейка Тури из соседнего двора спрашивает тебя), – услышала Тури на кумыкском голоса соседей, Гаджи и его жены.

Когда уставшая после бессонной ночи Хадижат подошла к воротам и увидела в руках мальчика знакомый клубок, ее лицо мгновенно посветлело.

– Здравствуйте, тетя Хадижат, – поздоровался Илюша и протянул ей клубок. – Этот мячик ведь ваш?

Удивленная женщина расплылась в широкой улыбке.

– Какой хороший мальчик! Заходите! – пригласив соседей в дом, она вытащила из кармана халата маленький резиновый мяч. – А этот твой?!

И все рассмеялись...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. ДОЖДЬ ИЗ ДЕТСТВА

Давно наступила осень. Деревья сбрасывали пожелтевший наряд – листья невесомо кружились, с чуть слышным шелестом опускались на асфальт, шуршали под ногами прохожих. Где-то догорал костер из сухой листвы, и в теплом воздухе осени чувствовался еле уловимый приятный запах дыма. Дора шла по школьному скверу, волоча тяжелый портфель, на котором в ситцевом мешочке болталась чернильница. Она училась во втором классе и маленькие, но необходимые для школы покупки делала сама. Вчера вечером перед сном она слушала по радио рассказ о Гагарине, еще весной слетавшем в космос, и укладывала учебники. В боковой кармашек портфеля Дора аккуратно положила новенькую трехрублевую бумажку, полученную от мамы на покупку линейки и карандашей.

– Меньше денег у меня нет, так что не потеряй сдачу, – вздохнула мама, провозжая ее утром в школу. И вот после уроков Дора неторопливо направилась к магазину «Военторг» с отделом канцелярских товаров, который находился совсем не близко от школы и ее дома.

«Вот домой приду, и уроки нужно будет делать, – тоскливо размышляла Дора, – а осенние каникулы еще не скоро! Пока только середина октября...»

Дядя Яша, младший папин брат, только что окончил сельскохозяйственный институт, он был не женат и пока жил с ними. Дора очень привязалась к дяде. Он читал ей детские книжки, проверял, как сделаны домашние задания, и вообще ее воспитывал, поскольку родителям вечно было некогда – они возвращались с работы вечером, хлопотали по дому и занимались четверьмя младшими сестрами и братьями Доры.

Дядя Яша очень любил читать книги и до поздней ночи засиживался за столом с керосиновой лампой. Он и девочке прививал любовь к чтению и частенько после школы рассказывал ей всякие истории, которые Дора могла слушать бесконечно. А из домашних заданий увлекательней всего было делать арифметику – дядя Яша изображал то летящий самолет, то велосипедиста, то пешехода, который движется навстречу другому!

Задачки по арифметике он превращал в маленькие спектакли, но Доре совсем не хотелось задумываться над решениями. Она слушала дядю, а сама мечтала поскорее убежать во двор, где ждали подружки.

Дора шла по улице, глаза по сторонам и слушая шелест листьев. Уныние не покидало ее. «Дядя Яша, как всегда, спросит: «Какую отметку принесла сегодня?» А что я скажу? Двойку по арифметике, потому что на уроке у меня не было линейки? И не получу сегодня сахарного петушка на палочке...»

Когда девочка оказалась у магазина, начал моросить осенний дождик. Купив линейку и несколько карандашей, она поспешила домой. Дождь явно не собирался останавливаться и полил как из ведра. Дора почти бежала, шлепая по лужам, превратившимся в маленькие речки. Промокнув до нитки, она вошла в квартиру и торопливо отчиталась перед дядей Яшей за школьный день.

– А вот сдача, – Дора положила на стол бумажный рубль и пригоршню монеток. – По дороге я посчитала деньги и заметила, что получила на 50 копеек больше. – Она улыбнулась, надеясь загладить этим вину за полученную двойку.

– Почему же ты не вернула их продавщице? – нахмурился дядя.

– Так в магазине денег много, – беззаботно ответила Дора.

– А разве ты не знаешь, что чужое брать нельзя? – голос дяди стал еще строже. – Ну-ка, давай возвращайся в магазин.

– Дождик еще не перестал, я лучше потом... – попыталась отвертеться девочка.

– Ничего, не растаешь! – рассердился дядя Яша. – Иди и верни деньги, да извиниться не забудь!

Дора тихонько закрыла за собой дверь. Она шла чуть не плача. Добираться до магазина надо было почти час, а дождь лил не переставая...

– Девочка, ты зачем снова пришла? Ты же совсем промокла! – на лице продавщицы читалось удивление.

– Вы ошиблись, когда мне сдачу дали, – она положила на прилавок монету в 50 копеек и стыдливо опустила голову. – Вот ваши деньги, извините.

– Спасибо, какая же ты умница! Но ведь дождик сейчас такой сильный... – еще больше изумилась продавщица.

Дождь стих, когда Дора почти добралась до дома. В луже у ворот отражалось голубое небо, а еще стайка воробьев, слетевшихся напиться воды. Увидев в луже и свое отражение, девочка заулыбалась, помахала отражению рукой и побежала домой.

...Через год дядя Яша женился и переехал в другой город. Дора выросла, окончила школу, и в ее аттестате красовались пятерки не только по математике, но и по другим предметам. Но та осень и тот дождик из детства запомнились ей навсегда.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. ЯБЛОКИ, или УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Женщина тихо приоткрыла дверь детской комнаты:

– Няточка, ты что не спишь?

– Сенька с Генькой под кроватями стреляли, в войну там играли... А мы с Милой под одеяла спрятались... и они спрятались... Мама, а война кончилась? – Шестилетняя девочка широко распахнула глаза.

– Конечно, давно закончилась. И всё теперь у нас хорошо, – шепотом ответила Лиза и, погладив дочку по голове, добавила ласково: – Спи, спи спокойно! Всё будет хорошо!

Нюта родилась через три года после войны, уже не в Харькове, откуда в августе 1941 года ее родители бежали, спасаясь от немецких бомбежек. Самолеты с черными крестами сбрасывали на город бомбы, превращая в груды развалин целые кварталы. Лиза с мужем и двумя детьми эвакуировалась в маленький поселок в Куйбышевской области. Рувим портняжничал, он был хорошим закройщиком и главным кормильцем семьи. Портновское дело здорово помогло ему в военную пору: еще в начале сентября 1941-го Рувима мобилизовали в трудовую армию, и там в одной из спецбригад он всю войну шил военную форму – причем не только для простых солдат и офицеров, но и для генералитета.

После того как в 1945-м Рувим вернулся с трудового фронта, он перевез семью в родные края, в Дагестан. Жили они на

окраине Махачкалы в семейных бараках. Бытовые условия были ужасными, на 25 семей приходилась одна кухня. Но в то время полуразрушенная страна еще залечивала нанесенные войной раны, и трудно было всем.

Через год в семье случилось прибавление, родилась Милочка, а когда появилась на свет Нюта, им выделили двухкомнатную квартиру в только что построенном двухэтажном доме. В новом микрорайоне было всего три похожих друг на друга дома. В то послевоенное время соседи тесно общались между собой, вместе радовались, что миновало военное лихолетье, и трудности мирного времени никого не пугали.

С тех пор как прогремел салют Победы, прошло более девяти лет. Очередная осень радовала теплыми деньками, безмятежное спокойствие которых нарушалось лишь шорохом падающих листьев. Уставшая Лиза возвращалась с работы, когда солнце еще не закатилось за крыши трех домов. Нюта носилась во дворе с ребятишками, но, увидев, как рыжая копна маминых волос исчезла за дверью подъезда, побежала домой. Лиза достала из авоськи бутылки с молоком и четыре яблока, оставила всё на кухонном столе и, захватив одну из бутылок, направилась к выходу.

– Пойду соседке бабе Люсе молоко занесу... – И хлопнула дверью, пообещав скоро вернуться.

По комнате разнесся аромат большущих красных яблок. Они манили девочку, будто уговаривая: «Съешь, съешь меня, что ж ты стоишь?»

Рука сама потянулась к столу. Нюта с хрустом надкусила яблоко, так что брызги разлетелись по сторонам. Сладкий нектар таял на губах. Притупив голод, но не чувствуя сытости, она взяла со стола еще одно и снова вгрызлась в сочную спелую мякоть:

– Ой как вку-у-у-сно!

В яблоках крылось такое волшебное наслаждение, что девочка и не заметила, как съела их все. А через несколько минут скрипнула дверь...

– Где же яблоки? – удивилась Лиза.

– Я съела, – ответила девочка как ни в чем не бывало.

Худое, осунувшееся лицо женщины побледнело. Она опустила глаза и, осторожно взяв дочку за ручку, усадила за стол. Медленно и серьезно произнесла:

– Ньюта, ты должна знать, что продукты приносятся в дом не для одного человека...

– Прости, мамочка, я не подумала, – обиженно надула щеки Ньюта.

Сердце защемило от боли. Лизе было очень обидно и за себя, и за маленькую дочь, и за всю послевоенную нищету, в которой они не жили, а выживали. И всё же, помолчав, женщина строго сказала:

– Никогда... слышишь, никогда нельзя так делать! Это тебе урок на всю жизнь!

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ. НАХОДКА

Судьба повернулась так, что однажды Ривка, как и многие другие, собралась и вместе со всей семьей уехала из Страны Советов, которая семь десятилетий пыталась убедить своих доверчивых граждан в незыблемости социалистического строя. Поначалу ее приводили в восторг крупнейшие супермаркеты, в которых было всё, чего только душа пожелает, чисто выметенные улицы и небоскребы, но жизнь в новой стране начиналась совсем не легко. И всё же Ривка была готова принять новый для нее мир. Она мужественно меняла привычный уклад жизни и приобщалась к совершенно незнакомой культуре. Днем ходила изучать английский язык, а по вечерам работала. Однажды поздним вечером Ривка поехала с дочерью за покупками – и, выходя из машины, чуть не наступила на черный кошелек, как две капли воды похожий на ее собственный.

«Гм... из сумки выпал», – решила Ривка и машинально сунула его в свою сумочку. Закончив с покупками и доставая у кассы деньги, она удивилась: «Странно! Откуда у меня два одинаковых кошелька?!»

Уже в машине она открыла второй кошелек и увидела в нем пару сотен долларов и чужие пластиковые карточки.

Прочитав на них русское женское имя, Ривка вздохнула: «Скорее всего, бедная русская иммигрантка потеряла... Надо ее найти!»

Дома она через Интернет разыскала телефон владелицы кошелька. Но час был уже поздний, и Ривка решила, что лучше позвонит завтра.

Утром, набрав номер, она услышала в трубке низкий голос пожилой женщины с чисто английским произношением:

– Hello! (Здравствуйте!)

– Здравствуйте! Вас зовут Любовь? – тоже по-английски ответила Ривка.

– Да.

– Наверно, вы по-русски не говорите? Но я хотела бы спросить – вы кошелек не теряли?

– Да, да! Вы его нашли? – заволновалась женщина на другом конце провода.

– Скажите, а что в нем находилось? – Ривка хотела убедить-ся, что не ошиблась.

Собеседница быстро перечислила содержимое кошелька.

– Всё верно, – сказала Ривка, – дайте ваш адрес, я его завезу.

Люба оказалась совсем пожилой еврейкой, когда-то, еще до войны с Германией, эмигрировавшей из Польши вместе с родителями.

– Вот ваш кошелек, – сказала Ривка, собираясь повернуть обратно.

– Подождите минуточку, я сейчас... – хозяйка дома удалилась в соседнюю комнату.

Вернувшись, она любезно поблагодарила и протянула две бумажки по 20 долларов:

– А это вознаграждение!

– Ну что вы, что вы, мне ничего не нужно! – запротестовала Ривка.

– Нет-нет, возьмите, пожалуйста! – настаивала старушка.

– Хорошо, спасибо!

И, попрощавшись, Ривка удалилась.

«Отнесу в синагогу на цдаку, всё равно не мои», – решила она. И так и поступила.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь человека соткана из кратких мгновений, которые могут внезапно либо возвысить его до небес, либо низвергнуть в бездну беславия. Он проживает свой век, созидая самого себя в реальном мире хаоса, в настоящих джунглях зла, наивно полагая, что «всей этой чепухи» не существует. Горе глупцам!

Каждый вправе жить по-своему, но не вправе забывать, что вечны законы мироздания...

2010 г.

МИРВОРИ

*Посвящается еврейским девушкам-горянкам,
которые испокон веков считались
символом чистоты и непорочности.
«Мирвори» в переводе с джуури
означает «жемчужина».*

Ветерок легонько шевелил ветви вишни. Усыпанные белыми цветками, они тянулись к каменному забору, скрывавшему утопающие в зелени просторный двор и родительский дом. Майское солнце садилось за вершины гор, бросая последние лучи на пышные кроны фруктовых деревьев – аромат их цветов дымкой кружил в воздухе. Вдохнув душистую прохладу вечера, девушка устало отворила резную дверь и, расстилая на пороге коврик, осмотрелась. Дом уже сиял чистотой, но в этот воскресный день еще многое надо было успеть – помочь младшим сестрам подготовиться к школе, дочертить чертежи и закончить очередной студенческий проект, чтобы получить разрешение на сдачу весенних экзаменов.

До окончания вуза оставался год, а пока Мирвори училась на четвертом курсе и с нетерпением ждала маминого возвращения. Мама уехала, и заботы о двух сестрах-школьницах, брате-студенте и прочие домашние хлопоты непростым испытанием легли на девичьи плечи. Но любая домашняя работа спорилась в руках девушки. Сегодня одновременно с уборкой она готовила ужин, и домочадцам настырно напоминала о нем томившаяся на плите долма с мятой – аромат заполнил весь дом, проник

наружу и стремительно распространился по улице, заманивая прохожих.

Вдруг в дверь кто-то постучал. У входа стояли полная женщина лет семидесяти и молодой парень.

– Я ваша соседка, Турунж. А мама дома? – Гостья широко улыбнулась и, не дожидаясь ответа, добавила: – Как же вкусно пахнет, я запах издалека почуяла, можно войти?

– А-а... мамы нет дома, – растерялась девушка.

И все-таки впустила неожиданных гостей. Затем, смущаясь, предложила им сесть, вспомнив бабушкины нравоучения о законах гостеприимства, на которых она воспитывалась с малолетства. Расположившись поудобней, женщина восхищенно затараторила, вопросы сыпались один за другим:

– Ой, как чисто в доме! Ты сама готовишь? Молодец! А учишься где? А мама когда приедет? А это мой племянник Гершум, – на минутку прервавшись, указала она на парня.

Девушка накрыла стол белоснежной скатертью и, пока заваривался индийский чай, поставила на стол угощенья. Но гости от чая отказались наотрез – ни к чему не притронувшись, Турунж любопытствовала, говорила без умолку и скользила по комнате оценивающим взглядом... Девушке уже казалось, что этот град вопросов никогда не кончится. Изо всех сил пытаясь быть вежливой, она выдавливала ответы, поглядывала украдкой на часы и думала: «Когда же ты наконец уйдешь? Ведь чертежи ждут, и мне совсем не до тебя...»

В конце концов, удовлетворившись расспросами, гости попрощались и ушли.

Следующий день в университете тянулся невыносимо долго. На последней лекции Мирвори еле дождалась, когда прозвонит звонок... Собрав книжки, она поспешила к выходу, и тут ей показалось, будто кто-то за ней следит. Странное ощущение не покидало ее всю дорогу, но только у ворот своего дома Мирвори услышала догоняющие ее быстрые шаги.

– Давайте я вам помогу! – неожиданно услышала она голос того самого парня, что приходил с Турунж. Он ловко подхватил из рук девушки тубус с чертежами и, напоминая о себе, вновь представился:

– Я – Гершум, вот шел за вами от университета.

– А зачем? – удивленно отозвалась она. – Верните тубус, и не надо больше за мной ходить, прощайте!

Гершум возвращать чертежи не торопился.

«Ах так?! – подумала Мирвори. – Ну хорошо, вот закрою сейчас за собой калитку, и пусть хоть до завтра тут стоит!»

В эту минуту к дому подошел ее брат, вернувшийся с занятий, и настойчивый молодой человек засмутился. Вернув девушке футляр с чертежами, он поспешно бросил:

– Я еще завтра приду...

И действительно, на следующий день Гершум пришел к университету на час раньше, боясь опоздать к концу последней лекции. Встал у окна в коридоре и терпеливо дождался, пока прозвенит звонок. Университет наполнился гомоном студентов, заспешивших к выходу – кто в библиотеку, кто домой, а кто и в кино. В толпе молодежи Гершум едва не пропустил свою новую знакомую.

– Давайте я вас провожу, – догнав ее, предложил он.

– Нет, не нужно! Разве я просила вас? – холодно сказала девушка, ускорив шаги.

Ничего не ответив, Гершум шел за ней следом до самого дома.

– Послушайте, да не ходите же за мной! Нехорошо это – родителей нет в городе, а если знакомые увидят, что подумают? – забеспокоилась Мирвори. Она помнила наставления бабушки, которая с детства заботливо старалась привить ей чувство девичьей чести и достоинства и оберегала любимое чадо от опасностей жизни. Свои беседы бабушка всякий раз завершала притчей о том, как в каком-то ауле в брачную ночь обнаружилось, что невеста не девственница. Несчастный жених посадил ее на осла задом наперед и отправил обратно в отцовский дом. Такое неприглядное возвращение невесты означало преждевременную потерю девичьей чести и обрекало семью девушки на страшный позор. Вот так воспитывали девушек в этих краях...

Скоро приехала мама. Пока она была в отъезде, отец Гершума предпринял подробнейшее исследование родословной девушки, его интересовало всё – есть ли в ее роду какие-то наследственные болезни или отклонения, какого она роду-племени

и вообще ко двору ли невеста... Ведь дед Гершума был когда-то купцом второй гильдии!

Узнав о возвращении матери Мирвори, Турунж с отцом и матерью Гершума отправились в дом молодой девушки с просьбой выдать ее замуж.

– Я сообщу о вашем визите мужу, а также нашим родителям, мнение которых для нас немаловажно, – сказала мама и тут же, отвечая сватам на вопрос, где ее муж, добавила, что муж на заработках в другой области, откуда она только что вернулась.

Отношения Мирвори с матерью осложнял вечный вопрос «отцов и детей». Дело в том, что маме понравилась ситуация, когда в дом зачастили ильчиго – сваты. Она хотела поскорее выдать дочь замуж. Может, ей казалось, что дочь уже взрослая и пришла ее пора, а может, она просто боялась упустить хорошего жениха, размышляя: «Ей уже 20 лет, а через три-четыре года дочка превратится из девушки на выданье в старую деву».

Сколько сватов Мирвори пришлось отправить назад, сколько раз убеждала маму, что хочет сначала доучиться, получить университетское образование... Но на сей раз мать отыскала великое множество доводов, убеждая дочь, что ситуация назрела и ей жизненно важно принять предложение сватов Гершума. Пытаясь напугать дочку, она еще и по несколько раз на дню бросала реплики:

– Прогонишь и этих, а они в соседний двор пойдут. Там у Пинхаса восемь дочерей дома сидят, а в другом дворе, у Рафика и Ципы, – пять внушек на выданье. Уж они такой момент не упустят, а ты старой девой останешься!

Но в ответ слышала дерзкое:

– Ну и хорошо, ну и отлично! Значит, ходим на свадьбу к Рафику и Ципе!

Впрочем, к огорчению Мирвори, на сей раз мамино упорство взяло верх – и долго спорить дочери не пришлось.

– Я сообщила твоему отцу, и он сказал, чтобы я обсудила этот вопрос со старшими – твоими бабушками. Как они решат, так и будет. Всё! – строго заявила мама, расставив все точки по местам...

Через неделю собрался домашний совет. Обе бабушки Мирвори, со стороны матери и со стороны отца, вместе с соседкой

Турунж и сватами решали в бурном разговоре ее судьбу. Саму Мирвори вместе с Гершумом на это время отправили в соседнюю комнату пообщаться. Там за столом сидела ее младшая двенадцатилетняя сестренка и что-то рисовала. Разговор шел ни о чем – об учебе, о погоде... Восхищения и желания выйти замуж внезапно объявившийся жених у Мирвори не вызвал, хотя инициативу в разговоре он взял на себя. Но семейный совет вынес решение, и помолвку назначили сразу после экзаменационной сессии.

Накануне обручения началась предпраздничная суета. В огромном дворе, где жила семья будущей невесты, на случай дождя установили палатку, и в ней по периметру расставили длинные столы. Раввин проводил шхиту¹, резал купленных на базаре кур и барашков, а кейвони – женщины, созванные для приготовления угощений, – чистили и потрошили кур, солили мясо, перебирали зелень и занимались всякой прочей работой под наблюдением одной из бабушек Мирвори, славившейся мастерством приготовления свадебных блюд.

Следующий вечер выдался очень теплым. Полные угощений столы и танцевальное попури в исполнении приглашенных музыкантов создавали атмосферу праздника. Мама Мирвори готовилась к встрече гостей и сияла так, будто сбылась мечта всей ее жизни. Главным гостем праздника, конечно же, был жених, который вместе со своими родственниками гордо прошествовал в большой светлый зал. Мирвори в розовом платье стояла в дальнем углу в окружении подружек и, слегка волнуясь, наблюдала за происходящим.

Заиграла музыка. Родственницы жениха, его сестра и тетки, держа на вытянутых руках табагьо – большие круглые подносы с подарками для невесты, под музыку кружились во дворе на отведенной для танцев площадке. Сделав в танце один-два круга, они заносили подарки в дом, где сидели женщины и с нескрываемым любопытством ждали, когда же расставят на столы все табагьо, а тетка жениха Турунж звучным голосом начнет называть и показывать каждую лежащую на подносе

¹ Шхита – предписанный Торой ритуальный гуманный забой домашней птицы и скота.

вещицу. Чего там только не было! Импортное женское белье, косметика и духи, туфли и дефицитные сапожки, пальто с норкой, платья и другая одежда – и, конечно, белая крепдешиновая шаль с пышной бахромой, золотые кольца и украшения с бриллиантами, в которых сверкали огоньки большой хрустальной люстры. Были и фрукты, вино, конфеты, воздушные бисквиты «леках» и всеми любимая халва из грецких орехов с медом.

В 1970-е годы хорошую одежду или обувь из-за всеобщего дефицита покупали с рук у спекулянтов-перекупщиков или по знакомству в магазине, из-под полы, приплачивая продавцу. Поэтому сбор подарков для невесты превращался в своеобразный ритуал.

Обряд подношения подарков невесте вошел в традицию горских евреев очень давно – возможно, еще с тех далеких времен, когда праотец еврейского народа Авраам, нагрузив ослов мешками с золотом и серебром, отправил своего слугу Элиэзера в путешествие в далекий Харан, чтобы сосватать Ривку в жены для своего сына Ицхака. С тех пор эта традиция, как и многие другие, предписанные еврейскому народу Торой, передавалась у евреев Кавказа из поколения в поколение.

Родственники жениха и невесты, конечно же, знали из рассказов предков, что они – горские евреи – появились на Кавказе более двух тысячелетий назад и что их народность относится к одному из 10 исчезнувших колен, которые ассирийцы когда-то увели в плен после поражения Израильского царства. Они знали, что это «когда-то» произошло очень давно, еще в VI веке до нашей эры, когда евреи волею судьбы попали на Кавказ. Об этом свидетельствует Мидраш, упоминая о Мидийских горах (так тогда назывались Кавказские горы, где Ассирия и расселила пленных евреев). И самое главное, горские евреи хорошо знали, что предки их тысячелетиями хранили верность религии, традиции и Торе – и что только их образ жизни и верность религии сохранили здесь, в чужих краях, еврейский народ.

Завершив демонстрацию подарков для невесты, Турунж взяла с подноса кольцо со сверкающим камнем и белую шелковую шаль с кистями. Она протянула подарки жениху, глазами показав туда, где стояли невеста и ее подружки, замороженно наблюдавшие за происходящим.

Получив из рук проворной свахи атрибуты ритуала обручения, Гершум направился к невесте. Подружки расступились, и Мирвори, смущенная всеобщим вниманием, склонила голову, чувствуя, что жизнь ее с этой минуты необратимо изменится. Жених подошел с видом победителя, накинул ей на голову белую шаль и, осторожно взяв руку девушки, надел ей на безымянный палец обручальное кольцо. Гости дружно захлопали и зашумели, по очереди поздравляя жениха и невесту.

Праздник прошел так, как и обычно во всех еврейских домах горного края. А дальше жизнь продолжилась своим чередом. У Мирвори начались долгожданные летние каникулы и появилось свободное время, чтобы немного отдохнуть от напряженной учебы. Она читала любимые книжки и общалась с русской соседкой Людой, учившейся с ней на одном курсе. Однажды Люда предложила подруге:

– Пойдем на море, искупаемся. Так жарко сегодня!

– Знаешь, у меня даже купальника нет, я никогда в море не купалась, – покраснела Мирвори.

Люда очень удивилась, но успокоила:

– Да ерунда, у меня запасной купальник есть, его и наденешь. Идем!

Маме Мирвори сказала, что пойдет к Люде в гости на часок, так как знала, что идея с купанием маме не понравится. День был солнечным, жарким, иссиня-зеленая вода и морской воздух манили в свои объятия. Девушки расположились на краю пляжа, расстелили на горячем песке полотенца и отправились купаться. Вода была теплой, Люда учила Мирвори плавать, и уходить подружкам совершенно не хотелось. Они не заметили, как пролетело время, и когда Мирвори наконец-то вернулась домой, мама первым делом раздраженно спросила:

– Где ты была весь день?

– У Люды, ты ж знаешь, – ответила Мирвори, пытаясь увильнуть от разговора.

– Так долго? Где ты была, я спрашиваю? – не унималась мать, она всегда требовала от детей полного ответа.

– Прости, я тебя обманула, но совсем чуть-чуть, – оправдывалась девушка. – Мы с Людой ходили на море...

Не успела Мирвори договорить, как мать взорвалась, словно вулкан.

– Какой позор! Хостэ духтер э «море» мирав? (Засватанная девушка на море ходила?) – Мать уже кричала на весь двор. – Что ты там забыла, у кого разрешения спросила? А если бы тебя кто-нибудь из родственников жениха увидел? И не стыдно тебе?!

Мирвори укрывлась в своей комнате, но мамины крики доносились и туда. Такие «воспитательные моменты» запоминались, и желание ходить на море мама отбила навсегда...

Свадьбу назначили на осень, до наступления еврейских праздников.

Платье невесты должно было быть белого цвета. Эта традиция тоже пришла из глубины веков. Старики рассказывали, что давным-давно в одном поселении Беньяминового колена² произошла большая трагедия. Случилось это так: один из жителей этого городка приютил у себя на ночлег путника-еврея вместе с наложницей его. Прознав о том, потомки Беньямина потребовали выдать гостя им на поругание. При этом люди почему-то забыли о заповедях, данных Господом на горе Синай. Получив наложницу, беньяминцы надругались над несчастной и вернули ее обратно, и та скончалась у порога дома, где гостил путник. Оскорбленный поступком, гость разрезал тело ее на 12 частей и отправил во все концы страны коленам Израилевым вместе с весточкой о случившемся. Возмутились старейшины таким бесчинством и собрались проучить братьев своих беньяминовых. Война длилась несколько дней, пока почти всех их не перебили. В живых осталось лишь несколько десятков сынов беньяминовых, которым остальные 11 колен объявили полный бойкот. «Никто из нас не отдаст свою дочь замуж в колено Беньямина», – опрометчиво поклялись тогда потомки 11 колен Израилевых.

Но спустя годы совет старейшин, опасаясь, что колено Беньямина исчезнет, разрешил им приезжать в любое селение Израиля для выбора невесты. Это знаменательное событие

² Колено Беньямина, одного из 12 сыновей Яакова – родоначальника колен еврейского народа.

произошло 15 Ава. В тот же самый день было отменено и другое брачное ограничение – запрет на браки между мужчинами и женщинами из разных колен Израилевых. Девушки наряжались в белые платья своих подруг и водили хороводы в виноградниках, когда в какое-то селение приезжали женихи из Беньяминовых селений. В одинаковых белых платьях все они старались казаться одинаковыми, чтобы лишить парня возможности сделать выбор... Вот такой примечательный обряд выдумали тогда еврейские девушки, и день 15 Ава на века остался самым радостным днем в году – днем счастливой любви!

Немало воды утекло с той поры, времена изменились, и сейчас невесты уже не передают свои свадебные платья подругам, хотя цвет свадебного наряда решили сохранить праздничным – белым... Белизна стала символом непорочности и чистоты, ибо вступающим в брак в день свадьбы прощаются все их грехи.

...Наступила осень, близилась свадьба Мирвори и Гершума. Невесте сшили длинное платье из белой ткани с серебристым оттенком, и было оно довольно простым – но притом подчеркивало хороший вкус мастера, работавшего над ним несколько недель. Свадебный наряд украшали вышитые серебряной нитью мелкие цветы, окаймлявшие вырез у шеи и манжеты длинных рукавов, – они напоминали Мирвори цветочки, каждую весну осыпавшие вишневые деревья в родительском дворе.

Вся родня жениха и невесты серьезно готовилась к свадебной церемонии. Так же как и перед обручением, во дворе установили большую палатку, расставили в ней столы. В стороне от палатки на четырех столбиках был установлен навес – хупа, а под ней стоял глубокий металлический таз с огромным камнем. За несколько дней до свадьбы были закуплены напитки, фрукты, овощи и прочие продукты. Во дворе ожидали куры, барашки и даже корова, и с минуты на минуту должен был подойти раввин, чтобы исполнить ритуальный забой скота в соответствии с правилами кашрута³. Обязанности резника и хазана выполнял один и тот же раввин, он был ответственным за проведение в общине всех

³ Кашрут – термин в иудаизме, означающий дозволенность или пригодность чего-либо с точки зрения еврейского закона.

обрядов и религиозных служб в строгом соответствии с еврейскими законами.

И вот к вечеру в назначенный день заиграла музыка, сзывая гостей к свадебному торжеству. Жениха и невесту пригласили под хупу. Сперва в сопровождении отцов жениха и невесты подошел жених, а мамы подвели невесту. Прочитав молитвы и благословив новобрачных, раввин предложил жениху надеть невесте на указательный палец обручальное кольцо. Затем, соблюдая последовательность обряда, раввин вручил невесте кетубо – брачный контракт – с вложенной серебряной монеткой, символизирующей выкуп за невесту. К кетубо прилагался список приданого. Затаив дыхание, присутствующие выслушали благословления раввина на вино. Сделал глоток, он передал стеклянную рюмку жениху, а тот, пригубив вино, передал ее невесте. Пригубила вино и она, вернув рюмку жениху. Гершум, волнуясь, допил напиток, размахнулся и с бесшабашной удалью разбил пустую рюмку о лежавший перед ним камень. Услышав звон стекла, гости радостно захлопали и поздравили жениха и невесту с завершением бракосочетания. Символизируя память о разрушении Храма, обряд этот бережно передается из поколения в поколение и свято хранится в сердце еврейского народа, столетиями проживавшего в изгнании в далекой стране гор.

Назавтра праздник в доме Мирвори продолжился. Гостей охватило радостное возбуждение, и больше всех переживала Мирвори, боясь упустить важное мгновение.

– Приехали! Приехали! – наконец донеслись со двора крики младших сестер.

Подкатили украшенные шелковыми лентами легковые автомобили с женихом и его родней. И скоро сопровождаемый родственниками жених вывел невесту из отцовского дома. Впереди девушки несли горящие свечи и зеркало, увитое яркими ленточками. Казалось, мистическое и земное переплелись здесь в эти торжественные минуты. Шествие замыкали родственницы невесты, ответственные за проводы ее в дом жениха. На улице, у выхода, стояли бабушки невесты, по традиции они щедро бросали навстречу и вслед процессии кусочки пиленого сахара, пригоршни риса и монеток.

Свадебный кортеж направился к дому жениха, где веселье, начатое накануне в доме невесты, было в самом разгаре – там уже играла музыка, и гости с нетерпением ждали новобрачных. Невесту проводили в дом, в комнату, выделенную для нее и сопровождавших женщин. Вскоре Мирвори пригласили танцевать. Она кружилась в танце, вокруг танцевали родственники, и каждый норовил вложить в руки невесты красненькую десятирублевку. В ее руках оказался веер купюр – покидая танцевальную площадку, она оставила деньги на столике перед группой музыкантов.

Когда вечер свадьбы близился к концу, одна из родственниц невесты подошла к Мирвори, взяла ее за руку и повела за собой. Женщина, слегка наклонившись к ней, принялась что-то быстро нашептывать на ухо. Сердце девушки сжалось от волнения. Смущенно покраснев, она опустила глаза и покорно выслушивала советы рассказчицы, которая провожала ее в убранную для брачной ночи комнату.

Приехавшие с невестой тетки затаились в ожидании. А в коридоре за дверями комнаты всё это время стоял друг жениха и тоже нетерпеливо ждал. Когда наконец жених вынес платок – кусок белой хлопчатобумажной ткани – со свидетельством целомудрия и передал его другу, тот вместе с одной из женщин помчался к машине, которая должна была отвезти их в дом новобрачной. Платок служил доказательством непорочности невесты, и доказательство это ждали в ее родительском доме – таков был закон!..

Издrevле в еврейских семьях особое внимание уделялось воспитанию нравственности девушек, их честь и целомудрие считались бесценным даром. Быть может, именно поэтому из поколения в поколение от бабушек к внукам передавался рассказ о том, как в стародавние времена, тысячу лет назад, в одном еврейском селении разгорелся в свадебную ночь большой скандал. Жених объявил невесту не девственницей. После свадьбы решался спор: отец невесты принес в раввинский суд платье дочери, свидетельствующее о ее целомудрии, – и, к счастью, девушку оправдали, а суд вынес приговор тому, кто оклеветал ее.

Вот ведь как один лишь неправильный шаг может изменить всю нашу жизнь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Обычай выноса платка, подтверждающего невинность невесты, существовал в общине горских евреев с незапамятных времен. Тема эта знакома многим женщинам-еврейкам, проживавшим на Кавказе. Перешагнув порог XXI века, женщины задают вопрос: «Всё ли правильно в наших обычаях, действительно ли они были такими священными и соответствовали Торе?»

Конечно же, пафосная традиция публичных танцев с платком в свадебную ночь не является доказательством, подтверждающим точку зрения Торы. Подобные перегибы в традициях, имевшие место в среде горских евреев последние десятилетия, искажают истинные заповеди Всевышнего. В то время как законы Торы предписывают не причинять другому человеку умышленного вреда, искусственное ужесточение традиций внесло в жизнь женщины элементы унижения ее человеческого достоинства и неуважения к ней. Правилom Торы является заповедь об уважении к человеку, к его достоинству. Это часть заповеди об уважении к Творцу, поскольку каждый человек обладает душой – частичкой Бога. Следовательно, унижающий женщину совершает грех по отношению к самому Всевышнему.

С приходом советской власти и активным внедрением повсеместного атеизма женщин не просвещали, они были далеки от возможности изучения законов Торы, согласно которой жизнь представляется красивой и духовной. Удивительная живучесть этого обычая и поразительная неизменность его до сегодняшних дней объясняются представлениями о поддержании чистоты общины горских евреев и необходимости сохранения в ней строгих нравов. У этой традиции важные корни, и она предусматривает защиту чести девушек от сплетен и лжи.

В своих комментариях (Дварим, 22:17) Рамбан пишет: «Заводили жениха и невесту... и свидетели, шошвиним⁴, сторожили их снаружи, а когда отделялись они друг от друга, свидетели входили и брали симла, на которой они лежали и на которой осталась кровь». Написано в Талмуде (трактат Кетубот, 46а):

⁴ Шошвиним – дружки (на иврите).

«Они развернули то, что он втайне затевал против нее (вынесли скрываемое им на свет)»... Свидетели, призванные отцом девушки, противостояли свидетелям, вызванным мужем ее. Доказательство разворачивалось на глазах у всех, подобно новому одеянию, без складок и морщин. Рабби Хаим бен Атар (Ор а-Хаим, 22:13) объясняет, что отец принес свидетельство целомудрия его дочери как девственную кровь против клеветы, за которую полагается смертная казнь (кровь за кровь).

Здесь платком они называли платье (на иврите – симла). Поэтому написано в Торе, что отец и мать расстилали перед судьями «симла» и говорили: «Вот свидетельство невинности нашей дочери!»

Бейт-дин, задача которого – сохранить семью, возлагает штраф на жениха и обязывает его жить с невестой без права развода. При этом оговаривая, что при желании она может расторгнуть брачный договор и уйти от него с компенсацией, указанной в кетубо.

Законы бракосочетания в еврейских традициях включают исполнение трех действий: Кидушин («приобретение» при помощи кольца), Киньян (приобретение за подарок или деньги), Штар (кетубо – брачный контракт) и близость (муж и жена добровольно вступают в брачные отношения).

Церемония хупы озаряет будущий еврейский дом святостью Торы, это главный праздник в жизни еврейской девушки. Но соответствует ли наряд сегодняшней невесты законам Торы, определяющим каждую подробность нашего быта? Экстравагантные фасоны подвенечных платьев – открытые плечи, глубокое декольте и тщательно обтянутый стан – давно уже не смущают современных девушек. В день бракосочетания они хотят выглядеть роскошно, совершенно не осознавая, что идея скромной одежды еврейской женщины в том и заключается, чтобы не привлекать излишнего внимания окружающих, не выделяться. Не это ли основа еврейской мудрости?! Еврейские девушки испокон веков были скромны в одежде – не принижая своего достоинства, они хранили верность традициям. Поэтому при выборе фасона свадебного платья необходимо соблюдение еврейских законов о скромности: без глубокого декольте или разрезов снизу, рукава

должны прикрывать локти, а юбка – колени, и ткань не должна быть прозрачной.

Поддавшись веяниям времени, девушки в последние два-три десятка лет оказались в плену у моды. Сторонницы нескромной одежды выставляют напоказ самое сокровенное, считающееся запретным для посторонних глаз. Неприкрытые части женского тела привлекают внимание и пробуждают в мужчинах нечистые мысли, а возникающие неконтролируемые страсти приводят к внебрачной близости. Факт случайной внебрачной близости, согласно еврейским традициям, противоречит закону о брачных отношениях (наличие платка – свидетельства целомудрия). «Обманчива прелесть, и суетна красота, но женщина, трепещущая перед Всевышним, будет прославлена»⁵.

Первый Храм был разрушен из-за трех грехов – кровопролития, идолопоклонства и разврата, и «разврат» выражался в нескромных одежде и поведении. Разъясняют мудрецы, что одна из причин, по которой Всевышний охраняет евреев, – это их скромность. Лишь только евреи начинают вести себя безнравственно, Он перестает охранять нас. Остановить падение нравов и утрату моральных ценностей возможно только путем правильного воспитания девушек в семье согласно законам Торы, в которой сказано: «И будет из-за того, что исполнишь ты законы эти... и сбережет Всевышний Всесильный твой для тебя союз и добро, о которых клялся праотцам твоим. И возлюбит тебя и благословит и умножит»⁶.

2010–2012 гг.

⁵ Мишлей, 31:30.

⁶ Дварим, 7:12.

ОСТРОВ СВОБОДЫ

И сказал Господь Моше... говори сынам Израэля, чтобы они отправились в путь... подними твой посох и прости руку твою над морем и разверзни его, и войдут сыны Израэля внутрь моря по суше... И вошли сыны Израэля внутрь моря по суше, а воды им стеною справа и слева от них. И погнались египтяне, и вошли вслед за ними – все кони Фараона, его колесницы и его всадники – внутрь моря... И спас Господь в тот день Израэль от руки Мицраима...

Шмот, Бешалах, 14:15-31

Жизнь на Земле стремительно меняется, виток за витком двигаясь по спирали: человечество порой возвращается к событиям, которые уже когда-то пережило. Так устроен мир.

Все империи, некогда казавшиеся великими, рано или поздно прекращали свое существование. Советский Союз не стал исключением. После «безвременной кончины» первой в мире социалистической державы поколение 1990-х оказалось в круговороте исторических перемен. Наступило переломное для страны время. Некогда нерушимое единство могучей страны было обречено. Один правитель сменял другого. Переход от социализма к капитализму пока еще только зачинался, и на руинах разваливающегося советского государства надолго воцарился хаос...

В самом начале тех памятных государственных перемен приподнялся тяжеленный «железный занавес», открывая

дорогу в далекие неведомые края. Многие евреи в это время заторопились с выездом из страны – «необъятной родины своей, где так вольно дышит человек», – в поисках свежего ветра свободы и счастья. Они в спешке упаковывали чемоданы для дальней дороги, которая таила в себе множество сюрпризов и неожиданностей. Люди в то время уезжали в Израиль, в Штаты и в Канаду, в страны Европы и даже в Австралию – словом, туда, куда была возможность уехать.

Опустели еврейские улицы городов и поселков Кавказа, древней колыбели общины горских евреев. История народа повторялась. Выезд евреев конца XX века из Страны Советов сравнивался с великим Исходом далеких предков, покинувших империю фараонов три с половиной тысячелетия назад. Интересно, что гематрия аббревиатуры СССР, записанной на иврите (самех-самех-самех-рейш), совпадает с гематрией слова Мицраим (Египет).

Перед отъездом из страны Мирвори со своей семьей месяца два жила у мамы. В канун Йом-Киппура мама, как всегда делалось в их доме, наготовила всякой вкусной еды и накрыла праздничный стол. Значения праздника Мирвори тогда не знала, но хорошо помнила, что из года в год Йом-Киппур строго отмечали все евреи, жившие в тех краях. Почему-то именно перед этим днем особенно суетилась бабушка. Она покупала на рынке кур и петухов по количеству членов семьи – а потом, принеся живность домой, вертела поочередно над головой каждого птицей и при этом что-то шептала. К исполнению обряда капарот¹ бабушка относилась ответственно и с какой-то торжественной строгостью. Потом всех кур относили в синагогу, где раввин делал шхиту и, предварительно обработав, раздавал их малоимущим семьям. Бабушка Мирвори ревностно хранила еврейские традиции и в одиночку противостояла натиску атеизма, исподволь заползавшего в дом. К тому памятного Судного дня бабушка уже лет пятнадцать как ушла в мир иной. После ее смерти последние атрибуты еврейской жизни стали быстро исчезать из семьи. К порядку проведения праздников относились как к чему-то само собой разумеющемуся, притом

¹ Капарот – искупление, ритуал очищения от грехов.

совершенно не осознавая, что праздники эти уже были напрочь лишены понимания и духовной радости. Под пятой советского режима новое поколение приобрело своеобразную невосприимчивость ко всему духовному, причем настолько, что всё чистое, высокое, благородное немедленно превращалось в грубое и примитивное. Казалось, провели праздник, и ладно!

На ранний ужин пришли необычные гости: чернокожий парень в сопровождении своего товарища-дагестанца. Встретив их у порога, мама очень удивилась и даже немного испугалась, но гостеприимно предложила войти в дом. Мирвори забыла предупредить ее о том, что они с мужем пригласили в гости человека, с которым совершенно случайно встретились в Москве... у телефонных будок.

Вот и подумайте, как можно не видеть в судьбе руки Всевышнего и Его провидения?! Две недели назад она поехала с Гершумом – своим мужем – в Москву за билетами на выезд. С личного телефона они пытались дозвониться до Раи – сестры Мирвори, которая жила тогда с семьей в Москве. Вдруг к ним подошел высокий негр в светлой куртке. Протянув бумажную десятирублевку, он почти умоляюще попросил обменять ее на одну 15-копеечную монету. Молодой человек был слегка взволнован, по-видимому, ему срочно нужно было куда-то позвонить. Гершум любезно предложил несколько пятнашек, не взяв взамен его десятки. Поговорив по телефону, иностранец снова подошел к ним и заговорил на хорошем русском языке с заметным акцентом. Парень рассказал, что он кубинец и женат на русской, что живет со своей семьей и тещей в Махачкале. Скоро он возвращается назад и хочет купить там квартиру.

– А ведь мы тоже из Махачкалы, – сказала Мирвори немало удивившемуся собеседнику.

Прощаясь, Майкл – так звали нового знакомого – записал на листке номер своего телефона.

Разговор у телефонных будок запомнился Мирвори и не давал ей покоя. Вернувшись в Махачкалу, она напомнила мужу об этой встрече и высказала мысль:

– А что если мы пригласим Майкла в гости, предложим ему купить нашу квартиру, а заодно спросим, не может ли он

сделать нам настоящее гостевое приглашение на Кубу, разумеется, за разумную плату? Конечно, кроме билетов на Кубу, у нас есть и гостевые приглашения, но... они липовые, ты же знаешь...

И, как бы советуясь, продолжила:

– Нам не мешает подстраховаться. Как ты думаешь?

Так Майкл появился в гостях в мамином доме в тот предпраздничный день. После ужина гости восхитились вкусными угощениями, приготовленными мамой, и дагестанец, попрощавшись, ушел, чтобы не нарушить конфиденциальность предстоящей беседы.

Мирвори завела разговор о желании продать квартиру, описывая ее достоинства, и, несколько замятая при этом, обратилась к Майклу:

– У нас к вам весьма деликатная просьба... даже не знаю, с чего начать...

– Да, конечно, я слушаю вас, – вежливо ответил он.

– Можете ли вы нам помочь с гостевым приглашением на Кубу? Мы, конечно же, заплатим вам за все услуги...

– А вы что, хотите остаться в Канаде? – широко улыбаясь, мгновенно отреагировал Майкл.

Супруги опешили от неожиданности и в один голос спросили:

– Откуда вы знаете?

И тогда гость рассказал, что все студенты-кубинцы по окончании московских вузов стараются не возвращаться на Кубу и остаются в Канаде.

– Ньюфаундленд – это остров в Атлантическом океане, он является территорией Канады, – охотно продолжал свой рассказ иностранец. – Когда самолет делает посадку на острове в международном аэропорту Гандер для дозаправки топливом, все пассажиры на время покидают салон, и, как правило, кубинские студенты обратно уже не возвращаются...

И потом Майкл многое разъяснил им. На бумаге он нарисовал подробную карту Европы, слева от которой постепенно появились контуры Атлантического океана и, западнее него, две «плюшки» сверху и снизу, изображавшие два континента – Северную и Южную Америки. Пунктирной линией он начертил схему маршрута самолета, аккуратно вписал названия

городов: Москва – Лондон (Англия) – Гандер (Канада) – Гавана (Куба) – Лима (Перу), – показывая, где самолет должен приземлиться для дозаправки. Рассказав, какие типы самолетов обычно летают по этой линии, он обратил внимание удивленной пары на важную деталь:

– По этому маршруту летают два типа самолетов. Один из них делает дозаправку в Гандере, а другой – нет, то есть летит прямо на Кубу. Обязательно уточните в справочной, чтобы не попасть не на тот рейс.

Мирвори с мужем, затаив дыхание, напряженно следили за темной рукой иностранца, водившей ручкой по клочку бумаги, и старались запомнить каждое слово. Ведь всё, что говорил Майкл, было для них очень важным.

Во время разговора мама стояла за дверью соседней комнаты и пыталась уловить смысл этой очень странной беседы. Как только Майкл покинул дом, она вышла из своего укрытия. На ее лице застыли удивление и страх:

– Вы не боитесь отправиться в такое рискованное путешествие с детьми? Оставляете всё, что наживали годами, и покидаете родной дом? – И уже обращаясь только к дочери: – Как можно вот так запросто взять и уехать? Тебе всего этого добра не жаль?!

– Нет, – отрезала дочь. – Ты не видишь, что происходит вокруг? Грабежи, убийства, похищения детей... Кругом творится беспредел! В Чечне начинается заваруха, чеченцы грабят пассажирские вагоны, а правительству нет никакого дела до людей. Оно занято борьбой за власть! Мама, надо спасти детей! У твоего старшего внука скоро призывной возраст. Вспомни мясорубку афганской войны... Сколько в Советской армии было бесцельно уничтожено молодых жизней? А сколько еще будет уничтожено – причем непонятно, за честь какой страны и во имя чего? Ты забыла надписи на воротах: «Жи́ды, убирайтесь отсюда!»? Оглянись вокруг! – волнуясь, продолжала Мирвори. – На вот, посмотри!

Она протянула матери три последних номера местной газеты «Кунак»².

² Кунак – друг, приятель, побратим; здесь – название одного из периодических изданий.

– Видишь? На первых страницах каждого номера – откровенный антисемитизм? Для чего всё это распространяется, ты не знаешь? А иллюстрация какая примечательная! Места не пожалели, красуется на полстраницы! – Дочь указала пальцем на рисунок с изображением земного шара, в центре которого расположился охвативший планету своими длинными лапами огромный паук с большой звездой Давида и со свастикой на спине.

Мать стояла в растерянности, не зная, что ответить.

– Конечно, я люблю своих подружек и Патимат, нашу соседку, – убеждала Мирвори маму. – Но сама Патимат предупредила меня на днях: «Уезжайте! Непокойно стало в городе. Если что случится, не ручаюсь, что сможем спасти вас!» Нет! Мне не нужны ни квартира, ни всё остальное. Остаться здесь стало опасно! Будь что будет! Мы уезжаем! – категорично заявила она.

– Сейчас начинается пост, – сказала мама, как будто немного успокоившись, – я зажгу свечи, буду молиться за вас... за то, чтобы Всевышний помог вам в пути!

Прошло несколько дней. Мирвори собралась в дорогу и вскоре с тремя детьми и мужем прилетела в Москву, что называется, в полной боевой готовности. Вот только новость, которую они вдруг узнали на следующее утро, казалось, должна была разрушить все намеченные планы. Страну взволновало экстренное сообщение о том, что советский самолет, вылетевший вчера на Кубу, приземлился на канадской территории для дозаправки, и 97 советских граждан вместе с экипажем покинули самолет, отказавшись вернуться обратно на борт. В своей речи диктор Центрального телевидения упрекал соотечественников в поступке, порочащем гордое звание гражданина Советского Союза. Сообщение передавалось в течение всего дня. Дикторы радио и телевидения повторяли его с искренним сожалением и такой тревогой в голосе, как будто завтра должна начаться война. Можно представить себе, что пришлось пережить нашим путешественникам! Новость огорчила всех.

Вспоминая рекомендации Майкла, Мирвори с мужем отправилась в билетную кассу, где они выяснили, что многие рейсы с посадкой в Гандере отменены, и их самолет тоже летит прямо на Кубу.

– Что же делать? Рисковать детьми? Везти семью в никуда? – размышляла Мирвори. – Надо сдать билеты...

Они сдали билеты и, расстроенные, направились к метро. На этом неприятности не закончились. Мало того что по всей стране прокатились дурные вести, так еще и курс рубля стал стремительно падать. На следующий день супруги снова поехали в авиакассу. Билеты к тому времени выросли в цене вдвое, но самым ужасным было то, что билеты на этот рейс и вовсе перестали продавать.

– Нет, отступать мы не можем! Мы должны улететь! – твердо произнесла Мирвори, снова изменив свое решение и прокручивая в голове дальнейшие действия.

Она позвонила брату, чтобы узнать, нет ли у него возможности приобрести билеты через каких-нибудь знакомых в Москве. Брат в ответ только огрызнулся:

– Не можешь играть в мужские игры – не берись! Летели бы на Кубу! Там бы отдохнули... А на обратном пути приземлились бы в Канаде.

«Советовать со стороны всегда легче!» – подумала Мирвори, но не стала с ним спорить.

Пытаясь изменить судьбу, женщина понимала сложность ситуации, в которой оказалась ее семья. Устав от беготни и почти отчаявшись, она отправилась в последнюю, пятую авиакассу, лелея робкую надежду еще раз поймать счастье. Прогуливаясь по залу, Мирвори напряженно разглядывала сидевших за билетными стойками кассирш, читала таблички с их именами и размышляла, к кому из них можно подойти с деликатной просьбой, к которой прилагалась аккуратно вложенная в паспорта кругленькая сумма. Мирвори остановила выбор на самом крайнем окошечке, где сидела женщина средних лет с приятной улыбкой. Звали ее Лея, и фамилия была вроде бы еврейская.

Любезно поздоровавшись, Мирвори протянула кассирше документы, но та, услышав требуемое, вопросительно вскинула брови. Минутная пауза показалась Мирвори вечностью. Ну неужели и на этот раз не повезло? Неужели муки, пережитые за эти дни, были напрасны? Но нет. Лея лукаво перевела свой взор на паспорта, из которых маняще высовывались

сиреневые 25-рублевые купюры, быстро спрятала причитающееся ей вознаграждение и, как ни в чем не бывало, по-деловому занялась оформлением бумаг.

Через полчаса желанные билеты были у Мирвори в руках! Удовлетворенная удачным завершением сделки, она почувствовала невероятное облегчение, словно тяжелый груз свалился с плеч.

Как выяснилось позже, на этом ее переживания не закончились – другие приключения уже ожидали их в аэропорту. Из-за последних событий, о которых негодуяще говорили по радио и телевидению, регистрацию и таможенный контроль в аэропорту усложнили дополнительными проверками и допросами.

Подходя к регистрационной стойке, Мирвори снова почувствовала напряжение. Вовремя сориентировавшись и указав взглядом направление, она предложила мужу:

– Чтобы не заметили, что мы из одной семьи, возьми сервис и со старшим сыном стой в этой очереди. Будут спрашивать, скажешь, что едешь к сестре, которая выходит замуж за кубинца, а сервис везешь в качестве свадебного подарка.

Сама же Мирвори с остальными детьми пошла в другую очередь, где ее и других пассажиров стали допрашивать. Таможенников интересовало всё; она отвечала четко и без запинок. Но тут ей задали вопрос, который она совершенно не ожидала услышать:

– Назовите домашний адрес людей, которые пригласили вас на Кубу.

Времени на размышления не было. Мирвори и сама не поняла, как ей на ум пришло имя кубинского революционера.

– Гавана, Хосе Марти, дом 7, – с уверенностью выпалила она и, стараясь подавить внутреннее волнение, внимательно следила за реакцией таможенника.

– Проходите, – возвращая документы, грубо бросил тот.

Благополучно миновав следующий пост проверки – пограничный контроль, Мирвори с детьми остановились, чтобы посмотреть, что же делается у регистрационных стоек. Не видно ли мужа? Казалось, что все пассажиры уже прошли, но муж и сын всё еще не появлялись...

Тревожная мысль не давала ей покоя: «Неужели Гершум не смог выкрутиться и засыпался?» Приглядевшись, Мирвори увидела, что муж сначала разговаривал с таможенником, а теперь почему-то стоит вместе с сыном в стороне.

– Чего они там стоят? Неужели не пропустили...

Ей тогда пришлось здорово понервничать. Она уже почти решила вернуться назад, но, простояв еще немного, заметила движущуюся толпу мужчин. В ее конце плелись сын и муж. Оказалось, это была команда моряков, которую пропускали группой, и каким-то чудом, под общий шумок, вместе с ними пропустили и ее мужчин. Сервиз, конечно, вывезти не разрешили, он был слишком дорогой. Багаж, кроме ручной клади, Мирвори с собой не брала, потому что знала, что на середине пути они покинут этот самолет навсегда.

Пассажиры прошли на посадку. Через некоторое время огромный воздушный лайнер уже набирал скорость.

– Ну, всё! Слава богу, мы летим, – прошептала Мирвори, облегченно вздохнув.

Но до счастливого конца было еще далеко...

Когда самолет после приземления в Англии взял курс на Канаду, по салону прошел слух, что в связи с происшествием на предыдущем рейсе при посадке самолета на дозаправку в аэропорту Гандер пассажиров из салона выпускать не будут. Что произойдет дальше, еще никто не знал...

– Пусть только попробуют не открыть! Я выломаю дверь... – злобно прошипел сидевший по соседству пассажир из Белоруссии.

Лица людей были напряженными и озабоченными. Пассажиры знали, что борт самолета – это советская территория и что этот рейс, как, впрочем, и другие, сопровождает кадровый сотрудник КГБ – той самой уже полумертвой организации, которая, однако, из последних сил еще пыталась доказать свое хозяйское положение.

За иллюминаторами было темно, летели ночью. После пережитых волнений Мирвори безуспешно пыталась успокоиться. Приближались к Ньюфаундленду. Душевная тревога нарастала с каждой минутой. Семье Мирвори достались места прямо перед отделением бортовой кухни. Здесь над приготовлением

напитков и еды для пассажиров суетились бортпроводники. Вдруг она услышала, как за перегородкой строгий мужской голос тихо приказал стюардессе:

– Приближаемся к Гандеру, объявите пассажирам, чтобы при выходе они оставили в салоне ручную кладь. Нужно вернуть людей в самолет!

Тем временем лайнер шел на посадку. Бортпроводники вместе с сотрудником КГБ выстроились в центре салона, выжидая момент, чтобы сделать сообщение. Оловянные глаза на широком скуластом лице работника органов безопасности, одетого в хороший штатский костюм, презрительно наблюдали за пассажирами. Демонстрируя свою значимость, он колючим пронзительным взглядом впился в настороженные лица людей, заинтригованно следивших за происходящим в салоне. Как только пассажиры почувствовали, что шасси самолета коснулись земли, со своего места внезапно встала женщина и, обращаясь к проводникам, громко заявила на ломаном русском языке:

– Мы, граждане Перу в количестве 18 человек, заявляем, что назад в самолет не вернемся!

Как только дверь открылась, перуанцы устремились к выходу. Остальные пассажиры, граждане Советского Союза, торопливо хватая свои вещи, кинулись за ними. Спонтанно, не договариваясь друг с другом, русские, выстроившись в одну колонну, направились искать полицейского, чтобы сделать ему заученное в дороге заявление: «I seek refuge» (Я ищу убежища).

В этом строю, дружно шагавшем по залу аэропорта, было 27 евреев – жителей Москвы, Ленинграда, Минска, Кишинева, Нальчика и других городов Союза. В соответствии с положениями Женевской конвенции Канада была единственной страной в мире, которая принимала беженцев, спасавшихся от антисемитизма или пострадавших от него.

Для выяснения личностей пассажиров и причин сделанного ими заявления полицейский провел русскую группу к иммиграционному офису аэропорта. После регистрационных процедур всю группу расселили по квартирам, каждой семье выделили определенную сумму на недельное проживание и сопроводили на шопинг.

С первого дня пребывания в новой стране наши путешественники почувствовали широкое канадское гостеприимство. Ветер «Острова Свободы» слегка опьянил. Их удивляло всё: и многонациональное разноцветное население страны, и очень приветливое, дружелюбное отношение и к новоприбывшим, и друг к другу, разносторонняя государственная помощь любому независимо от цвета кожи и страны исхода, и опыт мирного сосуществования представителей разных национальностей! А еще их поразили своим изобилием магазины, прилавки которых ломились от товаров, в то время как в России магазины были совсем пусты. Ведь с конца 1980-х Страна Советов переживала далеко не лучшие времена: чувствовалось, что вот-вот наступит ее печальный конец.

Несколько недель Мирвори с семьей прожили в городе Гандере, а затем началось путешествие на материк через пролив! Щедрая Канада проявляла о беженцах свою заботу на протяжении всего пути: проезд и питание им были оплачены, в каждом пункте их радушно встречали, а провожая, снабжали провизией. Три дня они добирались из одного пункта в другой на пароме и автобусах. Дальше ехали на поезде. В вагоне было тепло и уютно. Его пол был застелен мягким ковром, а вдоль стен стояли мягкие раздвижные кресла, обтянутые цветным бараканом. В них было удобно, почти как дома, и Мирвори заснула под монотонный стук колес.

Ей снился странный сон, будто идет она с детьми и с мужем, а рядом с ними – спереди и сзади – движется толпа знакомых и незнакомых людей. Лица у всех были напряженные и уставшие. Все торопятся куда-то вперед. Она почувствовала, что под ногами скрипит вязкий песок, мешающий двигаться дальше, и увидела, что по обеим сторонам от вереницы людей вздымаются огромные водяные стены. Вдруг люди ускорили шаги, они почти бежали, кто-то за ними гнался. Дикий страх охватил бегущих... Наконец изможденный народ добрался до конца длинного пути, и две гигантские волны тут же сомкнулись за их спинами, поглотив узкий проход в морской пучине. Выбравшись на сушу, все стали петь и плясать, хлопать и кричать: «Мы дошли! Свобода!»

Она проснулась от шума и крика. Это ее попутчики хлопали в ладоши и громко кричали: «Приехали! Приехали!» Протирая сонные глаза, она вначале не могла понять, где находится и где видела этих людей. Да это же те самые люди – из ее сна! Это они бежали с ней по тому песчаному дну и теперь ликовали от радости!

Мирвори знала, что две с половиной тысячи лет прошло с тех пор, как евреев оторвали от родной земли, и вот настало время исхода из страны рабства. Такова история ее народа. И самое главное, она поняла, что каждый еврей, выходя из галута³, должен пройти по своему «песчаному дну», по тому узкому, начертанному ему Всевышним проходу, чтобы добраться до желанной СВОБОДЫ!

Что такое история? История – это сегодняшний день, уходящий в прошлое, которое уже не переделать. Люди живут и не замечают, что история необратима. Лишь годы спустя к нам приходит осознание того, что мы стали ее частью и были участниками тех событий, к которым невольно прикоснулись.

*Мы не вышли из рабства, а выйти нам всё же придется.
Лишь чуть-чуть постараться, а помощь Всевышним дается.
Пусть устали как черти, отбившись в тумане от стаи,
Нам свободу начертит Моше, поднимаясь над нами.⁴*

2010 г.

³ Галут – изгнание.

⁴ Из стихотворения Кати Капельниковой.

КОМПОТНАЯ СКАЗКА, или ФРУКТОВАЯ ЛЮБОВЬ

...М-да, день начался отвратительно. Она не могла самой себе внятно объяснить пережитое. Что это – судьба, предначертанная свыше? Или роковая случайность?..

Мысли металась в голове. Нет-нет, такое не могло быть сном! Уж слишком быстро и неожиданно всё произошло. Ее небрежно швырнули в неудобную темную камеру, и она с грохотом шмякнулась на что-то жесткое, больно ударившись лбом о стенку. От удара в висках нестерпимо заныло. Вокруг было сыро, мрачно и очень тихо. Сверху доносился резкий запах копченой рыбы, и почему-то сразу стало холодно. Вдруг кто-то резко пнул ее в бок. Она откатилась в сторону, забилась в угол, жалостно взвизгнув. На несколько секунд снова стихло.

– Простите, милочка, откуда вы? – раздался рядом бархатный голос.

– Я... я... росла в Тулузе, это во Франции, – едва донеслось сквозь всхлипы.

– Не плачьте, – попытался успокоить ее собеседник, и, очарованный нежным ароматом внезапно повеявшей свежести, негромко спросил: – Кто вы, милая леди?

– Г-гру-ш-а-а... Ска-жи-те, где я? – всхлипнув напоследок, отозвалась она, медленно приходя в себя.

– Уж не взыщите, мадам, за неожиданный пинок. Но что ж вы несетесь как угорелая незнамо куда?! – крихтя, вмешался в их разговор старый лысый Лимон, сидевший напротив. Именно на него в самом начале и налетела незваная гостья.

– Почему же «мадам»?! – обиделась молодая особа.

– Конечно, не мадам... Вы мадмуазель! – тут же поправился обидчик и буркнул: – Ну а я буду синьор Лимон с Сицилии.

– Да? А я – мадмуазель Дюшесси! – важно встряхнув листиками на макушке, повторно представилась Груша, подчеркивая каждое слово.

– Разрешите познакомиться! Камрад Гранат, бакинец, родом из Азербайджана, – дружелюбно парировал обладатель приятного голоса, стараясь снова обратить на себя внимание. – Милости просим в нашу компанию, живем здесь второй месяц и давно освоились. Всё бы ничего, но иногда гремит жутко...

И тотчас вокруг зазвенело, затряслось, загрохотало, изрядно напугав гостью.

– Не бойтесь, это холодильник, свойство у него такое – звуки разнообразные издавать, – рассудительно пояснил камрад.

– Представляете, а нас... нас вместе с сестрами сорвали с дерева, – заикаясь от страха, начала мадмуазель из Тулузы, лишь только стихло. – Как же хорошо было на солнышке! Но нас собрали в корзины – и в грузовик, а потом мы куда-то полетели... в другую страну... Оттуда-то я и попала в этот страшный душный ящик. Что же теперь со мной будет? – тоскливо спросила она, вглядываясь в темноту.

– Успокойтесь, почувствуйте себя как дома. Отдохните от волнений, а я всегда к вашим услугам, – галантно ответил постоялец из Баку. Повисло напряженное молчание. Казалось, оно будет длиться и длиться, но не прошло и нескольких секунд, как он заговорил снова.

– Вот я... – Гранат смущенно пожал плечами, подыскивая слова, – я могу рассказать о себе, если хотите...

Груша, вздохнув, вежливо кивнула в знак согласия.

Гранат рассказывал ей историю, как некий старец посадил маленькое деревце у порога своего дома на окраине большого города. Деревце выросло, обрело силу, раскинуло крепкие ветки под лучами жаркого бакинского солнца – и весной зацвело алыми нежными цветами.

– Дивные цветы были похожи на звезды, – говорил рассказчик, перебирая в памяти счастливые дни своей жизни на роскошном дереве. – А в конце лета пышные ветви дерева свисали

аж до земли под тяжестью бордовых плодов, в которых гнездились яхонтовые зёрна. Спелые сочные зёрнышки горели, словно рубины, и каждое наполнилось волшебным ярко-красным соком.

Мадмуазель, жавшись от холода и почти не дыша, заворожено вслушивалась в его слова. Они сладостным стуком отзывались в крошечном сердце.

– Плоды менялись под теплым светом полночной луны. Красный цвет принимал густую багровую окраску, дающую ощущение загадочности и великолепия... – Гранат с трепетом вспоминал былое и вдруг, прищурившись хитро, сказал: – Этот плод с древних времен почитают на Востоке королем всех плодов. Когда-то, очень давно, царь Соломон приказал изготовить для себя корону. Царский головной убор формой своей напоминал чашечку, которая, как корона, украшала верхушку диковинного плода гранатового дерева.

– Аха-ха-ха, тоже мне король! – ехидно закричал, не утерпев, старый сицилиец.

– Помолчите, вы слишком несдержанны! Я вас не перебивал, – недовольно заявил рассказчик.

– Тьфу... ну вот еще! – брезгливо сморщился Лимон.

– Ах, не спорьте, друзья, – огорчилась Груша и протяжно добавила: – Не мешайте! Мне интересно, дайте дослушать...

И шепнула сидевшему рядом Гранату:

– Продолжайте!

Не сдержав победного ликования, тот горделиво выпрямился, покачивая головой, на макушке которой лишь обломки зубчатого венца напоминали о былой роскоши. Но сейчас камрад не думал о своей короне, он был безмерно рад, что мог кому-то рассказать о любимом дереве, об атласных его листьях и волшебных плодах, о яхонтах, прятавшихся под гладкой упругой кожей, и их полезных свойствах.

– Сок зёрен, – восторженно и важно заключил Гранат, – напоминает кровь, несущую жизненную энергию, а само дерево является символом смерти и воскрешения!

Словоохотливый сосед ожил рядом с ней, забыв о холоде, темноте и о дурном запахе, который витал в этом отвратительном пространстве и к которому невозможно было привыкнуть.

Он радостно ловил аромат зеленых листков, прочно сидевших на плодоножке, которые вздрагивали кокетливо, как крылья бабочки, когда Груша в знак согласия кивала прелестной головкой. Свежий и сладкий грушевый запах напоминал ему о далекой родине – и он с жадностью впитывал каждый миг общения с Грушей. Слово за словом они нашли общий язык, а через какое-то время она, сама того не замечая, привязалась к нему. Рассказы забавляли ее, слова затрагивали струны ее души, и неожиданно молодая особа поняла, что нечто близкое уже связало их. Гранат без умолку говорил о своей вечной любви, стремясь покорить ее сердце, и в конце концов в ней разгорелось незнакомое ответное чувство, справиться с которым мадмуазель и не пыталась. Они познакомились лишь несколько часов назад, но время летело незаметно, и влюбленным было невдомек, что вот-вот на них совершенно неожиданно свалятся какие-то неприятности.

Камрад нащупал где-то рядом заостренную палочку и неспешно взялся за работу. Он с усердием выцарапал на своей гладкой груди две крохотные начальные буквы «Г», и буковки замысловато сплелись в зеркальном отражении. Он расположил их крест-накрест, а затем украсил верхушки крошечными коронами. Когда он осмотрел готовый витиеватый рисунок, сердце его защемило от радости, он широко улыбнулся. Красиво! Гранат и Груша – означали инициалы.

...Впустив внутрь электрические лучи, дверь холодильника вдруг со скрипом распахнулась. Его обитатели боязливо переглянулись, притихли. Жизнерадостная улыбка Граната пропала, в душе что-то тревожно сжалось. Крепкая волосатая рука ухватила фрукты и бросила в раковину. Что было дальше, несложно предугадать...

Холостяк Хаим редко наводил на кухне порядок, хотя любил похозяйничать у плиты. В тот воскресный вечер он решил побаловать себя любимым грушевым компотом. Две груши он достал из стоявшей на столе вазы, поплескал плоды в воде и тонкими пластинами нарезал их на кухонной доске. Когда забурлил сахарный сироп, Хаим проворно скинул туда ломтики и тут заметил, что воды в кастрюле намного больше, чем фруктов. Тогда-то он и вспомнил про запасную грушу, которую

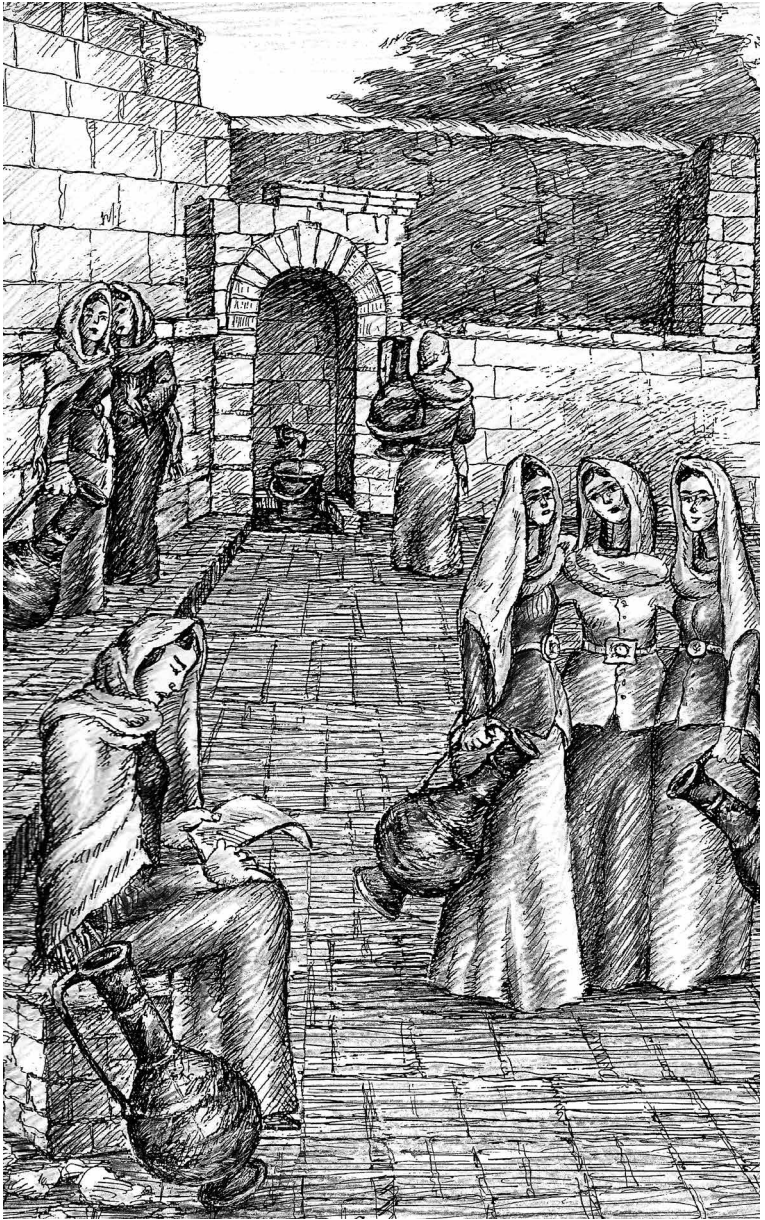
небрежно бросил в холодильник утром, вернувшись из магазина. Заодно он схватил и гранат, торопливо почистил его на той же доске, небрежно раскидывая кожуру по сторонам, и сразу же опустил в рот горсть мясистых красных зёрен. Ощутил приятную сладость влаги, льющейся из сочных зёрен, ловко смятых крепкими белыми зубами: «Ох как здорово!» Последнюю грушу, так же сноровисто нарезав, он небрежно смахнул в сироп вместе с остатками зёрен и кусочками гранатовой кожуры, на которые сперва не обратил внимания.

Скоро компот был почти готов. Распаренные фрукты тихо-мирно томились в собственном соку, вкусный аромат стремительно насыщал воздух на кухне. Хаим налил компот в широкий прозрачный стакан. Густой медово-розоватый сироп покрыл нежные дольки груши, меж которых на дне лежало несколько красных зёрнышек. На поверхность сиропа неспешно поднимался оборванный кусочек гранатовой шкурки с переплетающимся на нем вензелем. Хаим, изо всех сил сжимая подсохший лимон, выдавил несколько капель в компот. Капли сока плюхнулись прямо на гранатовую шкурку, которая, отскочив от удара, медленно поплыла по краю хрустального стакана, описывая неровные круги.

...Вот так однажды старый Лимон стал невольным свидетелем случайной фруктовой любви.

2014 г.

*Рассказ написан
для литературного конкурса «Еврейский АрАмАт»,
проводившегося на сайте STMEGI.com.*

ЛАБИРИНТЫ СУДЬБЫ

ПОВЕСТЬ

*И рассеет тебя Господь среди всех народов,
от края земли и до края земли.*

Дварим, 28:64

*И Он сказал Аврааму: знай, что пришельцами
будут потомки твои в земле не своей...*

Берешит, 15:13

ЧАСТЬ I

Молодая женщина неслышно подошла к резному деревянному комоду у стены, зажгла свечи в массивном серебряном подсвечнике. Комната наполнилась янтарным сиянием, язычки пламени вздрагивали от прерывистого дыхания. Прикрыв ладонями лицо, она вполголоса сосредоточенно молилась, и теплые огоньки сливались со словами молитвы, трепетно звучащей в тишине.

Шунамит встречала шабат. Помолившись, она еще раз похозяйски оглядела празднично убранную комнату и вышла на открытую деревянную веранду. Их большой дом уютно расположился на одном из холмов в живописной горной местности, и отсюда, сверху, всё селение открывалось как на ладони.

Весенний ветерок раздувал платок из темно-зеленого шелка, под которым прятались тугие косы. Шелк спадал на плечи и, переливаясь в лучах заходящего солнца, подчеркивал цвет

синих глаз, оттененных густыми ресницами. Она стояла неподвижно, всматриваясь вдаль, и порывы ветра играли складками длинного платья. Серебряный пояс работы искусного кубачинского мастера плотно облегал тонкую талию.

Природа пробуждалась от зимней спячки, оживляла суровое величие кавказских гор. Наперебой чирикали птицы, обмениваясь новостями о чем-то своем, птичьем. Горы укрылись нежным бархатом яркой зелени, в воздухе витали дурманящие запахи разнотравья.

Погруженная в свои мысли, Шунамит не отрывала глаз от горной речки, которая грохочущим потоком стремилась вниз и затем журчащей лентой вилась среди зарослей фруктовых деревьев. Перед ее взором промелькнули юные годы, когда ее, 13-летнюю девчущку с черными как смоль косами, сосватали за известного в округе жениха из знатного рода. Захарий был старше Шунамит на 10 лет. Он выделялся на фоне остальных местных парней, был очень высок, строен и хорош собою – удлиненное смугловатое лицо украшали пышные черные усы, темно-карие глаза излучали спокойствие и доброту. Захарий получил хорошее по тем временам образование в религиозной школе в Виленской губернии¹ и производил впечатление интеллигентного человека. В далеких 1870–1880-х годах так уж повелось, что состоятельные евреи с Кавказа отправляли сыновей учиться в чужую северную страну... А после того как Захарий вернулся домой, родители сыграли им свадьбу.

Незаметно пролетели несколько лет, и Шунамит расцвела. Она привыкла к замужней жизни и, освоившись, наладила добрые отношения с мужем и новой родней. Едва переступив порог его дома, она показала себя не по годам хозяйственной и практичной, всегда с полуслова понимала и одобряла мужа. Захарий обожал молодую жену с ее мягким характером,

¹ Виленская губерния с главным городом Вильна (ныне Вильнюс) – одна из почти 80 губерний Российской империи, сейчас ее территория разделена между Литвой и Белоруссией. К XIX – началу XX столетия город Вильна стал важным центром еврейской культуры, там располагалось большое количество еврейских учебных заведений – хедеров, училищ и ешив, где преподавание велось на идиш и иврите.

скромную и трудолюбивую, и втайне гордился ее красотой. Желания ее никогда не оставались без внимания. По ее просьбе он каждую неделю впрягал лошадь в арбу, наполнял телегу мукой и продуктами, а потом развозил всю эту снедь по поселку и раздавал бедным семьям к шабату. Он замечал в глазах жены с трудом скрываемую и переполнявшую ее сердце радость – это невероятно вдохновляло его, и он старался во всем угодить своей Шунамит. Семейная жизнь молодой пары текла неспешно, своим чередом, и, казалось, всё в ней было устроено. Но, к сожалению, людям не дано предвидеть будущее – и никто в момент счастья не ведает, чем придется за него заплатить...

Между тем неумолимое время вело свою разрушительную работу. Уже пятнадцатый год, зажигая свечи на шабат, обращала Шунамит взор к небесам и молила Творца послать ей дар материнства. Продолжение рода было одной из высших ценностей еврейской семьи, а бездетность считалась величайшей трагедией и позором... И у Шунамит постепенно крепло чувство вины, возникло и не уходило неприятное ощущение, к которому она никак не желала привыкнуть и которое обычно испытывает бездетная женщина, не сумевшая сделать супруга счастливым отцом. Об этом и думала Шунамит, стоя на веранде в ожидании мужа и созерцая величие гор. Она прислушалась к шуму бурлящей реки, вода которой искрилась в лучах уходящего солнца. Размышления прервал скрип калитки. Словно очнувшись от сна, женщина встрепенулась и заторопилась встречать мужа, гоня прочь печальные мысли.

Отворяя дверь дома, Шунамит приветливо поздоровалась с мужчинами, пришедшими с Захарием, и пригласила в просторную гостиную, где полы были застелены большими шерстяными сумахами – коврами ручной работы. Некоторые из них ткала сама Шунамит, придумывая для каждого ковра затейливый рисунок.

Гости оживленно расселись – и тут же смолкли. Керосиновые лампы на высоких подставках посредине большого обеденного стола освещали их лица живым огнем. Стараясь не упустить ни слова, они внимали молитвам, которые перед трапезой читал хозяин дома. Когда Захарием произнес благословение на вино, все в один голос ответили на него традиционным

«аминь!». Домработница Зулпо, помогавшая Шунамит по хозяйству, принесла полотенце, медный таз, ведро с водой и кружку для омовения рук. Сполоснув руки, все вернулись к столу. Укрытый вышитой салфеткой пшеничный хлеб лежал на серебряном подносе, дожидаясь благословения, и только после него все приступили к еде, которую Шунамит загодя расставила на столе.

Захарие нравилось всё, что с таким старанием готовила его жена. Каждую пятницу она поднималась рано утром, чтобы замесить тесто для хлеба. Рядом с кухней было отдельное помещение – куругхунэ, где находился куруг – большая глиняная печь округлой формы. Огонь в печи разжигали дровами, в ней выпекали мацу на Песах, а в другие дни – хлеб и пироги. Летом Шунамит пекла хлеб во дворе в жарком тонуре – вырытой в земле яме, обмазанной изнутри огнестойкой глиной. Она сама любила выпекать хлеб и готовить еду. Разве можно с чем-то сравнить необыкновенный вкус круглых домашних чурекков? А тара – искусное блюдо из тушеного на подсолнечном масле рубленого мяса с луком и душистыми горными травами? По четвергам Шунамит с Зулпо собирали травы на соседней горке, заготавливая к пятнице основу этого вкуснейшего кушанья! Ни одна трапеза в горско-еврейской семье не обходилась без сочной свежей зелени – кинзы, петрушки, укропа и острого на вкус кресс-салата. На столе стояли блюда с жареной рыбой и самыми разными соленьями на закуску. Исключительно на шабат готовили нермов – густой мясной суп с фасолью и крупами, в котором томилась заранее приготовленная орды – кишка, начиненная кусочками жира, обжаренным луком и мукой. К столу подавали и аппетитные чуду – пирожки из тонкого теста с мясным фаршем.

Кастрюли с блюдами стояли в глиняной печи. Ее полукруглое отверстие плотно закрывалось тяжелым металлическим щитом, чтобы догоравшие угольки сохранили еду горячей для трапезы следующего субботнего дня – поскольку в субботу прикасаться к огню для разогрева пищи строго запрещал закон. На десерт Шунамит и Зулпо подавали горячий чай с мёдом и душистым вареньем из айвы. Украшали стол сухофрукты и леках – похожий на луну воздушный бисквитный пирог. За

чаем гости с интересом слушали истории из Танаха, которые любил рассказывать Захариё.

...Минул еще один шабат, началась новая неделя. Рано утром, после молитвы и завтрака, Захариё отправился по обычным своим делам. Он был хозяином нескольких цехов по выделке шкур и переработке кожевенного сырья для пошива шапок, шуб и других меховых и кожаных изделий. Мягкая кожа, обработанная в цехах Захариё, пользовалась особым спросом у чеченцев, приезжавших из соседних сел. Из нее шили ичыггы – мужские высокие сапоги с узким голенищем.

К вечеру Шунамит, как всегда, выбежала на веранду встречать мужа. Безрадостные мысли о том, что судьба обделила ее, лишив возможности стать матерью, отныне не покидали женщину. Чем больше она думала о муже и своей невольной вине перед ним, тем сильнее желала ему счастья. Ее вдруг охватило желание женить Захариё!

Муж вернулся с работы уставший и, поужинав, вышел в сад отдохнуть на большой деревянной тахте. Накрытая ковром лежанка уютно расположилась под старой яблоней, густые ветви которой сплелись в беседку, укрывавшую от яркого солнца. Шунамит тихонько подошла и села рядом. Ей хотелось всё ему рассказать, поведать, отчего так тяжело на сердце... Неспешно сообщая о событиях дня, Шунамит старалась казаться веселой, даже беспечной – а сама раздумывала, с чего бы начать волновавший ее разговор. Ох, как же это нелегко! Она безумно и преданно любила Захариё – и знала, что и муж души в ней не чаял.

– Лудильщик приходил, кувшин после ремонта вернул. Все дырочки на дне аккуратно запаял, пролудил его и почистил даже, кувшин теперь сияет как новенький! – с притворной радостью воскликнула она. – Еще я ходила за водой к роднику, где увидела Истыр, дочь Ильягу. Пока она с женщинами стояла в очереди, я со стороны наблюдала за ней. Какая же она миленькая! Всегда с улыбкой меня приветствует... Эта славная девушка очень мне нравится!

Захариё, лежа на расшитых золотистой нитью шелковых подушках, вдыхал горный воздух, напоенный ароматом цветущих деревьев. Он безмятежно наслаждался мелодичным

голосом жены, полужакрыв глаза и не особо вникая в смысл ее слов. Шунамит понимала это – и продолжала:

– А знаешь? Я вот что подумала: права была Сара, жена прародителя Авраама, когда привела к мужу служанку Агарь. Захарий, я давно собиралась с тобой поговорить... – Голос ее дрогнул. – Я... я знаю, наши с тобой отношения наполнены взаимным уважением, и всё же не в силах вынести груз своей вины. Пойми, не могу я видеть тебя несчастным и не желаю обречь семью на позор бездетности...

Захарий вдруг начал задыхаться, в груди защемило. С трудом переведя дыхание, он привстал и потрясенно выдавил:

– Да что ж ты такое говоришь, Шунамит?!

– Помоги мне! – умоляюще обратилась она к мужу, но тут же, стараясь казаться невозмутимой, сменила тон и деловито закончила: – Я всё продумала, ты возьмешь в жены Истыр, чтобы через нее у нас появилось дитя. Она нарожает детишек, и мы будем вместе жить и вместе их воспитаем.

Смятение охватило Захарий. В глубине души он понимал, что Шунамит права. Вот только как справиться с тем сильным чувством любви к женщине, которое коснулось его сердца много лет назад и осталось навсегда?! Молчание затянулось. Не находя в себе сил возразить жене, Захарий отвернулся и недвижно смотрел вдаль. Шунамит поправила спадавший с головы платок, пытаясь прикрыть лицо, чтобы муж не заметил, как по щеке медленно сползала слезинка. Не позволив себе даже минутной слабости, она подошла ближе.

– Не волнуйся, всё будет хорошо, всё наладится, просто нужно время! – Шунамит успокаивала и себя, и мужа. Захарий так и не проронил ни слова.

После разговора прошло несколько дней. Шунамит замкнулась в себе, избегала разговоров на эту тему, стараясь не расстраивать Захарий. И всё же вскоре произошло то, что Шунамит и задумала. Только странное у них вышло расставание – «расходились» они, полные нежности друг к другу...

Свадьбу сыграли летом, и Истыр вошла в дом как законная жена Захарий. А Шунамит в день свадьбы, нарядившись в новое платье из синего бархата, надев золотые украшения

и накинув синее, в тон платью, гюльбенды – большой шелковый платок, встречала гостей как близкая родственница жениха. Вела она себя так, будто не происходило в тот день ничего, лично ее касавшегося. Свадьбу праздновали семь дней, и всё это время дом был полон гостей, прибывавших из соседних аулов пешком, на лошадях или ишаках.

Черета свадебных торжеств миновала, и Шунамит стала знакомить молодую жену Захариё с домом, не забывая рассказывать о нраве и привычках его хозяина. Вечерами, когда Захариё возвращался домой, они всегда ужинали втроем. Шунамит старалась быть доброжелательной и искренней с Истыр и Захариё и к новому своему положению относилась с бесконечным терпением. Но чего ей это стоило!

Время с вечера и до утра тянулось теперь неимоверно тяжело. Бесконечными ночами она оставалась в полном одиночестве в самой дальней комнатке, куда переселилась еще до свадьбы, указав Зулпо подготовить молодоженам свою прежнюю спальню. Затушив лампу, ночи напролет она металась в холодной постели, невеселые мысли отгоняли сон. Шунамит вспоминала, какой счастливой и безмятежной была ее жизнь до этой свадьбы, как была она единственной, полновластной хозяйкой и любимой женой. Она уговаривала себя, что поступила правильно, но сердце разрывалось от любви, ревность пожирала ее. Упрекая себя в безрассудстве, она вновь и вновь задавалась вопросом: «Что ж я наделала, зачем уступила свое место? Я же сама еще молода, а осталась одна... Как жить теперь будешь, Шунамит?!»

Подушка промокала от слез. Шунамит страдала, чувствуя себя покинутой, одинокой. Потом успокаивала себя: мол, жизнь подкинула ей испытание, и она должна с достоинством пережить его ради любимого человека. И тут же нещадно корила себя за слабость, за терзавшие душу бесчисленные сомнения – находя утешение в мысли, что дети сэберегут их семейное счастье и что она из породы людей, которые не меняют своих решений.

Постепенно жизнь всё расставила по местам. Молодая невестка относилась к Шунамит с почтением, да и Шунамит очень скоро с ней сдружилась. Жизнерадостная 17-летняя Истыр была высокой и слегка полноватой девушкой, и оттого

выглядела старше своих лет. Красавицей ее не назвали бы, но она отличалась миловидностью. Длинные брови сходились над переносицей, придавая карим глазам особую выразительность, и тонкий, чуть длинноватый нос с заметной горбинкой совсем не портил ее лицо. Свежий румянец на нежной загорелой коже и ласковая улыбка придавали ей редкое очарование. Она понимала положение Шунамит, правильно оценив причину своего появления в доме и свое место в нем. В то время в семьях горских евреев двоеженство было обычным явлением, к тому же Истыр доводилась Захариё дальней родственницей – она была дочерью двоюродной сестры его матери.

Шунамит и Истыр часто гуляли в своем саду. Однажды ранней осенью они собирали персики, и вдруг девушка побежала по спускавшейся к речке тропинке, опустила на большой камень. Порывисто дыша, зачерпнула ладонью прохладную воду, умыла лицо.

– Что с тобой, милая? – поспешив за ней, испуганно спросила Шунамит.

– Отчего-то голова закружилась, в глазах потемнело. Думала, упаду...

– Похоже, ты переутомилась, такая жара сегодня! Попей воды, – предложила Шунамит, но потом, взглядевшись в ее лицо, воскликнула: – Да ты, кажется, беременна?!

Она помогла побледневшей Истыр подняться с камня и запричитала:

– Ненапрасными оказались мои ожидания! Барух Хашем!² Наконец-то мои молитвы услышаны... – И, направляя Истыр к дому, по-матерински заботливо добавила: – А теперь тебе следует подкрепиться и немного отдохнуть.

В положенный срок подошло время родов – и к ним готовились обе женщины. При родах Шунамит вела себя так, будто роженицей была она сама. Истыр рожала полулежа, расположившись ближе к краю широкой тахты, а Шунамит, несмотря на присутствие повитухи, сидела у изголовья, ни на минуту не отходя и стараясь подбодрить ее в момент болезненных

² Барух Хашем! – Слава Всевышнему! (на языке джуури)

схваток. Прохладной тканью она вытирала пот с лица измученной женщины, поила теплыми отварами и настойками из трав, чтобы ослабить приступы боли.

– Молодец, всё будет хорошо, вот увидишь! Только потерпи, милая... – Она хвалила и успокаивала Истыр, помогая преодолеть страх.

– Ой-ей, не мог-у-у! – истошно завопила Истыр.

– Еще немного осталось... Тужься... еще разок! Всё получится... ты сможешь... – уговаривала Шунамит.

Она страдала сейчас вместе с бедной женщиной. Шунамит помогла роженице присесть, потом сама подсела на край тахты, подсобила ей перебраться на свои колени и, крепко обхватив Истыр, дала возможность опереться на себя всем телом.

– Облокотись на меня, не бойся. Давай-ка вместе попробуем, я тебе помогу, – подбодрила Шунамит.

Напрягаясь изо всех сил, в два голоса заорали обе. В момент последний схватки, сжавшись от боли, Истыр издала неистовый крик, за которым наконец-то последовал плач новорожденного. Женщина, принимавшая роды, объявила о рождении мальчика. В ту минуту Шунамит казалось, что счастье, которое она ждала долгие годы, внезапно влетело в комнату и закружилось над нею. Обезумев от радости, она обнимала и целовала обессилившую от родов Истыр. Повитуха, ловко обработав новорожденного, закутала его в одеяльце и передала Шунамит. Та широко улыбнулась, бережно взяла младенца на руки, нежно прижала к себе.

С тех пор Шунамит всегда находилась рядом, помогая ухаживать за малышом. Первенца назвали Шимрииль. Позднее Шунамит принимала непосредственное участие и в кормлении младенца – изобретенным ею способом. Сцеженное грудное молоко она переливала в бутылочку, подкладывала ее в прорези на своем платье, просовывала соску и кормила малыша, имитируя грудное вскармливание. Истыр покорно наблюдала, как Шунамит старалась приучить ребенка к себе.

...С искренней материнской любовью женщина вырастила троих сыновей и дочь. Шунамит пела им колыбельные, купала, кормила, журила за проказы, учила и рассказывала сказки. Дети звали ее мамой. Девочке дали имя Элишвагъ, среднему

сыну – Геврииль, младшему – Симанду. Его Шунамит полюбила больше всех. Ей казалось, что младший внешне очень похож на отца, любовь к которому еще жила в ее сердце. Симанду родился слабеньким, и, несмотря на все старания и заботу Шунамит, ему часто нездоровилось, поэтому она относилась к нему с особенной нежностью.

Когда ее любимцу исполнилось всего 8 лет, ребенок тяжело заболел. Это случилось морозной, суровой зимой. Дороги в горах замело, снежные лавины перекрыли все пути, и врач долго не мог добраться до них.

Чего только не делала Шунамит, стараясь вылечить сына. Но ни целебные травы, которые она каждое лето собирала в горах, ни душистое малиновое варенье, ни терпкий горный мёд не спасли мальчика. Симанду умер, замученный лихорадкой.

Ранняя смерть мальчика потрясла всю семью. Дом погрузился в траур. Похороны в соответствии с обычаями состоялись в тот же день, и начались они с чтения псалмов и кадиша³. Перед этим было совершено ритуальное омовение тела, которое облачили в простой белый саван, чтобы подчеркнуть равенство богатых и бедных перед лицом смерти, – обычай этот пришел из глубокой древности. Раввин общины совершил ритуал разрывания одежд ближайших родственников семьи покойного. Надорванную одежду семья Симанду носила всю неделю траура кроме субботы.

Заслышав печальную новость, в дом Захариё приходили женщины и мужчины со всего селения и окрестностей – пособлезновать и выразить почтение семье умершего. Страданиям Шунамит не было конца, она рыдала в отведенной для женщин комнате. Все дни траура женщины сидели на мягких подушечках рядом с ней на застеленном шерстяными коврами полу. Поочередно поднимаясь, они нараспев заунывно оплакивали покойного – казалось, скорбел и плакал по нему сам дом.

Еще несколько месяцев Шунамит пребывала в горе, сердце ее было разбито, и никто не в силах был ее утешить.

Смерть обычно застаёт людей врасплох. Шунамит заболела, не выдержав расставания с любимым сыном, и вскоре

³ Кадиш – поминальная молитва.

скончалась. Долгие годы замужества всё тепло своего сердца она отдавала семье и детям. Женщина будто соответствовала своему древнееврейскому имени, которое означает «мир». Внезапный ее уход стал ударом для всех. Похоронили ее на местном кладбище, рядом с могилой Симанду.

ЧАСТЬ II

Спустя некоторое время после печальных событий Захариё переехал с семьёй в Темир-Хан-Шуру, где сразу наладил свое производство по выделке и обработке шкур. Дела шли успешно, отовсюду поступали заказы, и он даже открыл еще один цех по пошиву меховых изделий, особенно хорошо расхваливших в условиях суровой горной зимы. Добрая молва о его товаре неслась по городам и селам, к нему съезжались купцы со всего Кавказа. Постепенно Захариё привлек к делу и обоих сыновей.

Старшему, Шимриилю, исполнилось уже 20 лет, и родители задумали женить сына. Невесту сперва подыскивали в соседних селах, а затем в один из осенних дней отправились в Дербент – город на берегу Каспия. Здесь, между морем и горами, с давних пор обосновалась большая еврейская община. Древний Дербент был похож на коридор, огороженный двумя длинными городскими стенами, полностью закрывавшими проход к горам и спускавшимся к морю, образуя порт. Окружавшие город мощные укрепления защищали его от опустошительных набегов соседних кочевых племен.

Три дня семья добиралась в крытом экипаже до Дербента, путешествие по горам оказалось нелегким, а на середине дороги путников застал проливной дождь. Подъезжая к городу, Истыр и Шимрииль с любопытством рассматривали улицы.

– Тут живет мой старый друг Шомоиль, – сказал жене Захариё. – Он не раз звал меня в гости, и я слышал, что у него три дочки растут. Мы его тоже навестим.

Когда они проезжали джуур махале⁴ и почти добрались до дома Шомоиля, карета неожиданно завязла в не просохшей после вчерашнего ливня грязи. Пожилой Нафтоли, служивший

⁴ Джуур махале – еврейский квартал (на языке джуури).

у Захариё кучером, заглянул под карету и с кряхтением принялся очищать колеса. Чтобы время не пропадало попусту, Шимрииль с матерью вышли подышать свежим воздухом и прогуляться вдоль улицы, на которой стояла большая синагога «Келе-Нумаз». Парень с удивлением разглядывал возвышавшуюся вдали крепость Нарын-кала, воздвигнутую много веков назад. Сами камни ее свидетельствовали, что более чем за тысячелетие громадная квадратная башня и окружавшие древний город прочные стены выдержали не один штурм...

Внимание Истыр привлекли веселые крики игравших на улице детей. Одна из девочек постарше стояла в сторонке, наблюдая за игрой.

Истыр подошла, поздоровалась.

– Девочка, скажи-ка, где нам найти двор Шомоила?

Та кивнула на распахнутые ворота ближайшего дома:

– Вы Шомоила ищите? А я его дочь Тури, присматриваю за младшими сестрами.

– Сколько же тебе лет? – поинтересовалась Истыр.

– Пятнадцать скоро.

Они разговорились, и девочка, поправляя платок на голове, охотно отвечала на вопросы приезжей – дома ли родители, чем они сейчас заняты, сколько сестрам лет...

«Хорошая девочка, смышленная. Правда, совсем еще ребенок. Но надеюсь, что сумею вырастить из нее достойную жену для тебя...» – не без гордости рассуждала про себя Истыр, поглядывая на сына.

Время было такое – девочек выдавали замуж рано, очень рано... Закон, по которому жили евреи, не указывал наилучший возраст девушки для вступления в брак, но предполагалось, что, когда ей исполнится 12 лет, отец уже должен задуматься о поиске жениха.

Истыр и Шимрииль вернулись к своему экипажу, и женщина поспешила поделиться с мужем новостью:

– Мы почти подъехали к дому Шомоила, – сказала она, указывая в сторону ворот, на которых виднелась резная коробочка мезузы, свидетельствующая, что в этом доме придерживаются еврейского образа жизни.

– Мой друг будет рад нам, – с улыбкой ответил Захариё. – В этом горном краю евреи с почтением и уважением относятся

к гостю. Расскажу вам историю праотца нашего Авраама, который отправился повидаться с изгнанным им сыном Ишмаэлем, проживавшим в пустыне Паран. Не застав сына дома, Авраам попросил его жену: «Дай мне малость хлеба и воды, ибо ослаб я после путешествия по пустыне». Она же ответила, что нет у нее ни хлеба, ни воды. И говорил он ей: «Когда вернется Ишмаэль, скажи ему: «Некий старик из земли Ханаан приезжал повидать тебя и сказал: «Поменяй порог в доме твоём, ибо не годится он для тебя». Когда Ишмаэль вернулся домой, жена передала ему эти слова, и он всё понял, ведь сын мудреца сам наполовину мудрец. Послала затем сватов мать Ишмаэля в дом своего отца за новой женой для Ишмаэля, звали которую Фатима. Вот как было...

Положив руку на плечо сына, Захарий добавил:

– И мы тоже, словно Авраам, пришельцы здесь. Предки наши помнили об этом и испокон веков ревностно соблюдали законы гостеприимства!

Экипаж подкатил к воротам Шомоиль. Хозяин, радушно встретив гостей, пригласил в дом и предложил присесть на длинную тахту, покрытую цветным ковром. В комнату бесшумно вошла его жена Руты, неся большой поднос с фруктами, орехами и виноградным напитком. Скромно опустив глаза и поприветствовав приезжих, она столь же бесшумно удалилась, не мешая мужу угощать гостей и занимать их разговорами.

– Как доехали? Понравился ли наш город? – улыбнулся хозяин.

– Ох, дождь помыл нас в пути! – шутливо ответил Захарий. – Мы даже застряли, но, к счастью, совсем недалеко от твоего дома... Пока выбирались из грязи, Шимрииль успел немного прогуляться. Вот он тебе всё и расскажет.

– Красивый у вас город, – подхватил Шимрииль. – Я сразу это заметил. Мы с мамой с интересом разглядывали улицы. А как давно вы здесь живете, дядя Шомоиль?

– За полгода до рождения Тури я приехал сюда с семьей и тремя моими сестрами, – начал рассказ Шомоиль и с горечью добавил: – Илягъу, отец наш, не дожив до преклонных лет, умер от старых ран, полученных в боях с бандитами. Мы похоронили отца в родном селении.

– Да будет благословенна память о нем, – с сочувствием произнес Захарий и напомнил: – Ты как-то рассказывал о героическом поступке Илягъу, когда на ваше село напали горцы...

– Отец был очень сильным, крепким. Слава богатырская шла о нем по всей округе. Люди уважали его и называли Бебе⁵... – Шомоил помолчал. – Жили мы в высокогорном селении Нукол недалеко от Дербента. Семьи наши постоянно пребывали в тревоге, ожидая очередного набега горцев. Весть о том, что погромщики вновь движутся к нам, мигом облетела всё село, их ждали со дня на день. Путь к селу пролегал через горное ущелье. Мужчины со всех еврейских домов собрались на горе у окраины поселка и решили устроить засаду на налетчиков в самом узком месте ущелья. Ничего не подозревавший отряд горцев направился к селению по этой дороге. Отец и остальные мужчины расположились на вершине горы, другие сельчане носили наверх камни, укладывая их на краю обрыва. Бандиты неспешно пробирались по крутым тропам, и когда оказались в самом узком месте, на них с грохотом обрушилась каменная лавина. Многие непрошенные гости погибли, остальные повернули обратно. Прошло несколько дней, но горцы больше не появлялись – как потом оказалось, они хотели притупить бдительность сельчан.

Дом наш стоял на самом краю села. Все ночи отец был в карауле, укрываясь на крыше дома. И вдруг в утренних сумерках он заметил, что в горной низине замелькали папахи бандитов. Он подал сигнал другу, чтобы тот разбудил остальных. А сам поторопился к большим деревянным воротам, которые, как огромный щит, заслоняли весь двор. Ворота были закрыты на гъили⁶, которым служило длинное отесанное бревно. Отец, быстро сняв его, вышел с ним за ворота, побежал к горе, куда взбирались горские головорезы, и затаился там в кустах. Горцы пробирались группами по два-три человека. Пока они озирались в сумерках, отец, ловко размахивая бревном, успевал мощными ударами уложить противников насмерть. Потом отбегал в свое укрытие, поджидая следующих чужаков. Так он

⁵ Бебе – отец (на языке джуури).

⁶ Гъили – засов (на языке джуури).

перебил довольно много бандитов, а затем на помощь из засады прибежали евреи, и уже все вместе они дрались с бешеной злостью...

Ожесточенная битва длилась почти три дня, а затем, с наступлением очередной ночи, сельчане пошли в последнюю атаку, и пришельцы обратились в бегство. Враг был окончательно разбит, большинство грабителей полегло, и бежать удалось лишь немногим уцелевшим. Но и у сельчан были потери... – Рассказчик махнул рукой и, заметив вопросительные взгляды собеседников, добавил: – А меня и сестер отец накануне прихода врагов спрятал в горах. Так мы и спаслись.

– И чем же всё закончилось? – нетерпеливо спросил Шимрииль.

– Банду прогнали из села, а за мужество и храбрость, которые отец проявил на горе, ее отныне стали называть Гъили Бебе, – торжествуя ответил гостеприимный хозяин и грустно вздохнул. – Много евреев, проживавших в высокогорьях, погибло в те годы. Бандиты забирали людей в плен, угоняли скот, грабили и убивали мирных жителей и под страхом смерти обращали их в мусульманство. В то время не осталось ни синагог, ни молитвенных домов, и лишь по субботам люди собирались в каком-нибудь большом сарае, где молились вполголоса, без песнопений. Если горцы вдруг узнавали, что евреи собрались для молитвы, они врываются туда, оскорбляли и избивали молящихся, а потом сжигали этот дом. Но люди всё равно крепко держались за веру своих отцов. Бывало и так, что евреи платили специальный налог, чтобы их не заставляли переходить в ислам. Те, кто не выдержал насилия, слились с лезгинами и табасаранцами, которые потом заселили почти все еврейские селения. Эти печальные события вынудили многих евреев перебраться в город, но еще долго они приезжали в свои сёла на кладбища, чтобы навестить могилы родных, – закончил Шомоиль невеселый рассказ.

Пока мужчины вели беседу, Истыр ушла на кухню и пообщалась с хозяйкой дома, стряпавшей еду. Когда горячие блюда были почти готовы, Руты расстелила на столе льняную скатерть – и на ней появились разнообразные яства и бутылки с вином из своего винограда. В присутствии гостей она всегда накрывала стол обильней, чем обычно.

Перед началом трапезы гости объявили хозяину о цели визита, и отец Тури не раздумывая ответил согласием.

Тури помогала женщинам накрывать на стол. Она всегда безропотно выполняла любые поручения Руты, которую Шомоиль привел в дом сразу после того, как дал развод ее матери и отослал в родительский дом. Прислушиваясь к разговору взрослых, она поняла, что речь идет о ней. Потом девочка удалилась в детскую комнату, где присматривала за своими сестрами и сводным братом. Хотя, по сути, она была еще ребенком, ей приходилось выполнять немало домашней работы, которой ее постоянно загружала мачеха. И сейчас, когда Тури догадалась, что миловидная незнакомка хочет забрать ее с собой, девочка даже обрадовалась, еще не до конца всё осознав...

Предчувствия Тури сбылись, и в назначенный день Шомоиль созвал гостей на сватовство дочери. А вскоре после того, как отпраздновали свадьбу, Тури уехала с родственниками жениха в Темир-Хан-Шуру.

Это было осенью рокового для России 1917 года, огромная страна переживала тогда тяжелые времена. Уже больше трех лет империя участвовала в Мировой войне⁷, и вот сначала, в феврале, рухнула монархия, а в октябре произошла еще одна революция, когда большевики разогнали всю прежнюю власть. Новоиспеченным Советам противостояло большинство населения. Зажиточные люди понимали, что случилась небывалая катастрофа, надвигается гражданская война, – и очень многие стремились покинуть родину, чтобы переждать смутное время за границей. Революционные потрясения докатились и до Кавказа.

Захариё, как и многие состоятельные люди, решил оградить семью от неблагоприятных перемен и собирался выехать на историческую родину, в Палестину, вместе со своей женой Истыр, дочерью Элишваг и двумя сыновьями – старшим

⁷ Мировая война, Великая война – общепринятые названия Первой мировой войны (1914–1918), так ее именовали до 1939 года, т.е. до начала Второй мировой. В России ее называли также германской войной, а в довоенном СССР – империалистической войной.

новобрачным Шимриилем с его женой Тури и младшим Гевриилем. Захарие знал, что еще в конце прошлого века горские евреи установили связь с Иерусалимом и переезжали в Палестину, надеясь начать там новую жизнь...

Наконец, в июле 1919-го, распродав всё имущество и обратив стремительно обесценивавшиеся бумажные деньги в золотые монеты царской чеканки, Захарие с семьей направился в Батум⁸ – там находилась пограничная таможня, через которую только и можно было выехать в Турцию. Никто тогда не представлял, что его сыну Шимриилу и молодой невестке Тури судьба принесет серьезные испытания, которые перевернут всю их жизнь. К тому времени у Шимриила и Тури родилась дочь Ожой.

Многодневным и нелегким оказался путь из Дагестана в Батум, замедлявшийся изнурительной дорогой и постоянными поисками безопасных стоянок для отдыха. Получение разрешения на въезд в Палестину для семьи Захарие, как и для других еврейских семей, сопровождалось немалыми сложностями. И когда турецкая виза оказалась у них на руках, вся семья поспешила на таможню. Но неожиданно, прямо перед отъездом, Тури тяжело заболела малярией, и ее не пропустили через границу.

– Сын мой Шимрииль! Послушай меня, мы не можем больше задерживаться. Обстановка в стране с каждым днем всё хуже, и может случиться, что скоро власти совсем закроют границу. Может, тебе с ребенком лучше поехать сейчас с нами, а когда Тури выздоровеет, она нас нагонит... – просил Захарие.

– Нет, папа! Как же я ее здесь одну оставлю? – возразил Шимрииль. – Вы поезжайте с Божьей помощью, а мы вас догоним, как только ей станет лучше.

Семья Захарие благополучно пересекла турецкую границу, но остановка в Турции затянулась. В то время евреи из всех стран мира устремились на родину предков. По итогам неудачной для Турции войны Палестина оказалась подчинена Британии, там стояли английские войска. Но палестинские арабы с ужасом смотрели, как тысячи евреев приезжают в Эрец Израэль, и в этих усилиях по возрождению еврейского государства

⁸ Батум – так до 1936 года назывался грузинский город и порт Батуми на побережье Черного моря.

видели открытое покушение на свою свободу и независимость. Поэтому британские власти, опасаясь выступлений со стороны арабов, недолго думая ввели ограничения на въезд евреев в Палестину – в том числе и с турецкой территории.

Захарие с семьей еще почти два года прожил в Турции, надеясь, что Шимрииль с невесткой и маленькой дочкой вот-вот приедут и присоединятся к ним, – но от сына так больше и не пришло никаких вестей...

ЧАСТЬ III

Пока Тури выздоравливала в батумской городской больнице, Шимрииль занимался множеством дел – но дни шли за днями, а ни одно из них не приносило успеха.хлопоты по оформлению документов на выезд и поиски временной работы оказались безрезультатными. К тому же на его плечи легли и заботы по уходу за малышкой Ожой.

Незаметно подоспела осень, с моря напозлали туманы, ложились на горы, окружавшие бухту... Шимрииль шел прибрежными улочками и, отвлекшись от невеселых мыслей, засмотрелся на здешние пейзажи. Казалось, город Батум выплывал из моря, а утопавшие в изумрудной зелени горы были настолько великолепны, что не хотелось отрывать от них глаз. В бухте теснились пароходы – русские и иностранные со всех концов света. Воздух набережной был наполнен терпким запахом мандаринов, ароматом шашлыков и черного кофе. В многолюдной толпе здесь встречались грузины и турки, греки и армяне, персы, русские, британцы и другие европейцы. Набережная приморского города была главной его достопримечательностью, средоточием всех дел, и жизнь здесь была ключом. Поэтому Шимрииль, надеясь отыскать хоть какую-то работу, каждый день обходил стоявшие на набережной гостиницы, склады, торговые конторы и пароходные агентства.

В очередной раз блуждая по улицам Батума, он и не заметил, как вернулся в еврейский квартал, в центре которого стояла синагога грузинских евреев. В этом районе Шимрииль снимал комнатку у старика Хаима, владельца керосиновой лавки, находившейся рядом с его двухэтажным домом. Теплые

вечера он коротал в беседах с Хаимом во дворе под невысоким живым навесом из хмеля, вьющегося вокруг каркаса из бамбуковых палок. Обычно к ним подсаживались соседи и остальные квартиросъемщики, приехавшие в Батум по своим делам. Они собирались в этой беседке поиграть в нарды, попить кофе, а заодно и послушать Хаима. Старый еврей был очень словоохотлив и с удовольствием рассказывал бесконечные истории о своем городе.

– Батум несколько раз переходил из рук в руки, – привычно начинал он повествование. – Когда-то им управляли грузинские цари, потом его захватили османы, после Русско-турецкой войны он стал принадлежать Российской империи, под конец Мировой войны сюда вновь вошли турки, затем турок сменили англичане, и вот сейчас Батум – в Грузинской демократической республике. Наш город похож на Иерусалим! – торжественно провозглашал старик.

Нет, Хаим никогда не бывал в Иерусалиме и не видел его. Но сами батумцы именовали свой город малым Иерусалимом из-за обилия в нем храмов, а еще потому, что здесь, в живописном, поистине Богом избранном уголке проживали люди разных национальностей и вероисповеданий – христиане, мусульмане и иудеи. Причем у иудеев в городе было две синагоги – старая грузинская и недавно выстроенная большая каменная ашкеназская. Старик любил повторять один и тот же рассказ о том, как и когда ее построили.

– В Батуме живет много ашкеназим, – оживленно говорил он. – Раньше община не имела своей синагоги, и молились они в маленьком доме, где места всем желающим не хватало. Евреи хотели построить на свои средства большую синагогу и послали в правительство ходатайства, но всякий раз отказ получали. И вот однажды обратились они с прошением к самому императору Николаю Второму, пообещав ему молиться в новой синагоге своему единому Богу и просить, чтобы Всевышний даровал императору сына. Ведь к тому времени у царя уже было четыре дочери...

Тут Хаим многозначительно показывал четыре пальца на раскрытой веером правой ладони, и в глазах его загорались веселые огоньки.

– Можете не верить, но царь расчувствовался и собственноручно подписал: «Разрешаю. Николай!» – Хаим направлял вверх указательный палец, чтобы присутствующие запомнили кульминационный момент столь важного для города исторического события, окидывал взглядом завороченных слушателей и с гордостью завершал: – И результат превзошел все ожидания! Ведь летом 1904 года, когда синагогу уже почти достроили, у царя родился сын Алексей – наследник престола. Вот как это всё было, друзья мои дорогие!

Соседи слушали Хаима с непритворным любопытством, позволяя тому в очередной раз насладиться рассказами о щедрости русского императора по отношению к батумским евреям, а после расходились на покой, отдохнуть перед новым днем, полным новых хлопот.

...Тури выписали из больницы только через месяц. Она сильно похудела, побледнела и из-за небольшого росточка вовсе стала похожа на девочку.

– Я работать буду, – решительно заявила она мужу.

– С маленьким ребенком? И где же? – удивился Шимрииль.

– Вязать буду! – Большие зеленые глаза упрямо смотрели на него из-под длинных черных ресниц. – Мачеха меня этому ремеслу научила. Буду вязать скатерти и салфетки и смогу хорошо продать этот товар на базаре!

Несмотря на молодость, Тури оказалась поразительно бережливой и рассудительной. Тяжелое детство в отцовском доме рано научило ее житейской мудрости. Она понимала: как бы они ни сэкономили, оставленных родителями Шимрииля денег надолго не хватит, а ведь неизвестно, сколько еще им придется жить в Батуме... Тури была очень скорой в работе, трудолюбивой, в ее руках спорилась любое дело. По утрам, проводив мужа, она наводила в доме порядок, садилась у окна и сперва до блеска начищала закопченное за ночь фигурное стекло керосиновой лампы, подготавливая ее к вечеру, а затем увлеченно и охотно занималась любимым делом. Ловко работая коротким крючком, Тури вывязывала выющиеся петельки – причудливо переплетаясь, они словно сами собой складывались в узоры ажурных салфеток и скатертей. Работа ее была такой безупречной, что не оставляла

равнодушными ни торговцев, ни любопытных посетителей, праздно гуляющих по базару. Вскоре она научилась вязать роскошные летние шляпки и сумочки, полюбившиеся и жительницам южного грузинского города, и гостям, в нем отдохавшим. Иногда ее даже просили связать что-то на заказ.

Решив вплотную заняться оформлением виз на въезд в Турцию, однажды ранним утром Шимрииль вышел из дома, сложив в кожаную сумку на длинном ремешке паспорта и другие бумаги. Одет он был в длиннополую облегающую черкеску из темной шерсти, на ногах – мягкие кожаные сапоги с высокими голенищами. Новая папаха серого каракуля, которою он почти не снимал, и кинжал в серебряных ножнах на широком поясе придавали ему вид отважного горца. Шимрииль направился в турецкое генеральное консульство, занимавшее несколько комнат в особняке грузинского князя.

В это беспокойное время город захлестнула волна переселенцев. В Батум со всех концов съезжались предприниматели, интеллигенция, бывшие государственные деятели, люди самых разных национальностей, в том числе и евреи, и все они хотели спешно покинуть родину. Крушение прежней власти, ужасы Гражданской войны и погромов гнали людей за границу, и Батум стал центром сосредоточения беженцев на пути в Турцию, Францию и Палестину – только здесь бывшая русская граница всё еще оставалась открытой для выезжающих.

Больше всего людей собиралось перед турецким консульством – вот и сейчас Шимрииль издалека заметил толпу, переполнившую улицу. Пристроившись к очереди, он безрезультатно простоял почти весь день. У громадной резной двери консульства возвышался наблюдавший за порядком пожилой турок. Он впускал внутрь по несколько человек, и дверь, проглотив очередную группку, подолгу не отворялась. Очередь шла медленно, будто и не двигалась вовсе. Шимрииль нервничал, но всё же под вечер его пропустили в здание с последней порцией просителей.

Преисполненный сознания собственной важности чиновник лениво просмотрел бумаги, выслушал его объяснения насчет повторного обращения за получением турецкой въездной визы. Потребовал представить справку из больницы о здоровье

Тури и, наконец-то приняв документы, сухо заключил: «Ждите. Вас известят, как только документы пройдут все необходимые проверки».

В ожидании прошло более полугода. Но когда почтальон наконец-то принес конверт со штампом консульства, ответ оказался отрицательным – в визе молодой семье было отказано.

Тури находилась в полной растерянности:

– Что же дальше? Ведь родители заждались нас в Турции...

– Отец обещал, что будет дожидаться нашего приезда, – грустно сказал Шимрииль.

– Да, а ты разве не помнишь? Отец ведь оставлял тебе адрес знакомого турка на случай, если возникнут проблемы с документами! – неожиданно оживилась Тури.

– Верно. Как его... Осман-бей, кажется... – После долгих поисков Шимрииль обнаружил в потайном кармане сумки клочок бумаги с адресом. – Знаю, это место за базаром, я сегодня же пойду туда...

Турецкий базар с бесчисленными лавками и кофейнями был для батумцев одним из любимых мест, здесь можно было встретиться для важных разговоров и просто побродить от нечего делать. Оставив за спиной пестрое многоголосье базара, Шимрииль вышел на одну из узких улочек турецкого квартала. Здешняя архитектура явственно свидетельствовала о долгом правлении османов, а деревянные ставни и железные решетки на окошках старых домов напоминали, что в турецком квартале Батума следует соблюдать осторожность. Шимрииль подошел к одному из двухэтажных домов, постучал.

– Кого вам? – поинтересовалась через щель неприветливая старушка, прошаркавшая к двери в обуви с затейливо закрученными носами.

– Салам алейкум! – поздоровался по-турецки Шимрииль. Он хорошо знал этот язык, схожий с кумыкским, которым владели многие горские евреи северного Дагестана, жившие по соседству с кумыками. – Я Осман-бея ищу, он друг моего отца, – добавил он, чтобы успокоить старушку, изучавшую нежданного гостя с откровенным подозрением.

– Его нет, позже будет, вечером. – Услыдав турецкую речь, женщина чуть успокоилась.

Поблагодарив и попрощавшись, Шимрииль ушел. Вечером он отправился к Осману вместе с женой. На сей раз к двери подошел пожилой мужчина лет семидесяти в бордовом кафтане поверх зеленого атласного жилета в полоску и в темно-вишневой феске на голове. Широкие шаровары прикрывали обувь с длинными загнутыми носами. Обменявшись с гостями приветствиями на турецком, он впустил их в дом.

– Помню-помню твоего отца, – начал разговор Осман, добродушно кивнув, и черная кисточка на его феске закачалась в такт. – Так что же вас ко мне привело, уважаемые?

Турок вежливо склонил голову и, лукаво улыбаясь, ждал ответа.

– Отец уехал в Турцию и ждет нас, а мы вот никак выехать к нему не можем. У нас трудности с получением турецкой визы. Он перед отъездом ваш адрес оставил и сказал, чтобы в случае нужды мы к вам обратились, – объяснил Шимрииль.

– Что ж, попробую помочь. Ничего заранее не обещаю, но что можно сделать, сделаю... – Осман понизил голос до полусшепота, будто кто-то мог их подслушать, и добавил: – Для этого потребуются деньги.

– Сперва спроси, сколько он хочет, – не выдержав, обратилась Тури к мужу на родном языке, чтобы Осман ее не понял.

– Мы готовы заплатить, – не отвечая ей, так же тихо сказал Шимрииль.

– Ну, об этом мы поговорим потом, потом... А пока оставь документы и зайди ко мне на следующей неделе. Постараюсь сделать для вас всё, что смогу, – по-прежнему любезно улыбаясь, повторил Осман и проводил гостей до двери.

Возвращаясь темными улицами, они остановились недалеко от дома Хаима. Ночной ветерок нес прохладу, смешанную с приторным ароматом вечнозеленых магнолий. Шимрииль поднял взгляд к густо усеянному звездами темному небу. Ночная бездна была безразлична к ним, но душа его на мгновение наполнилась чем-то светлым и радостным, он мечтал о встрече с родными. Тури молчала, боясь нарушить тихий ход его мыслей.

– Много ли он попросит, как думаешь? – наконец не выдержала она.

– Не волнуйся, мы с ним при встрече об этом поговорим, – успокоил Шимрииль.

Действительно, через несколько дней работник Османа принес записку с указанием суммы. С этими деньгами Шимрииль должен был явиться на встречу в одну из кофеен на набережной, рядом с гостиницами «Бельвю» и «Ориенталь».

Получив из рук Шимрииля увесистый сверток с золотыми монетами, Осман сказал:

– Я нашел человека, который за вознаграждение ускорит оформление ваших документов. Надо только подождать, я дам знать о результате.

Не мог тогда предвидеть Шимрииль, что грядущие перемены разрушат все его планы...

Нужда в деньгах заставила Шимрииля согласиться, когда Осман предложил ему поработать на базаре, продавцом в рыбной лавке какого-то грека. И теперь каждое утро он вставал ни свет ни заря, чтобы успеть в пропахшую рыбой ненавистную лавку, подготовить товар до прихода первых покупателей.

Так прошло всё лето, пролетела осень, а за ней и зима. Природа пробуждалась, ветви деревьев покрылись свежей зеленью. Одновременно в воздухе кружил разноцветный весенний листопад – это вечнозеленые эвкалипты и лавры сбрасывали на землю перезимовавшую листву. Но жителям Батума было не до обновлений природы. В конце зимы – начале весны 1921 года в городе начались революционные волнения, а к середине марта его заполнили османские войска – якобы для того, чтобы защитить Грузинскую республику от наступающей Красной армии, но все вокруг говорили, что Батум скоро объявят частью Турции. А еще через несколько дней в Батум вошли кавалерийские отряды Красной армии, которые вышвырнули из города турецких вояк и установили советскую власть.

Между тем в Батум прибывало всё больше беженцев, стремившихся побыстрее выехать из страны. Разрешения для перехода через границу выдавал тогда тифлисский отдел виз, который всячески препятствовал эмиграции. А вскоре советская власть полностью перекрыла легальный выезд через Батум. Правда, контрабандисты за большие деньги брались переправить желающих в Турцию, но многим заплатить было просто

нечем. К тому же ходили упорные слухи, что бандиты под видом контрабандистов на самом деле просто грабят беженцев и выбрасывают их в море.

Захарие всё это время оставался в Турции, там он и узнал, что сбылись самые мрачные его опасения – советская власть наглухо закрыла границы страны, изолировав ее жителей от внешнего мира. Не дождавшись приезда сына, Захарие купил в Турции паром, и несколько дней они всей семьей плыли морем к Земле обетованной.

В Тель-Авиве Захарие первым делом купил участок в «кавказском» квартале, где селилось большинство новоприбывших горских евреев. Палестину они воспринимали как новую родину и начинали там обживать. Их ждала новая жизнь в стране, где ежедневно и ежечасно приходилось бороться за свою безопасность. Со всех концов света евреи съезжались туда, где вокруг были враги и пустыня, а каждый квадратный метр Святой земли был пропитан кровью людей, боровшихся за право жить на ней. Многострадальный народ, сплоченный верою предков, долго мечтал о возвращении на обещанную Богом землю! Евреи несли с собой факел надежды и были уверены, что сумеют возродить свой национальный очаг, построить свою страну и предстать перед миром как народ, который выстоял, несмотря на тысячелетние гонения. Они любили свою Родину и верили в возрождение Эрец Израэль.

Семья Шимриила задержалась в Батуме надолго. Осман-бей всё это время обещал, что вот-вот раздобудет для них визу, но в марте 1922-го политическая ситуация вдруг резко изменилась – Грузия с Азербайджаном и Арменией объединилась в федерацию советских республик Закавказья, и власти жестко ограничили выезд граждан за границу, решив максимально сократить эмиграцию. Осман-бей сокрушенно заявил, что в сложившихся обстоятельствах его знакомец из турецкого консульства уже не в силах помочь им в получении визы.

Шимрииль понял, что надежды рухнули и отец его не ошибся в своих предчувствиях – дорога из страны закрылась для них навсегда. В довершение всех бед пропали и деньги, переданные

Осман-бею на оформление документов, – пообещав их вернуть, улыбочивый турок однажды просто-напросто исчез. Как выяснилось, он бежал в Константинополь⁹.

Узнав об этом, Шимрииль пришел в совершенное отчаяние: планам его не суждено было сбыться, последние оставленные отцом деньги пропали, он сбился с пути, и неожиданные трудности, с которыми им пришлось столкнуться, с каждым днем только множились. Шимрииль сокрушенно рассказал обо всем жене.

Отвернувшись, чтобы муж не увидел ее слез, Тури решительно заключила:

– Нужно возвращаться в Дагестан. Что нам делать здесь, в чужом краю?! Поедем в Темир-Хан-Шуру.

– Хм... Поедем? И к кому же?

– Да к сыну твоего дяди, к твоему двоюродному брату Леви. Он человек состоятельный, владелец консервного завода и многих домов в Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске¹⁰. Будем надеяться, Леви поможет нам и с жильем, и с деньгами. А здесь ожидать уже нечего. Я ведь снова беременна, и думаю, нам точно пора собираться в дорогу...

– Наверно, ты права, – вздохнул Шимрииль. – Родительские деньги давно кончились, сводить концы с концами всё тяжелее. Что ж, поедем к Леви.

– Я верю, что настанет день, когда мы снова встретимся с родителями... – Тури утешала мужа, хотя в глубине души понимала, что надеждам этим сбыться не суждено.

В назначенный для отъезда вечер в начале апреля к дому подкатил фаэтон, который нанял для них Хаим, и встал у ворот, дожидаясь пассажиров.

– Я отвезу вас на вокзал, – сообщил старик и, заметив растерянность Шимрииля, растроганно добавил: – Ну, не

⁹ До 1930 года Стамбул во всем мире официально именовался Константинополем, так называли его и в России. Но жители Грузии, Азербайджана и самой Турции в обиходе пользовались турецким названием Истанбул.

¹⁰ Порт-Петровск – так до 1918 года именовалась Махачкала. Но город и позже в обиходе некоторое время называли Порт-Петровском.

беспокойтесь, пожалуйста, фаэтонщику я уже заплатил. Разве не могу и я сделать вам что-то приятное?!

Пока Шимрииль жил в его доме, Хаим сдружился со своим квартироръемщиком. Обходительный и учтивый молодой человек, безотказно откликавшийся на всякие его просьбы, очень нравился старику.

Когда все наконец расселись, старик сказал фаэтонщику «Трогай!», и экипаж загрохотал по булыжникам мостовой. На город спускались сумерки, вечер выдался неожиданно холодным и пасмурным. Ехали молча, каждый думал о своем. Первым не выдержал устроившийся рядом с Шимриилем Хаим, ему хотелось поговорить.

– Совсем, совсем плохие времена настали, друг мой, – начал он дрожащим от негодования голосом. – Что ж это такое вокруг творится?! Наш Батум не раз переходил из рук в руки всяким правителям, но никогда еще не бывало, чтобы евреи прятались в разных местах и тайком собирались для молитвы... Ходят слухи, что, не дай Бог, Советы отберут у ашкеназим новую синагогу. Ай-яй-яй, что же делается!

– Да, дядя Хаим, я тоже слышал об этом от Иосифа, хозяина соседней лавки, – сокрушенно вздохнул Шимрииль.

– Но пойми, не всё так просто, друг мой! – утешающе продолжил старик. – От рождения и до самой смерти судьба ведет нас по тропкам, которые, словно в лабиринте, расходятся в разные стороны. Кто-то бродит в этом лабиринте недолго, потому как вскорости находит свое счастье, другие же всю жизнь блуждают путанными, неверными тропами. Ведь жизнь – это лабиринт, и люди обречены двигаться путями, что предначертаны свыше...

Шимрииль понимающе кивнул, не перебивая разговорившегося старика.

– Ну вот хоть тебя взять, ты ведь тоже случайно в наших краях оказался, правда?! И кто знал, что вдруг здесь застрянешь, а?! – не унимался Хаим и, похлопав парня по плечу, подбодрил: – Но не отчаивайся, друг мой, ты тоже выберешься из тупика. Поверь мне, обязательно прорвешься!

Скоро вдали показались станционные огни. Экипаж приближался к железнодорожному вокзалу, но тут извозчик

осадил лошадь, сплюнул и пренебрежительно махнул рукой, всем своим видом показывая, что дальше не поедет. Сделав ему знак, чтобы подождал, Хаим пошел провожать друзей до поезда.

На привокзальной площади царило шумное многолюдье. Расчищая путь в толпе, носильщики торопливо катили по перрону тележки с тяжелыми чемоданами. Мужчина в выдавшем виды пальто, примостившийся под навесом обшарпанного станционного здания, неторопливо крутил ручку шарманки, извлекая пронзительно-тоскливую мелодию. В консервную банку у ног шарманщика прохожие скупно бросали мелкие денежные бумажки.

К перрону, надсадно пыхтя, в клубах дыма и пара подошел паровоз с полутора десятками вагонов. Дежурный по станции, даже в рупор с трудом перекрикивая толпу, объявил посадку на поезд до Тифлиса, засуетились сотни пассажиров... Подсадив жену с дочкой на площадку вагона и затем устроив их на свободной деревянной лавке, Шимрииль вернулся на перрон попрощаться с Хаимом. До отправления поезда оставалось еще несколько минут, они молча постояли у вагона, обнялись. Хаим зябко повел плечами, покосился на переминавшегося у вагона проводника и вполголоса сказал по-отечески:

– Не отказывайся от своей мечты, не забывай – нас ждет Иерусалим...

Старик прикрыл глаза и зашевелил губами, нараспев читая знакомую молитву: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя. Да прилипнет язык мой к небу моему, если не буду помнить тебя, если не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего!»

Слабое стариковское пение сливалось с далекими звуками шарманки; в груди защемило, мучительная грусть хлынула в душу Шимрииля. Пытаясь прогнать тяжелые мысли, он украдкой взглянул на Хаима – и понял, что мудрый старик чувствует, что творится у него на душе. Хаим смахнул слезу с морщинистой смуглой щеки и попрощался:

– Мы обязательно встретимся на Святой земле! До скорой встречи, дорогой!

...Паровоз, пуская в небо клубы черного дыма, набирал скорость. Оказавшись в Тифлисе, Шимрииль с женой и дочкой удачно пересели на другой поезд – до Баку.

ЧАСТЬ IV

По мелькавшим за окнами нефтяным вышкам пассажиры догадались, что состав скоро прибудет на бакинский вокзал. Высоченные деревянные пирамиды таили под собой, в недрах южного края, неиссякаемые запасы черного золота. Забрызганные нефтью и покрытые толстым слоем копоти четырехгранные вышки вонзались в небо, издавелека напоминая зловеший густой лес.

Первые нефтяные скважины пробурили в окрестностях Баку еще в конце 1850-х годов, а к 1870-м забившие в изобилии нефтяные фонтаны круто поменяли всю здешнюю жизнь, вскружив головы как местным дельцам, так и хлынувшим из Европы и Америки предпринимателям, включая Ротшильдов и братьев Нобелей. Дешевая бакинская нефть разбудила дремавший веками древний город на берегу Каспия, прославив его на весь мир. На пороге XX столетия благодаря доходам от нефтепромыслов Баку превратился в важнейший культурный и промышленный центр, став цветущим, поистине благословенным местом, едва ли не сказкой. Новоявленные нефтепромышленники удивительно быстро становились магнатами-миллионерами и возводили на бакинских улицах настоящие дворцы со сверкающими куполами, над убранством которых трудились выписанные из Италии художники.

Баку наверняка процветал бы и далее, рано или поздно в блеске своем став соперником Санкт-Петербургу, а то и Парижу, – если бы не безумная кровавая авантюра, нежданно затеянная большевиками, и последовавшее за ней крушение всей огромной Российской империи. Жизнь города с февраля 1917 года полностью изменилась, в политической неразберихе улицы запестрели диковинными красными флагами и неслыханными прежде лозунгами «Да здравствует советский Азербайджан!», «Мир народам, фабрики рабочим, земля

крестьянам!», «Вся власть Советам!». Так началась долгая череда смены властей...¹¹

Шимрииль с семьей оказался в Баку в апреле 1922 года, когда главные потрясения в городе уже завершились. Молодой семье, возвращавшейся домой, в Дагестан, пришлось здесь задержаться. Купить билеты на поезд до Порт-Петровска оказалось невозможно из-за вконец расстроенного железнодорожного сообщения. Исправных паровозов и вагонов не хватало, народ сутками толпился у билетных касс, и бесконечная очередь на вокзале совершенно не двигалась.

Тури прождала мужа всю ночь. Расстелив на скамейке в зале ожидания зимнюю шаль, она уложила ребенка и сама села рядом, беспокойно озираясь на спящих вокруг людей. Тем временем Шимрииль искал возможность хоть как-то раздобыть билеты. Незаметно пролетела ночь, но и второй день прошел безрезультатно. Билеты до Порт-Петровска были распроданы на два месяца вперед.

– Придется нам поехать к Бетуш, а потом еще что-нибудь придумаем. Прошу тебя, собирайся, – взмолилась Тури при виде мужа, совершенно отчаявшегося после бессонной ночи. Шимрииль нехотя, но всё же последовал совету жены, надеясь передохнуть в доме родственницы.

Неожиданный шанс навестить Бетуш, с которой она не виделась несколько лет, взбодрил Тури. Вскоре после ее свадьбы одну за другой повыдавали замуж и младших сестер, и Бетуш вышла за бездетного пожилого вдовца Хануко – купца второй гильдии, хозяина нескольких ковровых складов и магазинов в Баку. Бетуш жила в огромном доме в окружении слуг, а ее муж почти всё время проводил в разъездах по Турции, Дагестану и разным другим местам, возвращаясь с грузом шерстяных

¹¹ После того как в октябре 1917 года в столичном Петрограде большевики свергли Временное правительство, власть в Баку перешла сперва к революционному Бакинскому совету, затем, в апреле 1918-го, – к Бакинской коммуне, в июле – к диктатуре Центрокаспия и английским войскам, в сентябре – к правительству Азербайджанской демократической республики, а в самом конце апреля 1920 года в Баку вошла Красная армия, прочно установив советскую власть.

ковров ручной работы. Детей у него не было. Большевики, придя к власти, экспроприировали роскошный двухэтажный дом Хануко. Для проживания бывшему хозяину оставили лишь пару комнатушек на первом этаже, где его семья и ютилась уже почти два года. Там нашли приют и гости – Тури с мужем и маленькой дочкой.

Радость встречи сменилась испугом при виде Бетуш в траурном одеянии. Не успев обняться с сестрой и уже предчувствуя ответ, Тури воскликнула:

– Что, что случилось? Говори же...

Сквозь слезы Бетуш сообщила печальную новость о смерти их отца Шомоила. Она рассказала, что отец заболел от горя, когда оказавшиеся у власти большевики конфисковали принадлежавшие ему поля и виноградники... Сестры, обнявшись, долго плакали.

– Он не мог смириться с потерей всего состояния и слёг, – рассказывала Бетуш. – Надеюсь, что хорошие врачи помогут, наша мачеха Руты поехала с ним в Баку. Отца положили в больницу, но через неделю он умер.

– Да упокоится душа его в мире ином, ведь смерть человека – решение Всевышнего, – скорбно вмешался в разговор Хануко и, помолчав, добавил: – Множество бед принесла революция, большевики всё у людей отобрали! Советы национализировали мои ковровые магазины и склады. Я тогда был в Истанбуле, не смог сразу вернуться домой и не успел... не успел забрать из банков деньги и драгоценности. Когда приехал, банки уже закрылись, новая власть всё к рукам прибрала... И не я один, почти все так пострадали! Все состоятельные вкладчики и владельцы нефтяных компаний в Баку разорились, люди лишились своих богатств – золота и денег. А многие ведь не верили, что новый режим надолго. Эх, упустили, упустили империю царские военные, не смогли вырвать ее из рук босяков, бунтарей большевистских, которые устроили в стране этот балаган! – Хануко стукнул кулаком по столу так, что зазвенела посуда, дожидавшаяся гостей к ужину.

– Беспорядки снежным комом прокатились по всей стране, – с тоской согласился Шимрииль, – и в Батуме то же самое началось. Вчера в поезде по дороге в Баку я случайно узнал от

попутчиков, что Советы отобрали у евреев даже здание ашкеназской синагоги и передали его большевистской организации. Представляете?! Сейчас они там собираются открыть спортивный клуб для своей молодежи! Говорят, теперь евреи молятся в домике на окраине города, да и туда новые власти засылают своих осведомителей. Вот как теперь получатся... беспокойное настало время!

Мужчины просидели за чаем до позднего вечера, рассуждая о жизни и об обстановке в городе, и вместе негодовали. Под конец Шимрииль попросил добродушного хозяина использовать свои связи, чтобы помочь им выехать из Баку. Несмотря на старания найти старых знакомых на железнодорожном вокзале, чтобы через них помочь родственникам жены достать билеты на поезд до Порт-Петровска, попытки Хануко не увенчались успехом. Только неделю спустя он сообщил гостям, что его двоюродный брат Манашир, служивший курьером на почте, через месяц отправляется в Хачмаз и может по пути взять их с собой.

– Замечательно, я так вам признателен! Конечно, мы поедем с ним, – решил Шимрииль, – а там, может, пересядем на поезд до Дербента или Порт-Петровска, как уж получится...

Тури была уже на шестом месяце беременности и ожидала дня отъезда с нетерпением. Хотя она и радовалась наступившей весне, однако ноющее беспокойство, поселившееся в душе перед дальней поездкой, не покидало ее.

– Манашир подъедет за вами ранним утром, и вы должны быть готовы. Хорошо, что дни стоят теплые. Впрочем, путь предстоит долгий, и ночами еще холодно, так что он, конечно, утеплит повозку внутри, да и вы одеяла возьмите, в дороге пригодятся, – заботливо объяснил Хануко и сказал Бетуш, чтобы помогла сестре собраться в дорогу.

С рассветом к дому Хануко подъехал почтовый экипаж, запряженный парой лошадей. И вот они неторопливо двинулись по улицам под громкий скрип колес, разрывавший тишину еще спавшего города. Через час лошади вынесли повозку на безлюдную дорогу, тянущуюся вдоль побережья. Справа открывались бескрайние воды Каспия, зеленоватые волны с шумом

бились о берег. Переливавшееся в утренних лучах море словно говорило: «Смотрите, какое я сильное и красивое!» Весенний ветер гнал вслед карете тучи песка и пыли, Манашир в теплой стеганой фуфайке молча сидел на облучке. На ночлег остановились в придорожном ауле и, чуть рассвело, опять двинулись в путь. На вторые сутки к вечеру Манашир сказал, что придется заночевать в следующем селении, дать лошадям передохнуть и запастись едой и водой. Никто тогда еще не знал, что ожидает их всех впереди...

Стустились сумерки, Шимрииль и дочка спали, и лишь Тури пыталась разглядеть вдали очертания придорожного поселка. Женщина грустила, предчувствуя что-то очень недоброе, и ожидания ее не обманули. До поселка оставалось уже не более десятка вёрст, когда из темноты возникли силуэты двух всадников. На них были длинные шинели, на головах – низко надвинутые будёновки с нашитыми на них суконными звездами синего цвета, какие полагались кавалеристам Красной армии. Всадники перегородили дорогу и, представившись членами ревкома¹², грубо потребовали показать, что находится в экипаже. Ничего хорошего их повадки не предвещали.

Спешившись, они первым делом подошли к повозке, слез с облучка и Манашир, взял лежавший под сиденьем железный ломик и уже собирался открыть засов на задних дверцах багажного отделения, но внезапно остановился.

– Я почтовый груз везу, а где ваши документы? – спросил он, обернувшись к старшему из ревкомовцев, стоявшему слева.

– Документы захотел? Вот тебе документы! – усмехнулся тот и ударил Манашира ножом в грудь.

Тут же второй ревкомовец, остававшийся за спиной, нанес ямщику сильнейший удар по затылку. Манашир зашатался и упал. А переодетые красноармейцами бандиты взломали дверцу и принялись рыться в почтовых мешках, раскидывая их по сторонам. Тури, обливаясь потом от страха, видела всё происходящее сквозь щели в тонкой стенке багажного отделения. Она тихонько разбудила мужа, шепнула ему об опасности.

¹² Ревком – революционный комитет, название чрезвычайных органов советской власти времён Гражданской войны.

Шимрииль спросонья нащупал лежавшую под ногами доску, которой Манашир собирался залатать прохудившийся пол почтовой повозки. Стараясь не шуметь, выбрался наружу, крадучись обошел повозку. Парочка бандитов занималась своим делом – они вскрывали почтовые мешки и ящики и что-то искали. Шимрииль, изо всех сил размахнувшись, опустил доску на голову того, кто ударил Манашира ножом. Бандит повалился как подкошенный. Шимрииль собирался повторить то же с его дружкой, но бандит с руганью кинулся на него, завязалась драка. Тури увидела, как лежавший на земле Манашир очнулся и, схватив валявшийся рядом ломик, ударил бандита по ноге. Что-то хрустнуло, раздался дикий вопль, и бандит грохнулся на четвереньки, вереща от страшной боли. Заметив, что он пытается уползти, Манашир ударил его ломом еще раз.

– Боже милостивый, спаси! – в ужасе взмолилась Тури.

Проснулась и заплакала трехлетняя Ожой. Насмерть перепуганная Тури, подхватив дочку, распахнула дверцу и кинулась в придорожный лес. Прижав девочку к груди, она бежала в непроглядной тьме, пока не споткнулась о сломанную ветку. Упала без сил и почувствовала внизу боль, раздиравшую тело. Тури зарыдала.

Тем временем мужчины вдвоем управились с бандитами. Шимрииль, обняв Манашира, поднял его с земли.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, нащупав на его телегрейке мокрое кровавое пятно.

– Да ничего, выживу, – ответил Манашир. – Хорошо, что в фуфайке во внутреннем кармане портсигар лежал. Нож сквозь вату прошел, в портсигар уткнулся, соскользнул и только небольшую рану в боку оставил. Портсигар от ножа спас, а вот удар по шее крепко меня оглушил!..

Потерев затылок, Манашир склонился над пострадавшим от его лома нападавшим.

– Ну что, красноармеец фальшивый, ты чего хотел, кипёй-оглы¹³?!

Манашир со всей мочи пнул бандита в живот, и тот заорал от боли.

¹³ Кипёй-оглы – сукин сын (на азербайджанском языке).

– Захриман¹⁴ вам обоим! Ох и наглецы! – бранился ямщик, собирая в мешки разбросанную почту. Шимрииль помог ему, и, оставив бандитов валяться на дороге, они вдвоем вернулись в экипаж – но ни Тури, ни ребенка там не обнаружилось.

– Как так, куда ж твоя жена делась? – изумился Манашир.

– Наверно, с дочкой в лесу спряталась, – неуверенно предположил Шимрииль.

Манашир стал искать их вдоль дороги, а Шимрииль пошел вглубь леса, громко окликая Тури. В лесной тишине вдруг слышался детский плач, и он почти бегом направился туда. Изза сосен выплыла полная желтая луна и, будто желая помочь, залила лес призрачным сиянием.

Тури бессильно лежала под большой сосной рядом с плачущим ребенком.

– Что с тобой? – Шимрииль в ужасе нагнулся над ней.

– Ожой, девочка моя... ой, не могу... – только и промолвила она и, потеряв сознание, поникла головой.

– Гони лошадей сюда, быстрее! – закричал Шимрииль.

Манашир подогнал повозку ближе к лесу и прибежал на помощь. Еще через несколько минут они выбрались обратно на дорогу. Запыхавшийся Шимрииль принес жену на руках и осторожно усадил ее в повозку, а Манашир пристроил рядом маленькую дочку.

– Жену в больницу надо, срочно! И тебе тоже рану врачу показать следует. Ты как, лошадьми управлять сможешь? Или мне сейчас лучше за кучера побыть? – беспокоился Шимрииль.

– Нет-нет, всё в порядке! – ответил ямщик, хлестнул лошадей, те заржали, и повозка запрыгала на ухабах.

До поселковой больницы они добрались уже совсем слабые и уставшие. Манаширу перевязали рану, а Тури уложили в больницу. Ее бил озноб, открылось кровотечение. Начались преждевременные роды. Целую ночь фельдшер и медсестра пытались помочь измученной женщине, и только под утро всё успокоилось.

– Женщину вашу чудом спасти удалось. Позже бы приехали, она бы умерла... Сейчас опасность позади. У вас мог бы быть

¹⁴ Захриман – отравы, яд (на азербайджанском языке).

мальчик, но, увы, ребенок не выжил, – с сожалением сообщил усталый фельдшер.

– Когда же я смогу забрать жену? – Шимрииль едва сдерживал дрожь.

– Не раньше чем через два дня. Да и другу вашему подлечиться надо, отдохнуть.

Жизнь обрушивала на Шимрииля и его семью одну неприятность за другой. Не в силах ничего изменить, он достойно перенес и это нелегкое испытание. Он готов был пережить все трудности ради того, чтобы когда-нибудь вновь встретиться со своей родней, и жил этой мечтой...

Когда они наконец-то добрались до Хачмаза, Манашир помог попутчикам раздобыть билеты на проходивший поезд до Порт-Петровска, а оттуда они на лошадях добрались и до Темир-Хан-Шуры.

Проделав нелегкий обратный путь, Шимрииль с Тури вернулись в Дагестан, где и жили до конца своих дней.

Молодое советское государство установило строгие порядки. «Железный занавес» перекрыл не только пути эмиграции, но даже и возможность общения с родственниками, проживавшими за границей. Международной телефонной связи не было, а письма... письма из-за рубежа просто не доходили до адресатов – граждан новой страны социализма. Шимрииль так никогда больше и не встретился с родителями. Он даже не знал, что его отец Захарий умер в 1927 году в Тель-Авиве в возрасте 68 лет, а следом умерла и его мать Истыр. Судьба разъединила отца с сыном навсегда, не оставив им шанса на встречу.

Но жизнь продолжалась, и всё в ней было не случайным. Думала ли тогда Тури, что почти через 70 лет Россию вновь захлестнут перемены, что советская власть падёт, что начнется совсем другая эпоха – и те же проблемы с выездом встанут уже перед ее внуками...

2014–2015 гг.

Торонто – Нетания

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Идея создания книги пришла ко мне не сразу. С 2005 года я начала работать в общине горских евреев Торонто, освещая ее жизнь и события в общинном журнале. Близко общаясь с людьми из разных регионов Кавказа, я намного больше узнала о характере нашего народа, его традициях и культуре. Например, образ горянки-еврейки Шунамит в повести «Лабиринты судьбы» навеян историей, которую я услышала от одной горской еврейки из Налчика. Впоследствии я решила продолжить повествование о Шунамит, вплетая ее историю в историю семьи моего прадедушки Захарий, – так появились еще два рассказа, позднее ставших частью повести. Я послала свои первые работы члену Союза писателей Израиля Фриде Юсуфовой. Практическими советами и наставлениями она помогала мне в организации общественных мероприятий, а теперь поддержала и в пробах пера. Фрида Юсуфова и раввин Филипп Гельфман из Израиля были моими первыми читателями и взыскательными критиками робких шагов на литературном поприще.

Более важным событием моей жизни в то время стало прохождение тшувы, связанное с возвращением к традициям предков, к иудаизму. Познание доселе неведомых истин повлияло на сплетение сюжетных линий жизни моих героев с танахическими историями, на использование эпитафов из Танаха и библейских имен, которые испокон веков носили горские евреи. Так, каждое произведение начинается с эпитафа из святых книг, напоминая читателю о постигшей наш народ трагедии рассеяния, – надеюсь, это подтолкнет читателя к раздумьям о жизни, о своих корнях...

Главное же в моих произведениях – жизнь еврейских общин Кавказа и уважение к вековым традициям предков, помогавшим народу выстоять в суровые лихолетья постоянных гонений. Блуждая в лабиринтах судеб героев книги, я стремилась

донести до читателя свои переживания и мысли о непростой жизни моего маленького народа, о тех страданиях и нестерпимой боли, которые ему пришлось перенести в постоянных скитаниях по миру. Например, в рассказе «Свет уходящей звезды» я хотела показать большую трагедию еврейского народа через судьбу одной еврейской общины. И при этом отразить, как в капле воды отражается солнце, все те ценности, которые удалось сохранить, сберечь в окружающем нас недобром мире.

Надеюсь, что написанное мной тронет души тех соотечественников, в ком еще живо еврейское сердце, чтобы и новые поколения помнили историю предков, помнили и передавали ее своим детям. Эта же мысль подсказала названия и повести, и всей книги – «Лабиринты судьбы» моих героев, «Лабиринты судеб» моего народа.

Пользуясь случаем, хотела бы поблагодарить всех, кто помог мне в работе: Фриду Юсуфову за поддержку и раввина Филиппа Гельфмана за содержательные отклики. Я безмерно благодарна раввину Адаму Давидову за советы и комментарии к включенным в рассказы фрагментам из Танаха, его же замечания были использованы в рассказах «Мирвори» и «Хая – это жизнь, или Вечно жив еврейский народ». Хочу выразить признательность и всем читателям, приславшим мне отзывы, художнику Шалуму Шалумову за иллюстрации, любезно предоставленные для этого издания, а также корректору Раисе Пинской, редактору Олегу Пуле и дизайнеру Елене Сашиной, работавшим над книгой, – и пожелать им творческих успехов.

Моя первая книга «Лабиринты судеб» это еще и дань памяти моих предков – Шимриила и Тури Цидкиловых-Писаховых, чья жизнь продолжается в их внуках и правнуках.

Литературно-художественное издание

Тейло Нисанова
ЛАБИРИНТЫ СУДЕБ
Рассказы и повесть

Художественный и технический редактор *Олег Пуля*
Дизайн и верстка *Елена Сашина*
www.art-ollen.ru

Иллюстрации в тексте *Шалум Шалумов*
Литературный редактор *Олег Пуля*
Корректоры *Олег Пуля, Раиса Пинская*

Подписано в печать 25.02.2016. Формат 84×108 1/32
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 10,92. Тираж 200 экз.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
Полиграфические услуги «Studio Click Ltd», Иерусалим
E-mail: 2011click@gmail.com

Тейло Нисанова – прозаик и публицист, член Союза писателей Израиля. Родилась и выросла в горном Дагестане, в городе Буйнакске.

«Тейло» на древнееврейском языке звучит как Теилим, что в переводе означает «псалмы».

Окончила инженерно-технологический факультет Дагестанского государственного университета. Работала в Махачкале, в компьютерном центре рыбопромышленного объединения «Дагрыба». В 1992 году вместе с семьей эмигрировала в Канаду.

С 2005 года занимается общественной деятельностью, является заместителем президента Центра общины кавказских евреев Торонто, руководителем женской организации, директором программ для женщин и детей. Автор и руководитель многих общинных проектов – Международного фестиваля детских талантов 2007 года, Дня общины и т.п. Делегат Генеральной ассамблеи Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, делегат Конгресса горских евреев, прошедшего в израильском Кнессете в мае 2008 года, участник многих конференций и съездов горских евреев в США и Израиле.

Творческий путь начала в 2005 году с публикации статей в общинном издании «Зори Кавказа» в Торонто. Как летописец жизни горско-еврейской общины Торонто написала уже более 100 статей о жизни и деятельности общины. Публикуется на сайтах STMEGI.com, juhugo.com, gorskie.ru и в русскоязычных газетах и журналах Канады, США, Израиля и России.

В настоящее время проживает с семьей в Торонто, имеет троих детей и работает в компьютерной индустрии. Любит свой народ и пишет о нем в новых произведениях, вызывая интерес литературностью сюжета и пытаясь найти дорогу к сердцу читателей.